

Гарри Тюрк

ПО НОЧАМ ПЛАЧЕТ САМПАГИТА

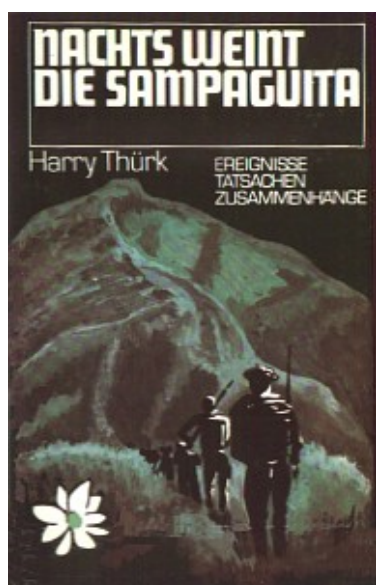
Борьба и поражение хуков на Филиппинах

Военное издательство Германской Демократической Республики, Берлин, 1980.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2018 г.

Оригинал: Harry Thürk, Nachts weint die Sampaguita. Kampf und Niederlage der Huk auf den Philippinen. Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin, 1980.

О книге (аннотация к изданию 1980 г.): В своей новой документальной книге Гарри Тюрк открывает читателям преимущественно неизвестную в наших широтах главу Второй мировой войны и первых послевоенных лет в тихоокеанском регионе: Хукбонг Байян Лабан Хапон, или сокращенно «Хук» – так называлось мощное партизанское движение на Филиппинах, которое преследовало цель изгнать японских завоевателей и добиться национальной независимости. Автор исследует тот удивительный факт, что как раз в этом далеком островном государстве под руководством коммунистической партии возникло одно из самых сильных антифашистских и антиимпериалистических народных движений тех времен.

Но Гарри Тюрк не только красочно описывает появление и боевые действия огромной партизанской армии хуков, которая наносила чувствительные удары вооруженным современным оружием солдатам японского императора. Он одновременно позволяет читателю бросить взгляд за политические кулисы, где велась коварная игра против патриотических сил.

Хотя США рассматривали Филиппины как важную колонию, они отдали их японцам почти без борьбы. Почему?

Макартур и его войска эвакуировались в Австралию – что стоит за его надменным обещанием «Я еще вернусь»?

Эта документальная книга подтверждает опыт истории: стратеги, которые так любят разглагольствовать о правах человека, также в случае Филиппин использовали те же методы, которые у них всегда наготове, когда они сталкиваются с демократическим движением народа: демагогию, коррупцию, политическую двойную игру, предательство, убийство.

Автор разоблачает темные махинации, с помощью которых столь важные для Америки в экономическом и военном отношении острова были возвращены под контроль США с минимальными жертвами с американской стороны.

От переводчика: Книга популярного немецкого писателя и журналиста Гарри Тюрка (1927-2005) «По ночам плачет сампагита» посвящена сравнительно малоизвестной в Европе и на постсоветском пространстве теме – борьбе филиппинских коммунистических партизан («хуков») сначала во время войны против японских агрессоров, а затем в первые послевоенные годы – против проамериканского правительства Филиппин. Эта книга была впервые опубликована в Военном издательстве ГДР в 1980 году и до конца существования ГДР выдержала еще несколько переизданий.

Книга написана, как это типично для Тюрка, простым языком и в занимательной манере, при этом она достаточно информативна. Однако при ее чтении нужно учитывать время и место ее написания, и к некоторым оценкам автора следует относиться критически.

Понятно, что в опубликованном в 1980 году в ГДР произведении не могло не быть обязательной идеологической окраски. В книге почти отсутствуют какие-либо полутона. Коммунистические партизаны и деятели филиппинской компартии изображены однозначно хорошими, а их антикоммунистические противники – столь же однозначно плохими. При всем уважении к вполне реальным заслугам хуков в борьбе с японцами на Филиппинах, вряд ли можно так категорически, как это делает автор, характеризовать почти всех американских военных, оставшихся в отрядах партизан на Филиппинах во время оккупации, а также тех, кто высаживался там с акциями «коммандос» как лентяев, просто сидевших в джунглях и ожидавших возвращения Макартура. Во всяком случае, о тех же «Скаутах Аламо» такого точно нельзя сказать, и не только о них.

Что касается послевоенных событий, то автор, пожалуй, излишне черными красками рисует как американского разведчика Эдварда Лансдейла, так и Рамона Магсайсая. Магсайсай, как известно, вошел в историю Филиппин не только как победитель хуков на посту министра обороны, но в первую очередь как выдающийся реформатор на должности президента (1953-1957). Многие специалисты считают, что, если бы не его трагическая гибель в авиакатастрофе в 1957 году, история Филиппин могла бы пойти куда более благопри-

ятым путем, и эта страна вполне могла бы уже рано стать одним из «азиатских тигров». Понятно, что отрицательная оценка Тюрком Рамона Магсайся объясняется радикально антикоммунистическими взглядами этого видного политика. Что же касается Эдварда Лансдейла, то для получения более современной информации (и при этом информации, так сказать, «с другой стороны») можно посоветовать обратиться к самой новой книге о нем – труду американского автора Макса Бута «The Road not Taken. Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam» (2018). Как свидетельствует название, она больше посвящена деятельности Лансдейла во Вьетнаме, но и его работе на Филиппинах там тоже уделено достаточно много места.

Нельзя не отметить и то, что при всей жестокости противопартизанских действий правительственных сил на Филиппинах, некоторые из тех видных руководителей хуков, которые не погибли тогда в боях, прожили очень долгую жизнь, хотя и провели длительный срок в тюрьме. Например, Касто Алехандрино прожил 94 года и умер в 2005 году, а Луис Тарук, умерший в том же 2005 году, прожил 92 года. Можно только строить догадки о том, оставили ли бы филиппинские коммунисты в живых своих видных противников, если бы пришли к власти.

Но с учетом всех этих оговорок, как и того, что это произведение Тюрка не является научным трудом и не претендует на это, все же можно сказать, что «По ночам плачет сампагита» будет интересна и современному читателю.

В.К.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Перед грозой
  2. Баррио
  3. Нападение
  4. Хукбалахап
  5. Совместное процветание
  6. USAFFE
  7. Возвращение
  8. Покер за власть
  9. Конец
- Приложение. Рог буйвола и боло
- Список иллюстраций

Эта деревня лежит всего в часе пути от Сан-Фернандо в провинции Пампанга. Рисовые поля, леса, несколько холмов. Там, где повозки с разбитой проселочной дороги поворачивают на шоссе, лежит камень. На нем нет никакой надписи. После сильных дождей его скрывает высокая трава. Тогда, так же, как и сегодня, можно увидеть только веночек из цветов сампагиты. Как корона, которая покоится на зеленых, колышущихся ветром волнах. Почувствовать сладкий запах сампагиты можно уже с некоторого удаления. Самый красивый цветок этой страны: он вянет очень медленно, даже при тропической жаре.

- Мой отец лежит под этим камнем, – говорит женщина, которая сплела веночек из цветов. – Сегодня годовщина того дня, когда они его убили. Он был хуком.

Она поправляет цветы, проводит по ним рукой. – Сампагита плачет по ночам, незнакомый господин. Плачет по умершим. Но никто не видит ее слезы. Так же, как никто не видит наши слезы.

Звено реактивных истребителей с грохотом проносится по небу. Белые звезды. Алюминиевые молнии. Женщина не смотрит на них. Ее руки прощаются с цветами.

(Сампагита, индийский жасмин или жасмин самбак, является национальным цветком Филиппин. – прим. перев.)

Перед грозой

- Я просто не могу в это поверить! – воскликнула Мария Флорес. Она держала в руке статью, которую один из репортеров отдал ей пару часов назад. Она отредактировала ее и подготовила для завтрашнего номера; теперь она вернулась с пометкой главного редактора «отложено». Надпись зеленым карандашом поперек густо исписанного листа отправляла в архив ужасную историю, которую выкопал репортер: «С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ГОСПОДИН ЯМАМОТО ФОТОГРАФИРУЕТ БАТААН С ВОЗДУХА?».

Мария Флорес была не только очень красивой девушкой, она также не сдавалась так быстро. Несколько позже она уже стояла напротив главного редактора «Манила Таймс» и требовала объяснений о причинах, из-за которых газета не должна была сообщать о странных действиях японца Ямамото, который официально был владельцем фотостудии в Маниле, но, тем не менее, гораздо больше интересовался военными объектами на Филиппинах, чем созданием портретов и свадебных снимков.

Сначала главный редактор, седой мужчина в очках, очень невозмутимый человек, уклонялся от ответа. Мол, было бы неправильно разжигать антияпонские настроения в этой и без того напряженной внешнеполитической ситуации.

- Я с этим не согласна. – Мария Флорес энергичным движением головы отбросила назад длинные черные волосы. Ее глаза сверкнули. – Этот человек – шпион. И вы тоже давно знаете это. У нас есть сообщения из Давао, где он нанял людей как собирателей информации. Неделями он фотографировал гавань, как будто бы это горный ландшафт. Теперь он арендует спортивный самолет, просит летчика целый час кружиться над Батааном и, по сообщениям того же летчика, восемьдесят раз щелкает своей «Лейкой»! Кто защищает его? Вы?

Главный редактор махнул рукой. Он оставался спокойным. Мария Флорес была молода, она была талантлива, но ей еще следовало бы научиться кое-чему о сложных взаимосвязях в политике.

- У меня нет причин защищать господина Ямамото, – терпеливо разъяснял он. – Вас успокоит, если я вам скажу, что я отложил публикацию статьи по категорическому совету из дворца Малаканьянг?

- Меня это никак не успокоит! В правительстве сидит немало людей, которые симпатизируют японцам. Или мне принести вам статьи, которые были написаны о министрах Варгасе и Лауреле? На них тоже есть пометка «Отложено». Эти двое самые близкие доверенные лица нашего президента Кесона! Ответственные за юстицию и оборону! Каждый из нас знает, что они – друзья японцев!

- Да, да, сеньорита Флорес. Но мы уважаем политические позиции, даже если они не устраивают нас. От наших американских кузенов мы получили совет ни в коем случае не провоцировать японцев в настоящий момент. В Вашингтоне, как вы знаете, проходят трудные переговоры о японско-американских отношениях.

- Я знаю, что Номура там ведет переговоры, – возражала она упрямо. – В стопке отставленных статей также находится одна статья с прошлого года. Тогда этот переговорщик императора посетил нашу провинцию Давао. Маленькую Японию, как ее также называют! Там один японский плантатор по имени Охта заявил ему перед свидетелями, что живущие в Давао зарубежные японцы готовы к вторжению войск тэнно и уже располагают двумя дюжинами оружейных складов. Почему американцы дают нам указание замалчивать еще и это? Может быть, они хотят отдать Филиппины господину Номуре? Чтобы умиротворить его, как англичане и французы умиротворяли Гитлера в Мюнхене? Но Филиппины принадлежат не американцам, они принадлежат нам!

- Вы патриотка, – сказал главный редактор. – Вот только реальность принуждает всех филиппинских патриотов к терпению и сдержанности. Поразмыслите над этим. Мы должны использовать умелую тактику, иначе мы ничего не добьемся.

Он добавил еще несколько общих фраз к своей успокаивающей речи. Все время одно и то же, думала Мария, никогда нельзя открыто сказать, что нам уже надоело быть американской колонией, хотя Соединенные Штаты умело скрывают от внешнего мира это положение вещей, например, с помощью так называемого статуса Содружества, который они наклеили на Филиппины, чтобы скрыть за ним свою прямую опеку. Нельзя писать о том, как ловко США пользуются услугами местных посредников из слоя крупных землевладельцев и фабрикантов, чтобы жульнически выуживать богатства островов. И уж точно нельзя писать о том, что уже видна самая непосредственная опасность, исходящая из Токио, фашизм. Он плывет под флагом «освобождения азиатов», в действительности, он не хочет ничего больше, нежели насильственным путем стать преемником американцев.

- Я готовлю статью об обороноспособности Филиппин, – сказала она, выходя из кабинета главного редактора. – Вы ее тоже отложите?

- Сначала напишите, – порекомендовал ей шеф. Он улыбался. Старый господин, который пользовался особым доверием президента Кесона и обладал финансовой стабильностью, причиной которой были его плантации сахарного тростника в Центральном Лусоне. Сладкая империя, которая кормила своего человека, наполовину меньше озера Тааль к югу от столицы.

Мария Флорес после этой неутешительной беседы долго сидела в своем кабинете и размышляла над обширным материалом, который она собрала за последнее время о японской концепции проникновения на Филиппины. Трудная работа, которую не оценили в «Манила Таймс». Была ли местная крупная буржуазия ослеплена перспективой использовать японскую угрозу как средство шантажа против американцев, чтобы добиться этим большей самостоятельности для страны? Или же гасиендеро, собственники земли и батраков, действительно рассчитывали на «свободу», которую должны были принести солдаты японского императора?

Во всяком случае, нельзя было не заметить, что самое позднее с начала тридцатых годов Япония стала основным соперником США в тихоокеанском пространстве. Противоречия между обоими противниками обострялись все сильнее с каждым годом, и Япония инвестировала в Филиппины гораздо больше капитала, чем в какую-либо другую страну Юго-Восточной Азии. Однако ей все же не удавалось опередить Соединенные Штаты. Но достигнутые позиции позволяли Японии развивать разнообразные политические манипуляции на Филиппинах в тени экономической деятельности.

Сначала было планомерное поселение японских эмигрантов. В конце тридцатых годов их численность достигла примерно 50 000. Рука об руку с переселением шла обширная пропаганда, которая имела целью представить Японию в глазах филиппинских граждан в качестве великой, дружественной нации,

которая хотела помочь всем азиатам добиться независимости. Одновременно японские иммигранты на Филиппинах занимались широкомасштабным военным шпионажем. Разведывались стратегические дороги, наносились на карту прибрежные области, все американские военные объекты, а также военные объекты филиппинских вспомогательных войск были объектом интенсивной разведки, которая должна было создать благоприятные предпосылки для захвата островов армией Японской империи.

Для верховного комиссара США на Филиппинах Фрэнсиса Сэйра, отвечавшего за надзор за всей гражданской жизнью, так же, как и для американских военных инстанций, эта деятельность не представляла секрета. Им было хорошо известно, что японские эмиссары вели переговоры с некоторыми из самых богатых землевладельцев и фабрикантов на Филиппинах, что они среди «четырехсот семей», верхушки крупной буржуазии, открыто заявляли, что большей экономической самостоятельности нельзя достигнуть в сотрудничестве с американцами. Она была бы возможна только в том случае, если Япония освободит острова «от американского доминирования». Значительные части филиппинской крупной буржуазии и землевладельцев видели в повороте к Японии, в конце концов, возможность получать большие прибыли, нежели под американским надзором.

Фото 1. Фрэнсис Сэйр

Япония не побоялась подкупить даже президента Кесона, подарив его жене большой пакет акций концерна «Мицуи». Японцы вообще старались привлекать на свою сторону филиппинских интеллектуалов, студентов, видных чиновников и полицейских. Они основывали – без противодействия американцев – тайные организации, в которых должны были обучаться кадры для будущего сотрудничества филиппинского «самоуправления» с Японской империей, такие, как «Кокусей Бунка Синкокай» (Общество международных культурных

связей), Филиппинское общество, Японский клуб и Филиппино-японское общество.

Правда, американские ведомства постоянно анализировали действия японцев, и Вашингтон был прекрасно осведомлен о происходящих процессах. Но никакой существенной реакции не было. Концепция господствующих кругов Соединенных Штатов все еще была односторонне направлена на то, что для того, чтобы уберечь эту богатую и прибыльную колонию в Тихом океане от нападения японцев, лучше всего было бы направить политические и военные амбиции Токио на Советский Союз. Поэтому Вашингтон склонялся скорее к уступкам, чем к санкциям, и президенту Кесону, который считался умным защитником интересов Соединенных Штатов на Филиппинах, снова и снова осторожно советовали принять как раз эту концепцию умиротворения.

Кесон, который был приглашен тэнно в Японию и был принят там с большими почестями, заявил после своего возвращения: «Япония не представляет угрозы для Филиппин!» Он даже дошел до того, что призвал филиппинскую молодежь, интересоваться японской общественной моделью и усваивать японскую этику, например, поведенческий кодекс самураев, печально известный дух бусидо.

Фото 2. Мануэль Кесон

В то время как в Вашингтоне летом и осенью 1941 года шли непрерывные переговоры с японскими посредниками о компромиссе между обеими державами, в Токио уже был брошен жребий: Не Советский Союз должен был стать целью нападения, а богатый сырьем и другими природными сокровищами юг и юго-восток Азии, включая Филиппины.

Мария Флорес, которая в конце рабочего дня закрыла свой письменный стол, где хранилось все, что она собрала о скрытой и открытой японской подготовке позиций на Филиппинах, потянулась к телефону и позвонила в маленькое

кафе на бульваре Дьюи. Она спросила, был ли Франсиско Рамос в кафе. Он во второй половине дня часто сидел там за одним из мраморных столиков и пил кофе. Когда ей сказали, что он только что пришел, она отправилась в путь.

Франсиско Рамос был немного уставшим. Прошлой ночью он вернулся из провинции Нуэва-Эсиха, где он делал доклады в нескольких населенных пунктах. Коммунистическая партия в настоящее время сконцентрировалась на работе среди бедного сельского населения в Центральном Лусоне. Большинство жителей этой широкой плодородной равнины были крестьянами, которые с давних пор вели ожесточенную социальную борьбу против богатых землевладельцев. На Лусоне был самый большой процент обедневших арендаторов земли, которые эксплуатировались землевладельцами иногда еще кажущимся средневековым способом. Многие арендаторы были в таких больших долгах, что они должны были закладывать землевладельцам свои урожаи на годы вперед.

Буйная растительность, которая позволяла – если тайфуны или засуха не обрушивались на страну – каждый год собирать несколько урожаев, могла произвести на некомпетентного наблюдателя впечатление прекрасных возможностей для хорошей жизни, только вот крестьяне и арендаторы не получали от этого никакой пользы. Им едва ли принадлежало то, что они носили на себе. Гасиендеро, которые в большинстве случаев жили в городах и отдавали контроль за своей землей в руки беспощадных управляющих, черпали прибыль из богатств природы. Они владели гораздо больше, чем половиной Центрального Лусона, и, прежде всего, теми областями, в которых благодаря возможностям орошения собирались наилучшие урожаи. Эта огромная концентрация земель влекла за собой непрерывную пролетаризацию сельского населения, так как еще оставшиеся во владении мелких крестьян посевные площади были настолько крохотными, что многие крестьяне были вынуждены заниматься еще и побочными работами.

Молодой человек только иногда отрывал взгляд от бумаг, которые он разложил рядом со своим кофейным прибором. Франсиско Рамос работал над анализом «системы Касама» в сельском хозяйстве, с помощью которой землевладельцы на протяжении больше столетия непрерывно увеличивали свое богатство за счет бедных сельских жителей. Он начал заниматься этим уже несколько лет назад, когда еще изучал юриспруденцию в университете в Калифорнии. Собственно, эта тема должна была стать его диссертацией. Сокурсники, с которыми Рамос говорил об этом, не могли понять «систему Касама». В действительности этот порядок аренды представлял собой странную смесь барщинного труда и капиталистической эксплуатации: арендатор должен был отдавать определенную часть урожая землевладельцу. Насколько высокой была эта часть, устанавливал собственник земли в зависимости от того, представлял ли он также орудия труда, посевное зерно или тягловый скот.

Землевладельцы традиционно использовали свои разнообразные возможности, чтобы бессовестно резко увеличивать оброк. Так из процесса, который официально обозначался как земельная аренда, в большинстве случаев получалось абсолютно зависимое положение. Арендатор, по существу, был больше не крестьянином, а сельскохозяйственным наемным рабочим, заработная плата которого состояла, так сказать, из натуральных продуктов. В большинстве случаев он не мог оплатить высокий оброк. Вследствие этого его задолженность увеличивалась из года в год.

- Вас спрашивала дама!

Рамос поднял взгляд. Официант улыбнулся. – Еще кофе?

Рамос кивнул с отсутствующим видом. Дама. Это могла быть только Мария. Он на минутку забыл свою работу и вспомнил тот день, когда он увидел ее впервые: в маленьком, битком набитом книгами книжном магазинчике его отца. Она была еще школьницей, а он в это время готовился к своей поездке в Калифорнию. Мария попросила экземпляр знаменитого романа Хосе Рисаля «Noli me tangere» («Не прикасайся ко мне»). Ну, это не было редкостью, что кто-то хотел прочитать книгу этого великого филиппинского поэта и политика, которого испанцы убили в 1896 году. В нем видели духовного отца восстания против испанцев, наряду с Бонифасио, который был скорее борцом, чем политиком, и Мабини.

Франсиско сразу заинтересовался этой бледной, хрупкой девочкой, которая вела себя с удивительной уверенностью в себе. Он дал ей книгу и спросил: – Вы еще ходите в школу? Ответ не был для него неожиданностью. – Разве это во вред, если кто-то много учится?

Он улыбнулся, был смущен. – Вы серьезно занимаетесь Рисалем?

- А я не должна?

Снова эта почти агрессивная уверенность в себе.

- Я тоже занимался Рисалем, – сказал он примирительно. И затем: – Жаль, я охотно поговорил бы с вами о нем, после того, как вы прочтете книгу.

- Почему же жаль? Через несколько дней мы можем поговорить, я быстро читаю!

Тогда ему пришлось сказать ей, что через несколько дней он будет уже на корабле между Манилой и Сан-Франциско.

Он не удивился, когда позже, в Соединенных Штатах, получил от нее письмо. Отец дал ей его адрес. Они часто переписывались, и это были длинные

письма; казалось, без какой-то личной нотки. Речь в письмах шла о Рисале и Бонифасио, об испанцах и американцах, о рассказах таких прогрессивных филиппинских писателей как Мануэль Аргилья и Хуан Кабрера Лайя, речь шла об историческом пути Филиппин. Все же, вопреки всей деловитости, которая определяла их обмен мнениями, оба чувствовали, как они становились все ближе друг к другу.

Когда Франсиско Рамос в 1936 году бросил учебу в Соединенных Штатах, чтобы с двумя американскими сокурсниками отправиться в интернациональные бригады в Испанию, их связь временно прервалась. Но для Франсиско не составило большого труда найти Марию, когда он в 1939 году окольным путем вернулся из Европы на Филиппины.

Кроме его отца и Марии лишь несколько очень надежных товарищей знали, что он в Испании впервые рисковал своей жизнью для революции. Было целесообразно не говорить об этом. Президент Кесон почитал иберийского диктатора Франко и пытался во многом подражать его политике. И американские хозяева Филиппин тоже бдительно следили за коммунистами.

Вероятно, нам пора, наконец, пожениться, думал Франсиско. Отец умер, и сегодня книжной лавкой управляла пожилая служащая. Магазины этот приносил хоть и небольшой доход, но все-таки достаточный для того, что Франсиско Рамос мог посвящать себя партийной работе и своим исследованиям, и при этом не голодать.

Также Марии Флорес не нужно было бы голодать, даже если бы она потеряла свое место в «Манила Таймс». Ее отец был сельским врачом в Кабанатуане, к северу от болот Кандабы. Конечно, вовсе не богач, но человек с гарантированным доходом; в этой стране один медик приходился примерно на 8000 жителей.

В то время как Франсиско складывал бумаги и закрывал папку, появилась Мария. Она приветствовала его радостно, как всегда, когда они не виделись довольно долго. Несколько позже они уже включились в жаркую беседу об опасной внешнеполитической ситуации, которая делала эту осень 1941 года напряженной, неопределенной фазой. И в этой фазе, кажется, созревали решения, которые должны были стать значимыми для последующего хода всемирной истории.

Начатая немецким фашизмом мировая война расширялась, армии Гитлера вторглись в Советский Союз. Сообщения оттуда не радовали. И Япония готовилась к прыжку.

- Ты думаешь, они придут? – спросила Мария. Она рассказала Франсиско о своем споре с главным редактором и о делах господина Ямамото.

- Придут, – ответил он с определенностью. Он сказал ей, что партия предложила правительственным органам провести переговоры об усилении обороны родины.

Уже на ее третьем партийном съезде, осенью 1938 года, коммунистическая партия Филиппин, которые тогда впервые – после ее запрета в 1932 году – снова смогла собираться легально, потребовала в своем манифесте «мобилизацию Филиппин против японской агрессии». Сразу после этого она объединилась с социалистической партией. По усилиям Кесона заклеить коммунистов как «предателей родины» был нанесен чувствительный удар. С тех пор коммунисты, насчитывающие несколько тысяч человек, увеличили свое влияние, особенно в деревнях, где революционный дух среди крестьян вырос за десятилетия.

Большинство крестьянских объединений возглавлялись коммунистами. В городах, напротив, в среде молодого, еще слабо сплоченного рабочего класса, который и без того был немногочисленным, успехи оставались незначительными.

Манифест 1938 года был проигнорирован правящими кругами. Для обороны ничего не было сделано, если не считать того, что американцы в апреле 1941 года более жестко поставили филиппинские вспомогательные войска под свое командование.

Генерал Дуглас Макартур, главнокомандующий всех вооруженных сил на Филиппинах, отвечал за концепцию обороны. Но это планирование давно подчинялось скорее политическим, нежели военным соображениям. Долгосрочное решение, как Филиппины должны были защищаться от потенциального агрессора, было принято в 1935 году. Оно предусматривало наряду с размещением американских войск, прежде всего, формирование местных вспомогательных войск и полицейских сил. Однако их задачей, по существу, была борьба с внутренними беспорядками. Для обороны от атакующего с моря противника они не годились ни по своей численности, ни по их оснащению и вооружению.

Макартур, который разработал эту сомнительную оборонительную концепцию, в этом случае отнюдь не пал жертвой ошибки в стратегическом мышлении. Он скорее следовал директивам тех политических группировок в Соединенных Штатах, которые неумолимо выступали за политику умиротворения по отношению к Японии.

Фото 3. Дуглас Макартур с его знаменитой трубкой из кукурузного початка

Критикам его концепции генерал тогда лаконично возразил: «Я убежден, что опасность нападения с моря и воздушных налетов на Филиппины исключительно незначительна. Кроме того, относительно слабых сил авиации и береговой обороны было бы достаточно для того, чтобы предотвратить возможное приближение вражеских десантных войск».

Он еще в 1939 году в Маниле публично отрицал, что Япония намеревается захватить Филиппины. Одновременно, однако, Соединенные Штаты занимались созданием военно-морских баз на Алеутских островах Кадьяк и Уналашка, военное мероприятие, о котором даже дилетант догадался бы, что оно однозначно было направлено против Советского Союза.

Фото 4. Командный пункт Макартура в одном из глубоких туннелей на острове Коррехидор во время битвы за Батаан. На заднем плане (в центре) Макартур, который в то время еще осуществлял командование.

Численность подчинявшихся американскому командованию на Филиппинах местных вспомогательных войск в 1941 году составляла приблизительно 4000 офицеров и солдат. В крайнем случае, можно было мобилизовать еще примерно втрое больше резервистов, которые, однако, были плохо обучены.

Дислоцированные на островах американские войска насчитывали 11 000 человек. Весь филиппинский военный округ американской армии, которым командовал генерал-майор Джордж Грюнерт, состоял из семи гарнизонов. Шесть из них были расположены на Лусоне, один на Минданао.

Фото 5. Джордж Грюнерт

К этим гарнизонам добавлялись две авиационные базы поблизости от Манилы, Николс-Филд и Кларк-Филд, на которых было размещено примерно 150 самолетов; меньше четверти из них составляли бомбардировщики. Оставшаяся часть состояла из устаревших истребителей и самолетов-разведчиков. Организованной противовоздушной обороны не было.

Что касается военно-морских сил, то Соединенные Штаты разместили в филиппинских водах Азиатский флот своей тихоокеанской эскадры. Он состоял из трех крейсеров, двенадцати эсминцев и восемнадцати подводных лодок, к ним добавлялись авианосец «Лэнгли», а также некоторое количество вспомогательных судов и легких быстроходных торпедных катеров. В качестве баз служили Кавите и Олонгапо. Однако Кавите, расположенная в бухте Манилы, служила лишь как склад горючего, возможности для ремонта были недостаточны. База Олонгапо в бухте Субик-Бей, также на западном побережье Лусона, была оснащена сухим доком, но в нем могли ремонтироваться только корабли водоизмещением до 10 000 т.

Франсиско Рамос знал, что с весны Вашингтон вел переговоры с японскими полномоченными Номурой и Курусу. Просочилась информация, что токийские

переговорщики требовали так называемую гарантию независимости, которая одновременно предполагала нейтралитет Филиппин в возможном конфликте с США.

То, о чем Рамос до сих пор слышал только из слухов, в эту вторую половину дня подтвердила ему и Мария Флорес. – Это правда, Пако. Французское телеграфное агентство распространило сообщение, что уже в июне руководитель делегации Соединенных Штатов объявил японцам о своей готовности согласиться с договором о нейтрализации Филиппин.

- Это невероятно! Это было бы чудовищной уступкой! Но ведь Соединенные Штаты не могут подчиниться такому вымогательству!

- Они склоняются к этому.

Девушка взяла свою чашку с кофе, отпила глоток и посмотрела на Рамоса. Она показала на его папку, которая лежала на столе. – Ты не думаешь, что пришло время пока отложить анализ «Касама»?

Он отверг эту мысль. Чем дольше он занимался работой, тем сильнее было его желание, наконец, закончить ее.

Но Мария только заметила: – Ты не должен был мучиться с этим теперь. Мы стоим перед решением с тяжелыми последствиями; каждый чувствует это. И больше нет необходимого внутреннего спокойствия для научного анализа. Ты будешь сегодня вечером на демонстрации?

Он кивнул. Педро Абад Сантос, бывший руководитель социалистической партии, должен был на площади Пласа Морионес произнести речь о современном положении. Наверное, придут тысячи людей, так как Педро Абад Сантос был одной из самых популярных личностей страны, и к тому же блестящим оратором.

- Мы пойдем вместе, – предложил Рамос. Затем он иронично спросил: «А твоя газета напечатает, по крайней мере, несколько строк об этом митинге?»

- Несколько строк напечатает, – ответила она. – Но это и все.

Они еще довольно долго сидели в кафе и беседовали. Снаружи движение становилось плотнее. И без того за последнее время можно было заметить, что в городе появлялось все больше машин. Верхний слой Манилы, проживающие в столице землевладельцы, купцы и часть хорошо оплачиваемых правительственных чиновников приобретали импортированные из Соединенных Штатов автомобили. Если раньше «карретела», карета, была символом статуса, то теперь им стал черный лакированный автомобиль Форда из Детройта.

Большинство людей, которые гуляли на тротуарах, совершая покупки или просто гуляя, не осознавали того, в какой опасной фазе находилась их страна. Женщины носили легкие, светлые летние платья, у мужчин входили в моду пестрые ситцевые рубашки американского производства. На них были изображены пальмы и ландшафты побережья, с гавайскими серфингистами и спортивными самолетами.

Манила в эти дни производила впечатление города, в котором не было ничего, что особенно волновало его жителей. Но это впечатление было обманчивым. Уже относительно большое количество людей в военной форме заставляло предположить, что предстояли не совсем мирные времена. Все же, эти люди в форме тоже скрывали настоящую военную силу Филиппин. Это были в большинстве случаев американские военные. Они очень расслабленно несли свою службу, которая только на несколько часов в день привязывала их к казармам. Остаток времени они проводили со своими семьями, если те проживали здесь, или они шатались в городе, наполняли трактиры, преследовали девушек, и, как только солнце садилось, устраивали пляжные вечеринки.

Из этих солдат, будь то американцы или филиппинцы из вспомогательных войск американской армии, никого также нельзя было увидеть, когда началась демонстрация на Пласа Морионес. Широкая площадь была так плотно заполнена людьми, что большинству приходилось стоять тесно зажатыми между соседями. Пришло много рабочих, мелкие служащие, но также и крестьяне из окрестностей. Педро Абада Сантоса, маленького, кажущегося дряхлым мужчину, едва ли можно было увидеть за трибуной. По нему не было видно, каких усилий стоила ему эта речь. Абад Сантос был болен. Он уже некоторое время больше не мог есть твердую пищу. Операция, по мнению врачей, не обещала улучшений. Поэтому Абад Сантос, который был когда-то известным адвокатом в Пампанге и затем под влиянием марксистской литературы полностью посвятил себя политической борьбе, мучился от болей, от приступов слабости и случайных периодов вынужденной бездеятельности. Страстно он говорил об опасном международном положении и о бездеятельности местных правителей и их американских хозяев. Он назвал фашизм самой большой опасностью для человечества. Из Японии она теперь угрожала также остальной Азии.

Фото 6. Педро Абад Сантос

- Наши высшие военные планировщики либо не видят эту опасность, либо они ждут для себя прибыльных должностей при японской оккупационной армии! – кричал он.

Сантос перечислял уступки, которые Соединенные Штаты сделали Японии, и указывал на то, что, пожалуй, даже американские переговорщики, которые сидели напротив господина Номуры, в душе вряд ли рассчитывали на то, что смогут переубедить империю.

- Они просчитаются, – говорил Абад Сантос. – Планы Японии уже утверждены. Армии тэнно хлынут во всю Юго-Восточную Азию и на острова в Тихом океане. Здесь совсем близко от Ниппон лежит все богатство, в котором нуждаются японцы. И нам, населению Филиппин, придется оплачивать счета!

В толпе послышался ропот. Из боковых улиц появились полицейские. Пока еще они вели себя выжидающе, но было件нятно, что они скоро вмешаются. К этому уже привыкли; всякий раз, когда оратор левых публично высказывал то, о чем думали многие филиппинцы, его заставляли замолчать.

- Не будем вводить самих себя в заблуждение, – кричал Абад Сантос. – Президент Кесон полностью находится под влиянием своих американских повелителей, и они давно сдали Филиппины, еще прежде чем прозвучал первый выстрел. Почему? Я не хочу заниматься американцами. Но что касается президента Кесона, то в его антифашистской решимости есть серьезные сомнения. Разве в его окружении нет двух отъявленных фашистов и сторонников Японии? Может, мы не знаем о позиции Хорхе Варгаса, который почитает тэнно как живого бога? Или не знаем, что наш министр обороны Лаурель привез из Токио нечто большее, чем только свою докторскую степень? Не выступал ли он достаточно часто публично в японских интересах? Его сын такой же: выпускник Императорской военной академии в Токио, который получил патент

офицера в Японии, а сегодня он адъютант нашего президента! Но почему же Кесон окружает себя этим фашистским сбродом? Не зайдём ли мы слишком далеко, если предположим, что он уже заранее хотел бы стать любимчиком будущих оккупантов?

Люди на площади волновались. О том, что здесь публично провозгласил Абад Сантос, в населении давно ходили слухи. Теперь оратору, наконец, хватило мужества произнести это, даже перед глазами полиции, которая окружила площадь.

- Они разгонят собрание, – опасался Рамос, который стоял с Марией недалеко от трибуны оратора. Мария озабоченно смотрела туда, где на полицейской машине один офицер через бинокль наблюдал за оратором.

Абад Сантос заканчивал выступление. Он публично призвал президента Кесона к обороне Филиппин и указал то, что в последние годы были большие социальные беспорядки, прежде всего, среди обедневших крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Центральном Лусоне. Но эти конфликты должны отойти на задний план перед лицом угрозы родине со стороны иностранного агрессора. – Мы готовы, вопреки всем нерешённым проблемам в нашей стране, все вместе взяться за оружие и защищать Филиппины!

Толпа воодушевленно аплодировала.

- Мы требуем ответа от президента Кесона: примет ли он нашу готовность, или же пренебрежёт ею! Пусть он проконсультируется об этом с генералом Макартуром и генералом Грюнбертом, и с верховным комиссаром тоже. Пусть он решит, что нужно нашей стране – готовые к обороне вооружённые граждане, полные решимости отразить любую японскую попытку десанта, или послушные Японии коллаборационисты, которые предадут не только Филиппины, но и Соединённые Штаты. Мы не принадлежим к последним! Мы хотим бороться, и мы будем бороться, даже если мы должны будем делать это без помощи и без разрешения президента.

Из-за бурного одобрения полицейские посчитали целесообразным не вмешиваться. Во всяком случае, они не получали приказ вмешаться. Ещё в то время как собравшиеся в конце демонстрации пели и держали друг друга за руки, полиция удалилась. Офицер положил бинокль в кожаный футляр, влез в свою машину, занял место на сиденье и уехал.

Педро Абад Сантос обессилел. Он ещё махал, когда люди кричали ему хором: «Да здравствует дон Перико!» Он был стариком, который жил для того, чтобы воспитывать социалистов, поставивших себе трудную задачу не только отразить нынешнюю опасность нападения Японии, но и построить на Филиппинах справедливый социальный порядок, при котором богачи больше не могли бы

бессовестно эксплуатировать самых бедных. Он еще долго махал. Только когда масса начала рассеиваться, он, поддерживаемый помощниками, спустился с трибуны.

- И что теперь? – спросила Мария Флорес.

Франсиско Рамос слегка пожал плечами. У него было мало надежды на то, что публичный призыв мог бы еще что-то изменить в политике Кесона. Последнее слово было за американцами, они примут решение.

- Они боятся вооружить население, – сказал он, – так как оно могло бы однажды спросить себя, почему тончайший слой собственников зарабатывает миллионы.

- Тогда старик старался бы зря, – заметила Мария. – Мне кажется, что ты фаталист. Во всяком случае, я еще сегодня вечером напишу статью для нашей газеты, в которой я поддержу призыв дона Перико!

Франсиско Рамос только улыбнулся.

Они пошли к нему домой, в маленькую квартиру, которая находилась над книжной лавкой, чтобы немного поесть. Затем Мария поспешила в редакцию «Манила Таймс». Франсиско еще довольно долго задумчиво сидел на балконе и размышлял над тем, о чем говорил Абад Сантос. Хорошие слова, мужественно произнесенные. Но что может сделать мужество против невообразимого переплетения интересов правящих классов с интересами американцев, а также уже и с интересами будущих агрессоров? У него больше не было надежды, что Кесон сменит свою позицию. И он нашел подтверждение этому, когда он еще тем же самым вечером пошел на позднее партийное собрание в Тондо, самый бедный район Манилы. В ходе длительного совещания здесь был составлен документ, который должен был в ближайшие дни быть направлен во все партийные организации на острове Лусон. Центральный комитет призывал всех коммунистов начать подготовку к вооруженной борьбе против ожидающегося японского вторжения. Так как нужно было опасаться, что агрессоры сначала будут преследовать именно коммунистов, так как те решительнее всего выступали за оборону страны, рекомендовалось формировать маленькие группы. Они должны были, в крайнем случае, скрываться в лесных чащобах и болотах, чтобы атаковать японцев из засады, если тем удастся оккупировать Лусон.

Мария Флорес писала в редакции статью о требованиях Абада Сантоса. Так как было уже слишком поздно, когда она закончила работу, она решила больше не идти домой, а переночевать в редакции.

Утром она представила статью главному редактору. Он сразу же принялся ее читать. При этом выражение его лица не менялось, по нему вообще не было

видно, что он думает о написанном. Но когда он покончил с чтением, он подчеркнуто медленно положил листки перед собой на письменный стол, сложил руки на груди и сказал примирительным тоном: – Исключительно интересная работа. Очень своевременная. Но, пожалуй, вас не удивит, что мы все же не будем ее печатать?

Мария вспыхнула. – Но почему? Что в ней не правда?

- Все правда, – ответил главный редактор. Тогда он решился раз и навсегда устранить неясности, которые он предполагал в голове этой своенравной сотрудницы, и он продолжил: – Дорогая сеньорита Флорес, мы должны смотреть в глаза фактам. Да, японцы лелеют намерение оспорить у США их владения в Тихом океане. И также правда то, что у нас на Филиппинах есть целая куча нерешенных экономических и социальных проблем. Точно так же бесспорно и то, что наш статус Содружества только несущественно отличается от колониального статуса, и требование национальной независимости становится все громче. Никто не оспаривает это все, я, во всяком случае, не оспариваю. Но вот только мы не публикуем в нашей газете мнение коммунистов, таких как Абад Сантос. Коммунисты подстрекают сельское население, а также уже и фабричных рабочих против людей, которые являются близкими нам. Итак, мнение коммунистов неприемлемо для нас, даже если оно объективно правильно. Я чувствую себя обязанным сказать вам это со всей откровенностью. И теперь, пожалуйста, не злитесь на меня, если я отвергну вашу статью. Мы поняли друг друга?

Мария Флорес без возражений выслушала эти объяснения. Пожалуй, было бессмысленно спорить с главным редактором. Она поднялась и тихо сказала: – Жаль.

Затем она вернулась в свой кабинет и уселась за письменным столом.

Что я, собственно, еще делаю в этой газете? Она спрашивала себя об этом не в первый раз. Я играю роль аутсайдера, пишу статьи, которые не печатают, и держат меня здесь только потому, что главному редактору не хватает духу уволить меня. Прочное положение? Вероятно, если бы добавить немного приспособленчества. Но это значило бы, что я до конца своих дней никогда не смогу писать открыто то, что думаю. Что же делать? Уволиться?

Она рассеяно схватила пачку телеграмм с новостями, которые принес курьер. В общем и целом, мир, если верить этим сообщениям, казалось, стоял скорее перед фазой спокойной хорошей жизни, чем на пороге войны!

К полудню Марию Флорес отправили на конференцию, на которой американские фабриканты и филиппинские торговцы должны были заключить новые соглашения об экспорте филиппинского тростникового сахара.

Невесело она села на одно из мест для прессы и играла своим карандашом, пока купцы обсуждали увеличение экспорта. Мария едва ли слушала. Мысль, что в ее жизни в недалеком будущем что-то должно было измениться, занимала ее, как уже часто раньше.

На прием, который президент Кесон устраивал в тот осенний вечер для американских закупщиков сахара, Мария Флорес не была приглашена. Богатый верхний слой Манилы собрался с наступлением темноты в ярко освещенном дворце Малаканьянг с коктейлями и легкими блюдами. Никто не обращал особого внимания на то, что здесь также присутствовали несколько японских владельцев фабрик, иммигранты, некоторые из них уже несколько поколений жили на Филиппинах. Они вели себя как всегда вежливо и замкнуто, благовоспитанно чокались коктейльными бокалами и слушали беседы. Никто не обращался с ними резко, тем более, не присутствующие американцы. Пожимали друг другу руки, обменивались пустыми фразами вежливости, приглашали к столу, осведомлялись о благополучии семей. Даже генерал Дуглас Макартур, который с несколькими другими высокопоставленными офицерами присутствовал на приеме, снизошел до того, что пожимал руки самым значительным японским бизнесменам Манилы.

Высокий, кажущийся неуклюжим главнокомандующий не давал понять, что он думал о современной ситуации, во всяком случае, он ограничивался ни к чему не обязывающими темами. Но он прибыл на это общественное мероприятие не для того, чтобы приветствовать купцов. Он хотел как можно более незаметно воспользоваться случаем, чтобы переговорить с президентом Кесоном.

После того, как адъютант сообщил об этом президенту, Кесон подождал благоприятного мгновения, чтобы исчезнуть в одной из задних комнат. Макартура так же скрытно провел туда служащий протокола. Кесон обеими руками схватил правую руку Макартура и энергично пожал ее. Ему приходилось смотреть на генерала снизу вверх. Поэтому Макартур поторопился усесться в кресло.

После нескольких общих фраз генерал быстро перешел к делу. У него была откровенная манера высокопоставленных военных: осознанно избегать любых формальностей в общении с гражданскими лицами. Поэтому он в самом начале беседы заявил Кесону: – Дорогой президент, я хотел бы дать вам личный совет, так сказать, в любое время быть готовым к отъезду. Он не сказал ему даже «мистер президент». Кесон для него был подданным Соединенных Штатов; у него был шанс управлять островами за хорошую плату, если можно было назвать это так. В остальном он был получателем приказов, который должен был делать то, что от него требовалось. Естественно, всегда тем способом, который создавал бы внешнее впечатление, будто он принимает сугубо личные решения.

- Я не совсем понимаю, – ответил президент медля. Он тоже опустился в кресло и смотрел на Макартур в вопросительным взглядом.

- Собирайте чемоданы, – сказал он теперь, причем он легко скривил углы рта, как будто бы улыбался. – Подготовьте все, что вы, возможно, захотите взять с собой из страны. И уменьшите эти вещи до того веса, который примерно можно перевезти на армейском грузовике.

- Вы думаете, ситуация так серьезна?

- Именно так, – энергично подтвердил Макартур. – Не будем долго болтать вокруг да около. Переговоры с японцами проходят плохо. Мы должны быть готовы к тому, что они ударят как гром среди ясного неба. Тогда в нашем распоряжении, вероятно, будет лишь несколько часов, чтобы убраться.

- Убраться? – президент наклонил голову, как будто бы он не мог хорошо понять генерала.

- Конечно. Вы знаете наше положение, мне не нужно вводить вас в заблуждение. При нападении мы сможем продержаться только ограниченное время. Я хотел бы, чтобы вы руководствовались этим. Вы нужны нам для более отдаленных целей, после того, как мы соберем наши силы и сможем контратаковать.

Довольно долго Кесон ничего не мог сказать. Наконец, он осторожно спросил: – Не стоило ли бы нам, вероятно, все же, публично высказаться о том, что говорил этот Абад Сантос?

Макартур недовольно покачал головой. – Оставим коммунистов вне игры. Пока что, по крайней мере. Мы должны будем действовать довольно гибко, чтобы в будущем избавиться от таких людей как он. Если дело будет проходить так, как мы планируем, то японцы сами разберутся с ними для нас.

- Вы приняли к сведению его речь?

- Я прочитал ее, – объяснил Макартур. – Мы ее стенографировали во время его выступления. Для нас была интересна, в первую очередь, та ее часть, где он потребовал от нас вооружить население.

- Невозможное требование!

Макартур спокойно продолжал: – Дорогой президент, японцы, вероятно, захватят Филиппины. На определенное время, во всяком случае. Мы должны смириться с этим. Когда нас тут больше не будет, коммунисты добудут себе некоторое количество оружия; мы это не сможем предотвратить. Затем японцы

начнут бороться против коммунистов. С тем, что останется после японцев, нам придется разбираться после нашего возвращения.

Кесон кивнул. Затем спросил: – Когда может произойти это событие?

- Об этом нам может сказать только сам тэнно, мой дорогой президент!

Макартур рассмеялся. – Мы рассчитываем на ближайшее время, и было бы хорошо, если бы и вы ориентировались на это. Мы друг друга поняли?

- Конечно, конечно!

Кесон счистил щеткой пылинку со своего белого костюма. Японцы. Ну, хорошо, нужно было, пожалуй, смириться с тем, что придется оставить здесь свое имущество и сначала обеспечить безопасность своей собственной жизни. Об остальном уже позаботятся американцы. Как ни странно, эта перспектива временной эмиграции, кажется, не особенно волновала этого политика. В его реакции было нечто большее, чем только азиатская невозмутимость. Богатство Кесона состояло в земле. Японцы, вероятно, могли бы довольно долго пользоваться этой землей для себя, только они не смогут забрать ее с собой, как только их снова прогонят. Внезапно Кесон вспомнил о своих обязанностях хозяина. Он позвонил в колокольчик, несколько позже появился слуга, которому он поручил принести коктейли.

Оба мужчины стояли напротив друг друга, когда чокались своими бокалами. При этом они ничего не говорили, каждый был погружен в свои мысли. Позже Кесон осторожно поинтересовался: – Как вы думаете, генерал, как долго нам... ну, скажем, придется пробыть вне страны?

Генерал пожал плечами. Ему было нелегко говорить об этом. Уже само предупреждение Кесону далось ему с трудом. В конце концов, речь здесь шла о чести американской армии, ведущим представителем которой на Филиппинах был он. Но реальность не допускала никакого другого решения. Соединенные Штаты действительно в настоящий момент не могли защищать острова одни. Чтобы сделать это, страна должна была бы сначала всеобъемлюще мобилизовать свой латентный военный потенциал. Конечно, с вооруженным населением можно было бы осложнить японцам вторжение на Филиппины, вероятно, даже так, что они отказались бы от вторжения. Но вооруженный народ колонии – это было абсолютно невыполнимо!

В неопределенном тоне он ответил: – Один год, два. Кто знает! Во всяком случае, ненамного больше.

Пока Кесон пил свой коктейль, Макартур вспоминал о роли, которую его имя играло на островах. Да, было тяжело отдать все здесь просто так! В конце

концов, Макартуры были уже давно связаны с островами, с тех пор как Соединенные Штаты пришли сюда! Тогда, в 1898 году, именно Артур Макартур, отец генерала, приплыл сюда из Америки, с тысячами молодых американских солдат. Испания и Соединенные Штаты Америки вели войну друг с другом, и Соединенные Штаты воспользовались благоприятным случаем, чтобы забрать колонию у своего уже очень ослабевшего противника.

Однако это не прошло совсем без трудностей. На Филиппинах давно существовало воинственное движение сопротивления, которое требовало независимости и вело вооруженную борьбу против испанцев. Оно сразу выступило против того, чтобы просто сменить испанцев на другую колониальную державу, и потребовало от американских вооруженных сил уважать независимость Филиппин после окончания их конфликта с испанцами. Но как раз этого американцы и не сделали. В многолетней борьбе, которую они вели самыми современными на то время военными средствами против слабо вооруженного и едва ли обученного народного движения, они захватили острова, сломили сопротивление и жестоко отомстили своим противникам.

Артур Макартур в 1900 году был назначен главнокомандующим всех американских вооруженных сил на островах. Позже он по очень низкой цене скупал землю, спекулировал, эксплуатировал полезные ископаемые, приобретал значительные владения. Он также посоветовал своему сыну начать военную карьеру, которая снова вернула его на Филиппины, как человека с неограниченной властью.

Да, не только имя Макартуров было неразрывно связано с Филиппинами, также все их богатство основывалось на владениях на этих островах. Было трудно смириться с тем, что это богатство на неопределенное время придется оставить японцам. Но сентиментальность не была преобладающим качеством Дугласа Макартура. Он должен был хладнокровно все взвесить и принять меры, которые уже сегодня предвосхищали конец японской оккупации! Это было, в принципе, более сложной проблемой. Японцы будут разбиты быстро окрепшей военной силой США, в этом не было сомнений. Все вращалось вокруг того, чтобы после этого снова, как это было после поражения испанцев на рубеже столетий, филиппинцы не потребовали независимости для своих островов. Если эти филиппинцы еще будут вооружены, да к тому же еще и закалят свои боевые качества в борьбе с японскими оккупационными войсками, то владения Макартуров подвергнутся серьезной опасности. Вся собственность Соединенных Штатов на островах, все шахты и мельницы, фабрики и торговые учреждения окажутся тогда под угрозой. Очень важно было оценить это сегодня во всей ясности и принять соответствующие меры!

Генерал Макартур не упомянул в разговоре с Кесоном, что он получил довольно точные указания из Вашингтона, как нужно было действовать, если наступит «случай X». Этот импозантно выглядевший старый глупец, которого

демонстрировали его землякам как «президента», чтобы попытаться убедить их, будто бы Соединенные Штаты вовсе не были колониальной державой, каковой некогда была Испания, должен был знать только самое необходимое. Все равно не он делал политику в этой стране.

Макартур поднялся. Он едва пригубил свой коктейль. Теперь он, снова подняв бокал, сказал: – Будем готовиться к неизбежному, президент. Молча!

Кесон только кивнул. Затем они вернулись в салон.

Макартур остался еще на полчаса. У гостей не должно было возникнуть впечатление, будто бы он в течение этих недель так сильно занят военными задачами, что у него больше не было времени для общественных мероприятий. Он провозгласил тост за Хосе Лауреля, министра юстиции, очень тесно связанного с ключевыми фигурами из японской финансовой олигархии. Ну, посмотрим, может быть, он когда-то понадобится. Затем он поприветствовал нескольких американских купцов, и также нельзя было избежать того, что он внезапно оказался напротив Токугавы, руководителя «Филиппинского общества», японской тайной организации, которая сегодня едва ли принимала какие-то меры, чтобы скрывать свою деятельность. От нее нити тянулись к «Федерации японских экспортеров» и к «Японскому клубу», который открыто распространял лозунг «Азия для азиатов». Генерал был без головного убора, и таким образом он был вынужден отвечать на глубокий поклон японца. Все-таки он поклонился только намеком. Они должны знать, что мы – господа, даже если ситуация в данный момент не обстоит для нас хорошо!

Когда он уходил, капелла играла туш.

Баррио

Земля вокруг принадлежала дону Эстебану Фигейро. Ему принадлежал рис на полях, кукуруза и сахарный тростник. Он по праву мог гордиться своей гасиендой с многочисленными, хорошо меблированными комнатами и с большой верандой. Склады были построены на таком удалении от нее, что они не мешали глазу жителей. Они лежали за густой аллеей, которая в то же время защищала от ветра и ливней. Парк, который окружал усадьбу, был больше парка Лунета в столице. Дон Фигейро, хилый, седой мужчина около 60 лет, в соответствии со своими собственными идеями посадил в парке редкие растения, которыми гордился бы ботанический сад. Во всей провинции Пампанга не было ничего подобного.

Тропический климат Филиппин, который не знает той угнетающей жары, как например, Индокитай, так как воздух здесь – за исключением джунглей – всегда немного освежается морским бризом и даже в самый жаркий период, в апреле и в мае, еще имеет легкий привкус морских водорослей и соли, дарит

островам роскошную растительность. Там, где есть достаточно воды для полива полей, можно даже собирать больше одного урожая в год. Летом и осенью муссоны дуют с юго-запада, зимой и весной они приходят с северо-востока. Лишь тайфуны могут причинить серьезный вред, когда они бабьим летом врываются с Тихого океана, бушуют над побережьем и только далеко в глуби суши теряют свою силу. Все же, как быстро природа причиняет опустошения, почти так же быстро она снова помогает сама себе. Конечно, плантации тогда часто бывают опустошены; рис и кофе, табак и апельсины лежат погребенные в жидкой грязи. Но зато были и есть – во всяком случае, для умного гасиендеро, такого как дон Фигейро – другие возможности. У него всегда в запасе были другие продукты, которые можно было продавать: конопля или дыни, благородные сорта дерева, рами и копра.

В этом году тайфуна еще не было, дожди были обильны, и, собственно, Фигейро мог бы ожидать замечательный урожай, который принесет большую прибыль. Но у него сейчас были свои заботы. В его парке, между высокими деревьями нарра, пальмами и калаккучи, в тени огненных деревьев и карликовых лимонов разместилась толпа, которая прибыла из баррио, близлежащих деревень. Арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, бедно одетые люди, женщины с маленькими детьми, возбужденные, но еще сдержанные, однако полные решимости не покидать усадьбу, пока дон Фигейро не выполнит их условие.

Все это началось несколько дней назад. Один сельскохозяйственный рабочий со своей упряжкой буйволов не уклонился своевременно на одной из узких полевых дорог, когда Фигейро приблизился верхом на своем пестром жеребце. Конь испугался, и всадник лишь с трудом смог удержаться в седле. Дон Фигейро отреагировал автоматически: Сначала он ударил хлыстом обоих буйволов, затем поднял хлыст на батрака, который получил несколько серьезных рубцов, один через все лицо, так что левый глаз немедленно распух. Мужчина не оборонялся, хотя он был силен и легко смог бы стащить гасиендеро с лошади. Он только спокойно сказал: – Дон Эстебан, ваша честь, за это вы публично попросите прощения. Вы можете безнаказанно ударить буйвола, но не человека.

За это время сбежались и другие рабочие с полей; гневная масса собиралась вокруг упряжки карабао и хозяина гасиенды. Дон Фигейро в ярости проскакал мимо, не обратив внимания на то, что копыта его лошади ударили еще одного мужчину. Он играл с мыслью просто сделать так, чтобы возничего повозки забрали люди из Constabulary, пользующейся дурной славой военизированной полиции, и посадили под арест. Начальник полиции деревни был его другом. Но затем он передумал. Возничий был красным, одним из этих типов из союза сельскохозяйственных рабочих. Эти люди и без того были непокорны; в других местностях они уже убивали землевладельцев по подобным поводам. Сброд становился все более дерзким. Он требовал прав человека. Люди! С

каких это пор возничий телеги стал человеком! Все же Фигейро решил действовать осторожно, и пока оставить все как есть. Позже, конечно, еще подвернется лучший случай избавиться от непокорного. Вот только гасиендеро просчитался.

Утром люди не пошли работать на поля, а в сопровождении своих жен и детей проникли в его парк. Они очень старались ничего не разрушить; как по договоренности они избегали сломать даже один единственный цветок. Они просто стояли и ждали, уселись на траве, курили, беседовали и смотрели на господский дом. Секретарь профсоюза сельскохозяйственных рабочих появился в первой половине дня с петицией: дон Эстебан должен в присутствии всех остальных людей попросить прощения у возничего Эмилио за то, что вел себя так несдержанно.

- Черта с два! – ответил гасиендеро и вышвырнул секретаря. С тех пор прошло восемь часов. Фигейро наконец-то решился потянуться к телефонной трубке. Настало время прекратить эту чертовщину вокруг его дома.

Шеф Constabulary, которому он звонил, знал о случившемся, и он знал также о несдержанности дон Эстебана. Поэтому он сначала упрекнул его. – Вы же знаете, как реагируют эти типы! Почему вы поступаете так необдуманно? Будет тяжело рассеять толпу. Нам пришлось бы применить насилие, но у нас есть категорическое указание из Манилы избегать применения силы в настоящий момент. Это связано с внешнеполитическим положением, дон Эстебан. Говорят, что нападение японцев может случиться в любой момент.

Гасиендеро рассердился. – И что теперь? Могу я рассчитывать на помощь закона или нет? Или я позволю, чтобы чернь осаждала меня, на моей собственной земле?

Начальник полиции доверился ему: – Дело обстоит еще хуже, дон Эстебан. Вы скоро сможете приветствовать там одного видного коммуниста.

- С каких пор я должен иметь дело с коммунистами?

- Крисанто Эванхелиста, председатель партии, на пути к вам. Он был где-то здесь поблизости и услышал о волнении.

- Я возьму охотничье ружье и выстрелю ему свинцовой дробью прямо в физиономию! – пригрозил гасиендеро.

- Лучше не делайте этого, дон Эстебан, – посоветовал ему начальник полиции. При определенных обстоятельствах этот человек окажется для вас как раз кстати.

- Как это?

- Международное положение, – объяснил начальник полиции. – Оно помогает вам. В настоящий момент коммунисты используют тактику, которая направлена на то, чтобы не подстрекать части населения друг против друга. Они хотят единого фронта против японцев. Вероятно, поэтому в некоторой степени еще можно будет осторожно уладить дело благодаря Эванхелисте.

- Пусть он мне осторожно... Дон Эстебан произнес кое-что непристойное. Начальник полиции в ответ промолчал. Наконец, он заметил, что гасиендеро задумался. Чтобы направить его на правильный путь, он осторожно осведомился: – Вы еще можете покинуть гасиенду?

- Могу!

- Тогда уезжайте на несколько дней в Тарлак, в ваше второе поместье. А я за это время здесь уже сделаю все, что необходимо.

- Я должен бежать с моей собственной земли?

- Не бежать. Скажем там, уехать, и так, чтобы эти люди этого не заметили. Если Эванхелиста приедет, то я тоже приеду, в крайнем случае, с Constabulary. Мы разъясним людям, что вас нет дома, и они рассеются. Если не добровольно, то мы немного им поможем. Мы поняли друг друга?

Дон Эстебан в ярости бросил трубку. Что за предложение? Или больше нельзя было полагаться на полицию? Но вскоре до гасиендеро дошло, что, собственно, начальник полиции был прав. Отомстить можно было бы и позже. В действительности самым разумным было бы оставить всю эту свору перед пустым домом. Если они не найдут меня, то они ничего не смогут требовать от меня, и Constabulary сможет их прогнать. Он поспешил в комнату для переодевания. Его семья находилась на побережье. Донна Фигейро любила мягкий морской климат зимних месяцев, и дети тоже были там. Итак, дон Эстебан избавился от своего костюма для верховой езды, затем он пробрался в каморку за кухней, где персонал хранил рабочую одежду.

Арендаторы и сельскохозяйственные рабочие в парке не обращали внимания на мужчину в синей потрепанной одежде, на котором был фартук садовника и глубоко надвинутая на лоб соломенная шляпа. Они видели, как он залез в повозку, запряженную ослом, и уехал прочь. Никто не предположил бы в нем дона Эстебана. Когда Крисанто Эванхелиста неожиданно появился часом позже, все были твердо убеждены, что гасиендеро забаррикадировался в своем доме.

Фото 7. Хосе Лава (справа), который в момент его ареста в октябре 1950 года был генеральным секретарем коммунистической партии Филиппин, здесь изображен после его освобождения из заключения, двадцатью годами позже. Рядом с ним его брат Хесус.

Крисанто Эванхелиста, которого знали большинство из собравшихся здесь, был соучредителем коммунистической партии на Филиппинах. В 1930 году он с Хуаном Фелео, Феликсом Кагином и другими сделал исторически необходимый шаг и создал боевую марксистскую партию, которая объединила все революционные течения на островах. Кадровые работники большей частью были из «рабочей партии», первой социалистической организации, которая существовала на Филиппинах с 1924 года.

Фото 8. Крисанто Эванхелиста

Два года после ее основания коммунистическая партия могла работать легально, но затем под фальшивыми предложениями, будто бы она представляла иностранные интересы, она в первый раз была запрещена. Так коммунистам Филиппин пришлось получить свой первый опыт нелегальной работы.

К удивлению ее противников, партия приобрела большее влияние. И руководители социалистической партии, которая была основана в 1932 году, не прекращали требовать свободы деятельности для своих коммунистических братьев по классу. В отличие от других стран социалистов на Филиппинах не удалось разнообразными уловками подтолкнуть к соперничеству с коммунистами. Также сильные крестьянские объединения боролись против запрета коммунистов, тем более что многие из их ведущих членов были марксистами.

Забастовки и крестьянские беспорядки сопровождали в 1935 году вступление в должность президента Кесона. Кесон посчитал себя вынужденным провозгласить «программу социальной справедливости», чтобы, по крайней мере, создать внешнее впечатление, будто бы он намеревался предпринять что-то против бедности и нужды.

В год нападения японцев на Китай, наконец, продолжать запрет коммунистов было больше нельзя. Еще арестованные в то время кадровые партийные работники были освобождены, и партия снова могла действовать легально. Она делала это с целью добиться единства действий с социалистами. В октябре 1938 года, примерно через один год после отмены запрета, коммунисты и социалисты Филиппин провели свой объединительный партийный съезд, с тех пор партия отчетливо влияла на развитие крестьянских объединений.

Тем не менее, работа была вовсе не легка. У образовательных привилегий буржуазии были свои последствия. Простой народ на Лусоне большей частью говорил только на тагальском языке (тагалог), немногие умели читать. Однако марксистской литературы в переводе на тагальский язык не существовало. Она была доступна только тем, кто понимал английский язык. Таким образом, партия должна была провести большую работу, чтобы распространить базовые знания марксистской теории, по крайней мере, среди ведущих кадровых работников. Крисанто Эванхелиста был одним из немногих, кто выучил английский язык еще в молодости; он читал произведения Маркса и Энгельса на этом языке. Товарищи из Соединенных Штатов провозили эти книги контрабандой на острова.

Крисанто Эванхелиста был в Сан-Фернандо, где он беседовал с руководителями различных крестьянских объединений. Там его настигло сообщение, что арендаторы и наемные рабочие на гасиенде дона Эстебана Фигейро взбунтовались. Эванхелиста сразу решил поехать туда. Ввиду большой опасности, ко-

торая грозила всей стране, необходимо было сохранять спокойствие. Естественно, эксцессы гасиендеро нельзя было сносить, но все же следовало попытаться уладить конфликт миром и, прежде всего, без кровопролития.

Франсиско Рамос, который сопровождал Эванхелисту, вызвался поехать с ним. Но Эванхелиста напомнил ему о том, что у него было другое задание. – Ты должен как можно быстрее поговорить с этим американцем, – торопил он его. – Ты знаешь, как мало в нашей стране американцев, с которыми мы находим общий язык. Я возлагаю на него большие надежды, судя по тому, что я узнал о нем от тебя. Займись этим, а на гасиенде Фигейро я уже и сам справлюсь!

На самом деле миссия, в которой Франсиско Рамос искал американца Эндрю Конвея, не была рутинной. Но и Эндрю Конвей тоже не был обычным американцем. Он был зятем гасиендеро Торрены, одного из самых богатых и могущественных людей в сахарном бизнесе на Лусоне. Торрена был членом сената, который давал его 24 сенаторам – это были также самые богатые люди страны – разнообразные шансы приобретать влияние, спекулировать, вымогать. Когда Франсиско Рамос представлял себе, что он мог бы однажды получить такого тестя, ему хотелось улыбнуться. Эндрю Конвей говорил об этом сдержанно. Он был коммунистом; его жена знала об этом, соглашалась с этим. Тесть не нашел возможности помешать их отношениям, хотя он пытался сделать это довольно долго, после того, как узнал о политических взглядах Конвея. С Франсиско Рамосом этого молодого американца, который изучал агрономию, связывала старая дружба. Ее причиной была не только проведенная ими вместе пора студенчества. Конвей и Рамос были в Испании в одной роте американских добровольцев, и достаточно часто делились последним куском хлеба, вместе курили последнюю сигарету перед атакой.

- Тогда я желаю тебе успеха, – сказал Рамос, когда прощался с Эванхелистой. – Что касается меня, то я, конечно, сделаю то, что собираюсь.

Эванхелиста неожиданно прибыл на гасиенду Фигейро. Люди его сразу узнали и собрались вокруг него. После того, как он расспросил их о ситуации, он попросил собравшихся успокоиться. Затем он отправился к жилому дому, чтобы поговорить с доном Эстебаном. Он один по гравиевой дорожке приближался к дому; коренастый мужчина, слегка сутулый, излучающий энергию и спокойствие. Он позвонил. В парке все стихло. Разговоры замерли. Каждый следил взглядом за Крисанто Эванхелистой.

Дверь открылась, появилась служанка, поверх черного платья белый фартук, традиционная одежда прислуги, как она была принята еще при испанцах.

- Дона Эстебана нет дома, – ответила девушка на просьбу Эванхелисты доложить о нем гасиендеро. Она отошла в сторону. Но Эванхелиста не хотел входить в дом без приглашения хозяина. В этой стране стоило придерживаться обычаев, даже если они пришли не от народа, а из Испании.

- Вы можете спокойно войти, – попросила его девушка. – Хозяина действительно нет.

- Я слышал, что он после этого инцидента удалился в дом, – сказал Эванхелиста и посмотрел на нее. Девушка бросила взгляд за собой. В прихожей никого не было. Тогда она сказала: – Он убежал... Да, правда! Примерно два часа назад он надел одежду садовника и уехал на тележке, запряженной ослом. Люди, должно быть, видели его, но они, пожалуй, его не узнали.

Это звучало честно, и Эванхелиста почувствовал, что это была правда. – Когда он вернется?

Девушка слегка пожала плечами. Затем она движением головы показала на людей в парке. – Я думаю, пока крестьяне здесь, он не приедет.

- Он боится?

- Боится, – ответила девушка тихо, но с уверенностью.

- А ты? Ты тоже боишься?

Девушка засмеялась. – Кого? Эти люди там такие же, как я, с единственной разницей, что они работают на полях, а я в доме!

Эванхелиста кивнул. Затем он повернулся, чтобы уйти; он попросил девушку: – Открой окно. Послушай, что я буду говорить.

После того, как Эванхелиста объяснил людям, что гасиендеро тайком ускользнул из дома, сначала поднялся протест. Вскоре можно было услышать только лишь общий гул голосов, и Эванхелиста крикнул: – Товарищи и друзья, мы имеем дело с человеком, который боится нас, если мы приходим вместе. Очевидно, он храбр лишь тогда, когда он с кнутом сталкивается только с кем-то одним из нас. Ну, хорошо, инцидент будет улажен, мы позаботимся об этом. Но теперь я должен вам кое-что сказать. Подходите поближе, чтобы вы хорошо слышали меня.

Они собрались вокруг него, присели на корточки на землю и внимательно слушали.

В господском доме открылось окно на первом этаже. За ним можно было увидеть служанку.

Кто-то притащил ящик, на который встал Эванхелиста. Он был ярким оратором, он доказывал это достаточно часто. Теперь, однако, его голос звучал приглушенно, почти благоговейно. Он говорил об угрожающем международном положении, о потенциальном агрессоре Японии и о ее союзниках в собственной стране, о беззаботности американцев. Он использовал для этого настолько простые слова, что каждый из этих крестьян, каждая из женщин могли понять его. Никто не шевелился. Если кто-то из детей начинал ныть, мать быстро брала его к груди. Это были загоревшие под солнцем Лусона крестьяне, арендаторы, возничие, люди с грубыми руками и ногами, и с морщинистыми лицами. Далеко не все эти люди были коммунистами. Но опыт учил их, что доверять можно было только коммунистам, так как они защищали народ. Крестьяне Лусона никогда не склонялись перед гасиендеро, перед их частными полицейскими или перед Constabulary. Они были готовы рискнуть всем, если только они могли бы изменить свою судьбу.

Уже много лет назад коммунистическая партия объединила крестьян и арендаторов, чтобы добиться реализации законов также против произвола землевладельцев. Гасиендеро содержали собственные отряды охраны, с которыми они боролись против сельского населения, особенно в провинциях Булакан, Пампанга и Тарлак, но также и в провинции Нуэва-Эсиха и в других местах часто дело доходило до кровавых столкновений. «Национальный союз крестьян», одна из руководимых коммунистами массовых организаций, был лидером сопротивления землевладельцам. Союз в 1938 году насчитывал уже 60 000 членов. Наряду с ним было еще примерно сорок других крестьянских организаций.

Кесон поручил правительству, чтобы оно отныне применяло государственное насилие для подавления крестьянского движения. Тот самый Кесон, который незадолго до того лицемерно заявил: «Нужно давать приоритет правам человека, если они вступают в конфликт с правами собственности», внезапно утверждал, что причина бедности сельских жителей состоит в том, что у этих людей «нет привычки к продолжительной, сконцентрированной работе». Чтобы окончательно обеспечить себе благосклонность землевладельцев, он официально объявил: «Об изъятии земли... на Филиппинах не может быть и речи. Я полон твердой решимости воспрепятствовать каждой форме незакония и применения насилия, если потребуется, то и силой». Последовали соответствующие мероприятия. В 1940 году верховный суд Филиппин принял решение, согласно которому забастовки рассматривались в качестве насильственной меры против закона и порядка, со всеми последствиями. Только что принятый закон о восьмичасовом рабочем дне был снова отменен. Землевладельцам по закону позволялось содержать так называемые частные отряды полиции для защиты своей собственности. Даже некоторые статьи конституции были изменены, вследствие чего доминирующее положение крупной буржуазии и землевладельцев еще больше укрепились. Были созданы, обучены и

вооружены специальные войска численностью 20 000 человек; они использовались при каждой забастовке, но вскоре также против демонстрантов и агитаторов.

Все же, террор, который был развязан с целью запугать рабочих и крестьян, промахнулся мимо цели, хотя он и принес многочисленные жертвы.

В этой ситуации коммунисты сделали следующий решающий шаг к объединению всех прогрессивных и патриотических сил в стране, сформировав вместе с профсоюзами, большинством крестьянских союзов, республиканской партией и несколькими группировками мелкобуржуазного направления «Frente Popular», Народный фронт, который резко атаковал реакционную политику Кесона. На муниципальных выборах 1940 года кандидаты от Народного фронта стали мэрами в многочисленных городах и поселках во многих провинциях, например, в Пампанге, Тарлаке и Нуэва-Эсиха. Отныне положение гасиендеро стало значительно сложнее, так как политики Народного фронта использовали свою исполнительную власть в интересах бедного населения.

– Мы много лет шли успешным путем, – говорил Крисанто Эванхелиста, стоя на ящике, арендаторам и батракам дона Эстебана Фигейро. – Мы и дальше будем идти этим путем. Только теперь нам придется иметь дело с угрозой отечеству со стороны японцев, и в этой ситуации мы должны волей-неволей объединиться в патриотическое сопротивление также с теми, кого мы называем эксплуататорами. Чтобы спасти нашу страну, мы должны мобилизовать каждого филиппинца, земельного арендатора, возничего или землевладельца против опасности, которая исходит от Японии, уже сегодня рассматривающей Филиппины как часть своей империи. Мы не хотим сменить американскую опеку на фашизм японцев! Дорогие друзья, это мое серьезное требование, даже если оно покажется некоторым из вас отступлением. Мы можем устоять в неизбежной борьбе с японскими агрессорами только с напряжением всех наших сил. Поэтому мы в будущем должны будем пока отодвинуть наши споры с такими людьми как дон Эстебан на второй план за самым актуальным национальным вопросом. Мы направим петицию губернатору Пампанги, чтобы он потребовал от дона Эстебана придерживаться действующих законов. Пока это не улажено, мы постараемся рассматривать дона Эстебана вопреки всем вопросам, которые мы должны решить с ним, как филиппинца, от которого мы надеемся, что он будет нашим союзником при защите нашей родины. Только если выяснится, что он бросит нас на произвол судьбы и перебежит к противнику, мы примем новое решение. Я знаю, как болезненны удары плетью, все же я прошу вас в этот час, чтобы вы думали о завтрашнем дне.

Он сам удивился тому, что не было никаких возражений. Пострадавший возничий подошел к нему и пожал ему руку. – Я понял тебя, товарищ Эванхелиста. Только скажи мне, действительно ли положение вокруг нашей страны настолько серьезное?

- Даже серьезнее, чем ты думаешь, – ответил Эванхелиста. – Нам нужно будет мобилизовать все силы, абсолютно все, чтобы защититься от японцев!

После того, как люди рассеялись, Эванхелиста созвал собрание всех коммунистов в поселке. Он потребовал от них рассказать ему о том, что было сделано, чтобы реализовать указание центрального комитета, согласно которому коммунисты должны были в сельских районах тайком готовиться к вооруженной борьбе против японского агрессора.

В это время Франсиско Рамос уже сидел на веранде гасиенды «Фелиситас», примерно в десятке километров к востоку от Сан-Фернандо. Он приехал сюда на карретеле, повозке, которую послал Эндрю Конвей. Гасиенда не была очень большой. Дон Рикардо Торрено предоставил эту часть своих владений общей площадью свыше тысячи гектаров своей дочери, когда она вышла замуж. Он сделал это хоть и без большого желания, так как она выбрала в мужа этого американца, но дочь тогда смогла настоять на своем, и нельзя было скомпрометировать себя, отказав собственной дочери в соответствующем приданом. Поэтому дон Рикардо переписал на нее плантации ананасов с маленьким жилым домом и предоставил события их собственному течению. С тех пор он очень редко видел свою дочь, хотя он и не ссорился с нею и зятем; он хотел только создать дистанцию, которая помогала ему сохранить лицо.

Конвей и его молодая жена вскоре после свадьбы изменили кое-что в их владении. Фелиситас была дочерью одного из самых богатых людей провинции, все же у нее в том, что касалось отношения к арендаторам и батракам, с детства был свой собственный взгляд. Она считала, что заданием землевладельцев было улучшение жизни работающих. На этой основе также развилась ее дружба с Эндрю Конвеем, они понимали друг друга, хотя Фелиситас не чувствовала никакого желания посвятить свою жизнь коммунистическим идеям. Она была одной из тех детей зажиточных людей, для которых богатство родителей с пробуждением собственного разума и независимого размышления о социальных проблемах стало бременем, и она считала себя обязанной изменить маленький мир гасиенды. Конвей уважал эту позицию. Именно он сначала приобрел доверие арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, и позже он снова и снова задумывался над тем, как постепенно превратить поместье в такое место работы, где получающие жалование работники имели бы такие права, которые практически не были еще реализованы в стране.

На «Фелиситас» рабочее время было регламентировано, детский труд не допускался. Женщины получали приблизительно ту же самую плату, как мужчины, и тому, кто становился нетрудоспособен, разрешалось продолжать жить в его жилище. Арендная плата для арендаторов определялась точно по закону,

который нигде в других местах не соблюдался землевладельцами. Собственность арендатора оставалась неприкосновенной, даже если во время посева арендатору приходилось влезать в долги. За совместные работы, на которые призывались также арендаторы, в поместье «Фелиситас» платили наличными деньгами. Здесь не использовали тот трюк, когда получающих зарплату работников дополнительно «доили» с помощью собственных магазинов, в которых они могли приобретать продукты. В остальном арендаторы и сельскохозяйственные рабочие «Фелиситас» были почти без исключения организованы в крестьянский союз, и их никто не ущемлял из-за этой политической деятельности. Наоборот, Конвей и его жена поддерживали хорошие отношения с функционерами союза; нередко они советовались с ними по поводу общих мероприятий, которые, с одной стороны, увеличили бы доходы, с другой стороны, не должны были привести к усилению эксплуатации. Хотя это не имело ничего общего со старым требованием коммунистов разделить землю гасиендеро среди крестьян, но положение работающих на этой гасиенде, все же, очень отличалось от системы, которая была принята повсюду.

И когда Рамос теперь немного вызывающе спросил друга о том, являлась ли жизнь на «Фелиситас», собственно, реализацией того, о чем мечтал Конвей как коммунист, тот тоже только спокойно покачал головой и сказал: – Ни в коем случае. Но нельзя выполнить все, что нужно сделать в этой стране, одним махом. Нужно идти шаг за шагом. Мы пока еще собственники и эксплуатируем людей. Но я вполне вижу шанс когда-то в процессе развития дать с «Фелиситас» пример всей стране, однажды превратив наше поместье во что-то вроде кооператива, в общее владение, в котором у моей жены и у меня была бы такая же доля, как у всех остальных, кто здесь работает.

Мечты, подумал Рамос. Этот эксперимент заинтересовал его с самого начала. Он не сомневался в том, что здесь был создан пример, только можно ли было решить так социальную проблему всей страны?

- Конечно, нет, – заметил Конвей. – Нужно бороться. Но есть вторая сторона этого вопроса. Здесь при резкой разнице социального положения нужно непременно напоминать имущим о том, что у них есть моральные обязательства перед их земляками. Нужно агитировать за понимание, указывать пути, которые возможны, я назвал бы это реформами. Пока нельзя отказываться от этого. Для борьбы крестьян мы нуждаемся в наглядных примерах того, что может быть также и по-другому. Это тоже стимулирует их к политической деятельности. Не забывай, что у наших бесчисленных земляков есть летаргия, которую только с трудом можно преодолеть. Конечно, есть много методов встряхнуть их, и этот только один из них. Вероятно, не самый важный, но все-таки один из них!

Рамос пожал плечами. Соображения, которые следовало бы принимать всерьез. Хорошо, посмотрим, что из этого выйдет дальше.

Он спросил, сменив тему: – Как поживают свиньи?

- Растут и жиреют!

Конвей засмеялся. Он был большим, сильным мужчиной с густой шевелюрой. Его руки выглядели неуклюжими. Совсем не как руки интеллектуала, подумал Рамос. Но он, собственно, теперь также скорее крестьянин, землевладелец, лучше сказать; с идеями, как на своем примере можно убедить имущих в том, что эта страна нуждается в реформах!

- Мы вырастили замечательных животных, – рассказывал Конвей. Он с гордостью говорил об этом. Животноводство было раньше неизвестно на этой гасиенде. Кроме буйволов и ослов, которых использовали как вьючных животных, здесь были только куры. Свиноводство принадлежало также к нововведениям, которые внедрили Конвей и его жена. Они исходили при этом из соображения, что ананас как монокультура делал гасиенду очень нестабильной. При этом земля была пригодна для разведения овощей, даже риса, но в первую очередь на ней можно было выращивать кормовые растения и использовать их для животноводства. Кроме того, это давало возможность обеспечить арендаторов и сельскохозяйственных рабочих относительно дешевым питанием собственного производства. Они сегодня сами разводили часть животных и для собственного потребления. С тех пор уровень жизни этих людей заметно улучшился.

- Я уже вижу это, – сказал Рамос, усмехаясь, – когда-то ты войдешь в историю Филиппин как реформатор!

Все же он удивился, с какой энергией Конвей и его жена изменили гасиенду за последние годы. Конечно, земля была плодородной. От Манилы до залива Лингаен простиралась темно-зеленая центральная равнина Лусона, самая большая равнина на всех Филиппинах вообще. Здесь находилась Пампанга, также часть южного Тарлака, самые богатые сельскохозяйственные области Лусона. Но гасиендеро с их направленным на американский экспортный рынок земледелием использовали до сих пор только незначительную часть этих возможностей. Конвей мог быть прав, когда он говорил о примере. Здесь было доказано, что земля могла не только наполнять банковский счет одного из гасиендеро, но и в достаточной степени прокормить живущее и работающее в деревне население. Да, Эндрю Конвей и его жена уже знали, чего они хотели! Как следовало бы рассматривать этих обоих людей? Как гасиендеро с гуманными мотивами? Или как людей, которые по-своему готовили будущее? Со смехом Франсиско заметил: – Энди, если точно рассматривать это, то ты ведь сам притягиваешь сюда хорошо накормленных и хорошо одетых экспроприаторов!

Но Конвей, кажется, это вовсе не беспокоило. Он ответил: – Мы делаем еще гораздо больше, мы даже организовали школу для детей арендаторов. Так что это еще даже образованные экспроприаторы, Пако!

Из дома вышла молодая женщина, с подносом, на котором стояли стаканы с водой со льдом, ароматизированной ванилью. Освежающий напиток, как немедленно понял Рамос. Фелиситас Конвей была тонкой и изящной, у нее было телосложение большинства филиппинок, к которому присоединялась мягкость выражения лица, спокойствие и уверенность в себе человека, который не только строит планы, но и умеет реализовать их.

- Вы, мужчины, сидите на веранде и разговариваете, но никто из вас не говорит мне, хочет ли он есть! Что ты хотел бы съесть, Франсиско?

Наконец, Рамос согласился взять жареную свинину и свежие овощи, после того как он долго уверял, что он абсолютно не чувствует голода. Он был обеспокоен, и в этом настроении он в большинстве случаев не мог проглотить даже кусочек.

- Ах, Фелиситас, я, собственно, приехал только потому, что мне нужно поговорить с Энди об одном особо важном деле. И мне сразу после этого нужно будет снова вернуться в Сан-Фернандо.

- И вы уже переговорили?

- Еще нет. Мы говорили о свиноводстве.

- Мне оставить вас одних?

Конвей взял ее руку и притянул Фелиситас в плетеное кресло. Темнело. Стрекотали цикады. На потолке веранды геккон охотился на насекомых. На некотором удалении горели костры, на которых сельскохозяйственные рабочие готовили себе пищу. Вечер был тихим, ветра не было, даже самого слабого дуновения.

- Почему у нас должны быть от тебя секреты, – сказал Рамос. – В будущем все равно нельзя будет избежать того, что Энди будет делать то, что он должен делать, и ты об этом узнаешь. Нас ждут плохие времена, Фелиситас.

- Ты говоришь так, как будто бы у нас уже завтра будет война, – упрекнула она его.

Он пожал плечами. – Она может быть завтра, вероятно, послезавтра. Или в новом году. Она стала неизбежной, японцы сообщают о ней открыто, их помощники в Маниле в настроении боевой готовности.

- Американцы не пустят японцев на сушу, – начала Фелиситас, но затем остановилась, как будто бы она сама по-настоящему не верила в то, что хотела сказать. Она только посмотрела на Рамоса. Тот вздохнул.

- Одна из причин, из-за чего я вынужден уже завтра утром снова вернуться в Манилу, это то, что мы хотим заставить американцев дать всему населению возможность участвовать в защите родины.

- И ты веришь, что они действительно сделают это? – спросил Конвей.

- Макартур ничего не хочет слышать. Центральный комитет обратится к общественности.

- А это поможет?

Рамос пожал плечами. – Ну, хорошо, мы не можем расшифровать тайные намерения Макарура. Поэтому мы будем действовать сами. Ты знаешь указание партии готовиться к сопротивлению, Энди?

- Мы здесь уже кое-что сделали для этого.

Фелиситас поднялась. Ей хотелось бы слушать и дальше, но она понимала, что мужчины теперь будут говорить о таких вещах, о которых они не хотели бы, чтобы их слышал кто-то еще. С тихим замечанием, что ей пора позаботиться о еде, она ушла в дом. Рамос спросил, посвящена ли она. Конвей кивнул. – Она знает все, и она с этим согласна.

- Итак, – начал Рамос, – тогда обсудим то, что нужно обсудить. Сколько человек ты можешь мобилизовать?

Конвей не думал долго. – Я обсудил этот вопрос с функционерами крестьянского союза. Мы быстро договорились. Пока у нас есть двенадцать мужчин, которые умеют стрелять, а также попадают в цель.

- С одной винтовкой?

- С моим охотничьим ружьем.

- Двенадцать человек – это немного.

Рамос задумчиво смотрел на Конвея.

Тот покачал головой. – Это как посмотреть, Франсиско. В настоящий момент они учат стрелять еще двенадцать других человек.

- И все это с твоим ружьем?

- У меня только одно ружье.

Конвей на мгновение задумался, затем он с улыбкой спросил Рамоса: – Впрочем, ты помнишь, как мы в Испании получили первые настоящие пехотные винтовки и сделали из них несколько пробных выстрелов? Раньше я стрелял только из охотничьего ружья моего отца. И все же я не был плохим стрелком, разве не так?

Рамос усмехнулся. – Ты меня убедил. Естественно, нужно с чего-то начинать. А эти люди надежные?

- Они готовы сражаться с японцами.

- Это самое главное, – заметил Рамос. – Нам будет трудно с этим. Крестьянам понадобится много времени, прежде чем они привыкнут к дисциплине, которая необходима для солдат. Есть в этой местности другие группы?

Конвей пожал плечами. – Я слышал, что в нескольких поселениях тоже тренируются подразделения самообороны. Крестьянский союз это организовал. Но у меня нет полной картины.

- Ну, хорошо, у нас она скоро будет. Я разъезжаю с Крисанто Эванхелистой, чтобы посмотреть, насколько уже все подготовлено. А к тебе у меня есть еще другая просьба.

Он не успел произнести ее, так как Фелиситас появилась на веранде. Она крикнула: – Еда готова! Отвлекитесь хотя бы на полчаса!

В то время как он ел хорошо приправленную свинину и нежные овощи, Рамос думал о том, будет ли возможно доверить Эндрю Конвею военное руководство одного из формирующихся подразделений. Конечно, Конвей был не только надежным коммунистом, кроме того, он, как доброволец в батальоне Линкольна, смог набраться опыта в Испании и сам был образцовым солдатом. Но к этому времени он уже владел гасиендой, то есть, в глазах арендаторов и крестьян он принадлежал к тем, кого по праву называли эксплуататорами. Только немногие знали о его прошлом. Примут ли его другие? Трудный вопрос. Рамос решил открыто поговорить с Конвеем об этом.

- Теперь мне нужно будет долго прогуливаться после такой трапезы, – объяснил он, расхваливая еду. Фелиситас еще довольно долго болтала с мужчинами, они выпили по стакану филиппинского виски, затем оба отправились на прогулку. Рамос воспользовался случаем, чтобы поговорить с Конвеем о своих сомнениях, и он удивился, когда тот немедленно согласился с ним. Да, это проблематично доверять ему командование подразделением, не только из-за его положения гасиендера, но и – и эти слова были неожиданностью для Рамоса – потому что он американец.

- Пако, – спокойно произнес Конвей, в то время как они проходили мимо хлебов и приближались к амбарам, – не будем обманывать сами себя. Для очень многих людей я один из той страны, которая в течение десятилетий занимается здесь колониальной эксплуатацией, и которая отказывает Филиппинам в независимости. Если я просто сражаюсь вместе с местными крестьянами, это одно, но если я с самого начала должен быть их командиром, то это совсем другое. Я предлагаю вам принять меня как простого бойца в одно из подразделений и все остальное предоставить времени.

Рамос не мог дать ему обзывающий ответ. Партия должна была посоветоваться об этом. Все-таки мнение Конвея теперь было известно, и это было хорошо. Поэтому Рамос больше не говорил об этом, а через некоторое время сказал: – Энди, у меня есть поручение для тебя из Манилы. Можешь ли ты покинуть гасиенду на несколько дней?

- В любое время. Что я должен делать?

- Ты в некоторой степени знаешь Пампангу?

- Я пользовался каждым случаем, чтобы изучить ее точно. Почему ты спрашиваешь?

- Потому что нам понадобятся базы, если это начнется. Лагеря в таких местах, которые японцам трудно будет найти.

Конвей остановился. Они подошли к зданию, которое служило для хранения урожая, пока он не был распродан. Из темноты вышла какая-то фигура. Мужчина в соломенной шляпе; в руке у него была палка.

- Эмилио? – спросил Конвей. Мужчина поздоровался. Он бросил взгляд на гостя Конвея и затем вполголоса сказал: – Все в порядке. Спокойная ночь.

- Ты организовал охрану своего земельного участка? – поинтересовался Рамос.

Конвей вытащил сигареты из кармана и протянул пачку Эмилио, а потом и Рамосу. Когда они все трое закурили, американец сказал: – Это нужно, Пако. Моим соседям не нравится то, что я делаю. Они были бы довольны, если бы мои склады сгорели. На соседской гасиенде владелец нанял банду из двух дюжин боевиков. От них всего можно ожидать.

- Уже была такая попытка?

- Несколько недель назад, – ответил Эмилио. – Мы смогли потушить пожар. Мы поймали одного из парней.

- Его наказали?

Эмилио засмеялся. – Мы привезли его в Сан-Фернандо. Судья посчитал доказательства его виновности недостаточными. Он оправдал его. Сегодня он снова на гасиенде!

Происшествия такого рода накапливались, как знал Рамос. Хотя Народный фронт стал победителем на муниципальных выборах в Пампанге в прошлом году и назначил восемь мэров, государственные органы, прежде всего органы правосудия, почти без исключения находились в руках таких людей, которые оплачивались землевладельцами.

Они попрощались с Эмилио, который снова нырнул в темноту, и двинулись дальше. Конвей спросил: – Что ты только что имел в виду, когда говорил о базах? Мне нужно подыскать места?

- Это приказ товарищей в Маниле, – ответил Рамос. – Там учли то, что ты знаешь местность, а также имеешь в распоряжении карретелу, так как пешком на это понадобилось бы слишком много времени.

- У меня даже есть мотоцикл. Дай мне несколько исходных условий, что касается этих убежищ, и я это сделаю.

Рамос разъяснил, что речь должна идти о труднодоступных местах, которые, в крайнем случае, также можно было защитить от агрессора. Лучше всего, однако, было бы, если бы они находились в незаселенных местностях. Но их нужно подобрать так, чтобы из них можно было в любое время установить контакт с сельским населением.

Не совсем простое задание найти такие места. Но Конвей задумался только на мгновение, а затем сказал: – Если я тебя правильно понял, то самой подходящей местностью должен быть Арята. Ты знаешь эти места?

Рамос знал эту заросшую густым лесом гору, которая поднималась больше чем на 800 метров над равниной Центрального Лусона. Труднопроходимая местность, в этом Конвей прав.

- Кроме того, мэр города Арята – наш товарищ Алехандрино, также это должно быть нам на пользу!

Это было верно. Член центрального комитета коммунистической партии Касто Алехандрино выиграл выборы в Аряте. Довольно долго землевладельцы хотели помешать его назначению. Но население дало понять, что дойдет до беспорядков, если Алехандрино не займет свой пост, и поэтому они покорились.

Фото 9. Касто Алехандрино

- Гора Араят, – заметил Рамос задумчиво. – Об этом стоит подумать. Эта идея мне нравится.

- Мне нужно подробно разведать эту гору? – хотел знать Конвей.

- Сколько времени тебе на это понадобится?

- Завтра я на рассвете сяду на мотоцикл и поеду. Два дня на месте, и я могу представить тебе эскизы карт с самыми лучшими убежищами, и еще дороги и тропы, которыми можно пользоваться.

Они договорились, что Конвей после разведки территории приедет в Манилу, где потом обсудят его дальнейшие действия. Затем они пошли обратно к жилому дому. Один час они еще посидели вместе с Фелиситас на веранде, пили пиво «Сан-Мигель» и курили. Это выглядело так, как будто просто встретились старые друзья, чтобы спокойно поболтать друг с другом. Но снова и снова к каждому из них приходила мысль, как долго еще у них будет возможность так мирно сидеть вместе.

Ранним утром, после короткого сна, Рамос встал. Фелиситас тоже уже проснулась. Она не упустила возможность приготовить яичницу-глазунью своему гостю. Со смехом она сказала: – Тебе предстоит долгий путь, и кто знает, найдешь ли ты еду в Сан-Фернандо, не говоря уже о Маниле, холостяк! Кстати, когда ты женишься?

- Отложим ответ еще немного, – попросил Рамос. Это был не первый раз, когда он рассматривал возможность просто пойти с Марией в загс. Но было ли разумно создавать семью ввиду того, что ожидало страну, партию, каждого товарища? Рамос был в нерешительности, и Фелиситас, которая догадывалась о причинах, только сказала: – Посмотри на нас, мы со всем, что случится, справимся вместе. Разве такое не будет возможно также и у вас?

- Я подумаю над этим, – пообещал он. Затем он взял вожжи, и лошади побежали рысью.

Несколько позже Конвей выкатил из сарая свой «Харли-Дэвидсон», почти новую, мощную машину. Он взял с собой только сумку с самыми необходимыми для путешествия вещами, а также упаковку галет и бутылку воды. Еду можно было достать в каждом баррио, лишь бы только были деньги, чтобы заплатить за нее.

Когда он сворачивал с дороги, ведущей к гасиенде, на шоссе, которое проходило на север, он думал о своей жене. За короткое время, которое они провели вместе, Фелиситас стала больше, чем только спутницей жизни. Конвей волновался. Фелиситас должна была родить ребенка примерно через полгода. К тому времени на Филиппинах, вероятно, уже будет война. Не лучше ли было бы отправить Фелиситас одним из ближайших кораблей в Соединенные Штаты? Его родители приняли бы ее с радостью. Вести войну – это мужское дело. Или нет?

Конвей вспомнил о женщинах, которые сражались в Испании. Естественно, война не была делом одних только мужчин! Здесь дело дойдет до борьбы против чужеземного завоевателя не на жизнь, а на смерть, а Фелиситас была филиппинкой! Но что будет с ребенком? Может быть, придется уходить в леса, в горы. Сможет ли женщина вырастить ребенка в таких обстоятельствах? Чем больше Конвей размышлял над этим, тем больше он колебался.

Ну, что поделаться, сказал он себе, наконец, посмотрим, как мы справимся со всем этим. Никто не примет наше решение за нас. Но пока у меня есть приказ разведать Араят.

Нападение

Мария Флорес как раз вернулась из наборного цеха, где занимались версткой иллюстрированной статьи о послании одной предсказательницы. Черный Христос в церкви Киапо в Маниле якобы сообщил старухе, что в ближайшие месяцы произойдут ужасные события. Это было обычной фельетонной болтовней. В статье напечатали изображение черной фигуры Христа и фотографию провидицы и размышляли о прогнозе. Люди охотно читали что-то в этом роде. Верили ли они в это или нет, давно уже никого больше не интересовало в редакции, нужно было чем-то заполнить страницы.

Мария шла по большому помещению, в котором трещали телетайпы. У выхода был установлен один из новых американских автоматов, из которых можно было получить стаканчик горячего кофе. Как раз когда Мария пододвинула

пластиковый стаканчик под кран, прибежала телефонистка, взволнованно ищущая кого-то, кому она могла бы довериться. Когда она увидела Марию, она выпалила: – Я как раз услышала, по радио Гонолулу: воздушный налет на Пёрл-Харбор! И они добавили: «Это – не учения!» снова и снова! Ради всех святых, это случилось, Мария!

Она взяла стаканчик с кофе из руки у редактора, все еще сбита с толку, попросила прощения, выпила его, снова засунула пустой стаканчик в руку Марии и побежала дальше.

Мария не стала второй раз наливать кофе. Она подошла к телетайпу агентства «Рейтер» и посмотрела на сообщения на бумажной ленте. Ничего. Тогда она подошла к телетайпу «Ассошиэйтед Пресс». Также здесь ничего. Вероятно, это ошибка, подумала она и вернулась в редакцию. Но и здесь уже все были взволнованы; телефонистка распространила свою новость. Главный редактор сразу же заказал телефонный разговор с Гонолулу по подводному кабелю, очень срочный. Теперь редакторы стояли вокруг телефонистки, которая дрожащей рукой прижимала трубку к уху. Несколько позже она связалась с Гавайями. Но ей ответило не бюро агентства «Рейтер» в Гонолулу, а телефонная станция на почте. Визгливый женский голос взволнованно кричал: – Соединение невозможно! Воздушный налет! Бомбы! Японцы! Конец!

Телефонистка повторяла эти слова, и потом начала плакать.

Главный редактор быстро приказал: – Остановите верстку первой страницы! Один из редакторов побежал, чтобы передать указание. Тогда главный редактор распорядился, чтобы через полчаса все сотрудники собрались на совещание. За это время он хотел попытаться еще раз связаться с Гонолулу и узнать больше подробностей. – Мы выбрасываем первую страницу, – принял он решение и исчез в своем кабинете.

Мария поспешила к ближайшему городскому телефону и позвонила в книжный магазин. Продавщица сообщила ей, что Франсиско был дома, но он только к утру вернулся из провинции и поэтому еще спал.

- Разбудите его! – настаивала Мария. – Мне очень нужно поговорить с ним!

Несколько позже она сообщила ему, что произошло. Они договорились встретиться вечером. Тогда Мария Флорес снова пошла в наборный цех и приказала убрать статью о предсказательнице со страницы. Оставшиеся до совещания редакторов минуты она провела за тем, что актуализировала статью. Она решила поставить новый заголовок: «Черный Христос в церкви Киапо предсказал это: Война с Японией!»

В то время как в «Манила Таймс» редакторы проводили свое совещание, военный автомобиль стремительно несся вдоль бульвара Дьюи. Он остановился

у резиденции генерал-лейтенанта Макартура. Из маленькой покрытой камуфляжной краской машины вышел генерал Льюис Бреретон, командующий американскими военно-воздушными силами на Филиппинах. Хорошо выглядевший, еще не старый офицер широкими шагами поспешил вверх по ступенькам здания и через несколько секунд стоял напротив Макартура, который озабоченно пожал ему руку. Оба они уже полчаса как знали, что японцы сегодня утром, 7 декабря 1941 года в 7.55 по времени Гонолулу, атаковали Пёрл-Харбор. Очевидно, японцы применили превосходящие силы авианосной авиации, так как, судя по последним сообщениям, нападение все еще продолжалось. Уже были сообщения о значительных потерях среди находившихся в гавани американских кораблей.

Фото 10. Льюис Хайд Бреретон

- Генерал, – потребовал Бреретон взволнованно, – я прошу у вас разрешения для немедленного удара по Такео! Могу ли я дать моим самолетам приказ на взлет?

- Садитесь, Бреретон, – попросил его Макартур. Он сам тоже опустился в одно из больших кожаных кресел, которые стояли в комнате для посетителей. Через некоторое время, в то время как Бреретон нервно барабанил пальцами по спинке кресла, Макартур спокойно произнес: – Успокойтесь. Мы должны сохранять ясную голову. Никаких атак.

- Но, – запротестовал Бреретон, – мы ведь должны что-то сделать. Вам же были переданы донесения нашей разведки! Согласно им, в порту Такео на Тайване стоит готовый к нападению флот вторжения японцев. Матросы открыто рассказывают своим девушкам, что они скоро выйдут в море, чтобы захватить Филиппины! Мы могли бы атаковать их силами больше двухсот самолетов и сразу уничтожить! Я прошу приказ, сэр, срочно!

Филиппины располагали теперь, после того как в течение последних недель прибыли подкрепления, в целом более чем 500 боеспособными самолетами. В Кавите был второпях сооружен аэродром для гидросамолетов, и, в конце концов, минные заградители перекрыли бухту Манилы и бухту Субик-Бей тонким заграждением. Макартур, недавно получивший звание генерал-лейтенанта, был только что назначен главнокомандующим группировки войск, о силе и ценности которых существовали очень различные мнения. Недавно прошла конференция, на которой командующий войсками США на Дальнем Востоке (United States Army Forces in the Far East, сокращенно USAFFE) консультировался с английскими, голландскими и китайскими офицерами о сотрудничестве в случае нападения. Также здесь избегали называть по имени Японскую империю как потенциального агрессора.

Конфликт начался с нападения на Пёрл-Харбор. Когда последует удар по Филиппинам? Генерал Бреретон тщетно просил о разрешении поднять свои самолеты для налета на Такео. Макартур категорически заявил ему: – Мы получили из Вашингтона строгий приказ ничего такого не предпринимать, поэтому мы ничего не предпринимает.

Бреретон вынужден был довольствоваться этим. Он вернулся, не достигнув никаких результатов. Он еще не догадывался, что точно через девять часов после этой беседы первые японские палубные самолеты появятся над авиационными базами Кларк-Филд и Николс-Филд. Пока в столице были объявлены строгие мероприятия светомаскировки, японские бомбардировщики превратили в руины и пепел обе находящиеся к северу и к югу от Манилы авиационные базы. При этом подавляющее большинство самолетов Бреретона были уничтожены, еще до того, как они смогли взлететь для первого боевого применения.

Эндрю Конвей ехал на своем «Харли-Дэвидсоне» по Маниле, которая казалась ему странно растерянной и испуганной. Только когда он приехал к Франсиско Рамосу, он узнал, что произошло. Он положил товарищу на стол наброски карт.

- Я обнаружил на горе Араят место, которое лучше всего подходит для постоянной базы, – объяснил он.

Рамос засунул набросок в карман. Он договорился встретиться с Марией в кафе и взял с собой Конвея. У них троих было совсем мало времени, так как центральный комитет еще на тот же вечер созвал заседание. Рамос должен был принять в нем участие с несколькими другими товарищами, которые тоже не были членами центрального комитета, так как они получили особые задания. Итак, они только быстро выпили по чашке кофе, затем Рамос отправился в путь. Мария еще довольно долго оставалась с Конвеем в ресторане. Американец расспрашивал ее о том, что она знала о международном положении. –

Все же случилось именно так, как это прогнозировала партия, – заметил Конвей, наконец. – Что вы будете делать?

- Я буду полезной. Где-нибудь. Я думаю, что каждый человек будет нужен.

Он кивнул и подумал о Фелиситас. Знала ли она уже о новости? У них было радио на гасиенде. Его жена беспокоилась бы, так как он не был с ней.

- Я поеду домой, – решил он. И тут погасли лампочки, которые целый день горели в нишах кафе. В то же самое мгновение можно было услышать грохот взрывов, с южного направления, оттуда, где находился Николс-Филд.

- Война, – произнес Конвей задумчиво, засовывая деньги в руку испуганной официантке. Снаружи мчались американские военные машины, грузовики с сидевшими в них солдатами. Немногочисленные посетители быстро уходили. Над Николс-Филд стоял черный дым. Снизу он подсвечивался красным пламенем. Авиабаза горела.

- Я надеюсь, мы еще увидимся когда-нибудь и где-нибудь, – попрощался Конвей.

Мария рассеянно кивнула. Много месяцев мысль о предстоящей войне волновала ее, но теперь, когда война стала реальностью, она все же была растеряна. Она смотрела, как Конвей сел на свой мотоцикл и уехал. Затем она решила пойти в квартиру Франсиско и ждать его там.

Шок, который вызвало японское нападение на Гавайи среди филиппинского населения, привел к тому, что многие люди требовали принять меры для защиты Филиппин. Рабочее движение, которое правители так часто поносили как «защитников иностранных интересов» первым дало сигнал к действию. Еще вечером 8 декабря 1941 года – по ту сторону международной линии смены даты, на Гавайях было воскресенье, 7 декабря – коммунистический мэр Араята подал пример, о котором горожане Манилы смогли прочесть в газетах. Касто Алехандрино предложил американской армии и филиппинским войскам помощь в строительстве укреплений между Консепсьон и Кандабой. На протяжении одних суток 5000 рабочих, сельскохозяйственных рабочих и крестьян были уже готовы к работе.

Спустя один день центральный комитет опубликовал манифест в газете коммунистической партии. Это было серьезное предложение правящим кругам, и оно было напечатано также в других газетах. Даже в «Манила Таймс» опубликовали отрывки из него. Нельзя было замолчать то, что предлагала коммунистическая партия ввиду непосредственной угрозы со стороны Японии:

1. Национальное единодушие для создания единого антияпонского фронта

2. Все граждане из всех слоев населения должны организовываться, если нужно, то конспиративно, чтобы помогать филиппинской администрации, а также американцам в сопротивлении против Японии.
3. Все граждане должны поддерживать оборонительные усилия, если необходимо, они должны предоставить себя в распоряжение как бойцы.
4. Все патриотические богачи должны отдать свое богатство, все интеллектуалы должны предоставить свои знания для общего дела обороны.
5. Предательские элементы должны знать, что за измену нации им придется поплатиться жизнью.
6. Всех патриотических филиппинцев и все антифашистские организации, особенно крестьянские объединения, профсоюзы, социалистов и коммунистов призывают объединяться в подразделения добровольцев и обучаться партизанской войне. Они должны подождать окончательных указаний, прежде чем они начнут борьбу.
7. Все такие группы сопротивления должны для достижения целей своей борьбы искать возможности создавать свободные филиппинские органы самоуправления, особенно в освобожденных областях.
8. Группы сопротивления должны сами научиться снабжать себя за счет врага вещами, которые нужны им для ведения борьбы. Это стремление должно быть частью их борьбы.
9. Народ должен вооружаться, чтобы бороться в тылу вторгнувшегося врага.
10. Народные организации должны продолжать свою деятельность в хорошо защищенных конспиративных формах.
11. Коммунистическая партия Филиппин торжественно обещает лояльность по отношению к делу демократии и самым резким образом осуждает фашизм и милитаризм.
12. Коммунистическая партия Филиппин торжественно обещает лояльность по отношению к правительствам Филиппин и США.

Этот подписанный Крисанто Эванхелистой и Педро Абадом Сантосом манифест сразу же был отправлен президенту Кесону, а также американскому верховному комиссару Сэйру. Для кадровых работников коммунистической партии из провинций, для крестьянских руководителей и профсоюзных работников этот манифест стал руководством к действию. Педро Абад Сантос попросил передать этот документ вместе со своим личным письмом, в котором он еще раз убедительно указал на опасность для Филиппин, также генералу Макартуру.

Генерал подтвердил получение письма – в отличие от Сэйра и Кесона, которые никак не отреагировали – и ответил Сантосу, что он оценивает предложения коммунистов положительно. Однако решения он не принял.

Нигде не раздавали оружие готовому к борьбе населению, нигде правительство или американские штабы не включали филиппинское население в свою оборонительную концепцию. Американцы и крупная филиппинская буржуазия боялись риска вооружения населения колонии, хотя только таким путем можно было решительно остановить японскую агрессию. Они думали, что сначала можно будет как-то договориться с японцами, а позже снова отвоевать острова с помощью американских войск. Последствием этого было то, что многие буржуазные интеллектуалы, желавшие защищать отечество, после этого вступили в союз с коммунистами.

Еще прежде чем японцы атаковали Филиппины, в некоторых манильских газетах было опубликовано высказывание Агапито дель Росарио, известного коммуниста. «Спустя много времени после успешного вторжения японцев и после того, как филиппинские предатели ударят ножом в спину США, рабочий класс честно и самоотверженно встанет в этой борьбе на сторону Соединенных Штатов Америки».

Марии Флорес удалось опубликовать этот прогноз также в «Манила Таймс». Она добавила к нему комментарий, что слова дель Росарио – это не предсказание вроде «голоса черного Христа», но они с такой же вероятностью станут реальностью. Никто еще не предвидел, что дель Росарио сам докажет это своей жизнью.

Через два дня после нападения японцев на Пёрл-Харбор, 10 декабря 1941 года, они атаковали Филиппины. Десантные катера, битком набитые японскими солдатами в форме защитного цвета, отчалили от войсковых транспортов, которые стояли перед побережьем Северного Лусона. Крейсера и эсминцы до этого на протяжении часа обстреливали пляж. Но здесь не было укреплений, даже организованной обороны. Местность вокруг Апарри, которую японцы выбрали для первой высадки, была почти что незащищенной. Хотя из тыловой области и было выдвинуто в направлении места десанта несколько наспех собранных филиппинских подразделений, но они не успели дойти туда вовремя и больше не смогли остановить японцев. Высадка проходила почти как на параде. Выстрелы звучали редко. Противника не было. Все же японцы двигались медленно и осторожно. Они использовали велосипеды, так как их моторизированные подразделения еще не были выгружены. Таким образом, их авангардные подразделения медленно, как бы ощупью продвигались вперед. Штыки блестели на длинных винтовках.

Фото 11. Большие потери японцы понесли в боях на полуострове Батаан. Здесь им противостояли – в рядах американской армии – филиппинские солдаты, которые ожесточенно защищали каждую пядь земли, хотя потеря островов уже была заранее запланирована американским командованием.

Когда агрессоры наткнулись на первую деревню, они окружили ее и долго наблюдали за ней. Офицер, который напряженно смотрел в бинокль, ожидал сюрпризов. Но он мог обнаружить только несколько испуганно глядевших крестьян. Кудахтали куры. Нигде нельзя было видеть оружие. Через полчаса осторожного ожидания офицер дал рукой знак к нападению и прорычал: «Тэнно Хайка Банзай!»

Больше сотни солдат с криками и выстрелами бросились к хижинам. Люди падали на землю. Тут и там их кололи штыками. Два молодых парня, которые удивленно смотрели на незваных гостей, так как они не понимали, из-за чего те с криками ворвались в мирную деревню, были застрелены. Затем офицер снова поднял руку и отдал приказ к сбору.

Японские солдаты выстроились. Переводчик кричал на ломаном тагальском языке: – Всем жителям деревни собраться здесь!

Его приказу последовали. Даже раненые подошли. Рядом с двумя мертвыми молодыми мужчинами остановились несколько человек, их родственники. Офицер вытащил револьвер и несколько раз яростно выстрелил в их сторону. Он не попал, но когда он теперь энергично замахал, родственники отошли от обоих мертвецов и с плачем присоединились к остальным.

- Жители Филиппин! – читал офицер с листа бумаги, который он вытащил из кармана. – Час освобождения пробил. По мудрой воле тэнно привычные к победам японские войска начали отвоевывать обратно Азию для азиатов. Вместе с тем для вас заканчиваются больше сорока лет рабства под американцами. Новая эра начинается, Азия превращается в сферу совместного процветания под защитой армии тэнно.

Каждый призван поддерживать японские войска. Каждый должен беспрекословно выполнять указания императорской армии. Каждый должен работать в интересах совместного процветания. Кто не делает этого, или кто проявит непокорство, того обязательно постигнет суровое наказание. Так же, как тех из вашей деревни, которые сопротивлялись освобождению.

Унтер-офицер и два солдата останутся в вашей деревне как высшая власть. Они будут заботиться о том, чтобы жизнь проходила в духе нового порядка. Их распоряжения нужно безоговорочно выполнять. При каждой встрече с ними вы должны оказывать им уважение в виде поклона. Теперь вы можете уходить в ваши хижины!

Он на мгновение прикоснулся ладонью к каске. Его выступление закончилось. Одна женщина, мать одного из мертвых парней, громко всхлипнула. Офицер бросил на нее неодобрительный взгляд, затем отдал приказ разойтись.

Унтер-офицер потребовал освободить хижины для себя и обоих остающихся с ним солдат. Затем он приказал похоронить мертвецов. Вскоре после этого он потребовал еду и пиво. Еду ему принесли, а пива в деревне не было. Тогда он снова созвал сельских жителей. Один из обоих солдат, который служил как переводчик, объявил после краткого обращения унтер-офицера: – Начальник говорит, нужно принести пиво. Завтра вечером пиво, иначе один человек будет расстрелян. Каждый вечер. Пока здесь не будет пива. Всё!

Вторая высадка произошла в районе города Виган, на северном берегу Лусона. Также здесь не существовало американских или филиппинских войск, которые могли бы оказать сопротивление. Японские транспорты спустили свои десантные катера, солдаты, стреляя, тяжело ступали по песку на побережье, обыскивали ближайшие кустарники, затем выстраивались в колонны и двигались маршем на юг.

Вопреки своей прекрасной разведке главные штабы японцев были снова и снова поражены тем, как слабо американцы защищали свою богатую колонию.

10 декабря десятки японских бомбардировщиков совершили с моря налет на Кавите, американскую военно-морскую базу на южном берегу бухты Манилы. Две батареи зенитных пушек, которые были размещены на бетонированных позициях, начали стрелять. Их система управления огнем была настолько

плоха, что они не попали ни в один самолет. Тут и там трещал станковый пулемет.

Японцам, кажется, почти не мешали белые маленькие облака взрывающихся снарядов. Они держали курс на корабли Азиатского флота адмирала Томаса Чарльза Харта, которые стояли на якоре в бухте. Другие самолеты в то же время бомбили доки и объекты снабжения. Никто из пилотов ранее не видел Кавите, и все же бомбы точно попадали в цели.

Примерно в пятидесяти метрах от въезда на военно-морскую базу японский повар Мурата убирал свой ларек. Он прожил уже много лет в Маниле, и служащие базы охотно ели его вкусно приготовленные супы с лапшой. Теперь неприметный повар закрывал свое заведение. Он сидел за циновкой, которой были укрыты его припасы, перед ним был маленький, переносной радиомаяк, на клавишу которого он нажимал в оговоренном ритме. Никто из американцев никогда не заподозрил бы в этом японце тщательно обученного офицера запаса императорской армии.

Мурата убедился, что первая волна бомбардировщиков возвращалась. Он вылез из своего убежища и посмотрел на бухту. Попадания в два эсминца, которые находились в доке. Сам док был сильно поврежден. В гавани дымили две подбитые подводные лодки. Также несколько небольших кораблей, кажется, были подбиты, минные заградители и тральщики. Все же, разрушения на суше были значительнее. Склад горючего горел. Мурата испуганно упал на землю, когда внезапно большой склад боеприпасов с громким треском взлетел на воздух. Одновременно распространился густой, черный чад. Мурата быстро снова проскользнул за свою циновку. Пора было опять привести в действие радиомаяк, приближалась следующая волна бомбардировщиков, и дым мешал бы пилотам точно находить свои цели.

Вопреки массивному неожиданному удару японцев потери американцев в кораблях в Кавите оставались умеренными. Азиатский флот и без того обладал только тремя крейсерами: «Хьюстон», «Марблхэд» и «Бойз», 12 эсминцами и 29 подводными лодками, к ним добавлялись несколько минных заградителей и тральщиков, плавбаза подводных лодок, меньшие вспомогательные суда и шесть торпедных катеров. Но крейсера находились в настоящее время в открытом море, сопровождаемые всеми исправными эсминцами. Они пока были в безопасности!

Фото 12. Томас Чарльз Харт

Все же адмирал Харт был сильно обеспокоен.

Штаб командующего флотом находился на побережье бухты Манилы. Харт яростно барабанил кулаками по подоконнику. Из окна он мог следить за нападением японцев как из театральной ложи. Своему адъютанту, который согнулся рядом с ним, он проворчал: – Вы только посмотрите, как летают эти парни! Как будто бы кто-то за ниточку приводит их к цели!

Он с растерянным удивлением смотрел, как бомбардировщики второй волны высоко над распространяющимся слоем густого дыма подлетали к складам материалов и складам запасных частей. Стрелки-бомбардиры как будто бы с помощью какого-то волшебного инструмента могли видеть сквозь плотный дым, и с точностью до метра сбрасывали свои бомбы.

- Авиация! – нетерпеливо закричал Харт телефонисту, который работал на командном пункте. – Где авиация? Эти мерзавцы разгромят нам тут все.

Телефонист сообщил ему: – Кларк-Филд тоже атакован, сэр. Взлет самолетов невозможен. И Николс-Филд уже разрушен.

Харт не реагировал. Он пристально смотрел на бухту. Там пытались спастись небольшие корабли, выходя в открытое море. Подводная лодка, покидавшая якорную стоянку в надводном положении, столкнулась с минным заградителем. Какое счастье, что, по крайней мере, крейсера не были здесь. Все же Харт в эти мгновения понял, что не только военно-воздушные силы на островах были разбиты – также флоту здесь нечего больше было делать. Он потерял свою тыловую базу. Он мог совершить лишь одну отчаянную атаку. Стрелять,

а потом с пустыми снарядами погребями и топливными баками ждать последнего выстрела японцев.

- Жаль было бы потерять корабли только ради этого, – пробормотал адмирал Харт. Он сказал адъютанту: – Дальше оставаться здесь бессмысленно. Обеспечьте машину, я должен поговорить с генералом Макартуром. Как только японцы сделают перерыв, я поеду.

- Мы уходим, сэр? – удрученно спросил адъютант.

- Мы здесь больше ничего не сможем сделать, – объяснил Харт. – Готовьте эвакуацию. Генерал согласится.

Макартур сразу принял план Харта. Оставшиеся корабли были перемещены в южную часть Тихого океана, где они должны были ожидать дальнейших приказов.

Через два дня после десантов близ Апарри и Вигана японцы высадили следующие войска. Они снова выбрали для этого относительно необитаемую местность, побережье возле Легаспи, в юго-восточной части Лусона. Как и раньше, они также здесь едва ли столкнулись с сопротивлением и продвигались в северо-западном направлении. Теперь три такие походные колонны с разных сторон уже приближались к пока еще сильно удаленной Маниле.

Между тем в столице жизнь резко изменилась. Население должно было все чаще спасаться от воздушных налетов. Так как подготовленных бомбоубежищ не было, люди просто бежали под открытое небо, если падали первые бомбы. Среди гражданского населения были сильные потери, и там, где разрывались бомбы, преимущественно очень слабо построенные дома обрушивались целыми рядами.

Гавань была целью японцев с первого дня. Здесь лежали несколько горящих грузовых судов. Пирсы были опустошены. В городе еще с трудом поддерживалось электроснабжение. По вечерам, тем не менее, ток отключали, чтобы японцы при ночных налетах не могли найти свои цели. Но они все же находили их, так как в Маниле было больше двух десятков таких людей, как безвредный продавец лапши из Кавите. Их пеленгаторные установки надежно наводили бомбардировщики на город.

На протяжении недели были только эти воздушные налеты и постепенно приближающиеся десантные войска японцев на Лусоне. Японцы явно еще не решались двинуть свои войска в центр острова. Вместо этого они неожиданно высадили десант на самом южном острове архипелага, Минданао. Они высадились на берег возле Давао, закрепились там, создали базу на суше, потом постепенно расширяли этот плацдарм, и заняли войсками с этой базы также маленький остров Холо, недалеко от побережья Борнео.

Вообще уже в первые дни проявилась кажущаяся отрепетированной схема. Японцы действовали силами авиации и флота, которые наносили первый удар по соответствующей береговой полосе, на которой затем, после тщательной огневой подготовки корабельной артиллерией и самолетами палубной авиации, происходила высадка войск. Флот войсковых транспортов, которые перевозили войска, состоял из собранной массы самых разных малых и средних кораблей. Осадка у них в большинстве случаев была малой, что практически исключало возможность атак подводных лодок противника. Каботажные пароходы всякого рода, баржи и даже рыбацьи баркасы перевозили солдат по морю. Если береговая артиллерия противника накрывала своим огнем эти суда, то потери были незначительными. Как только японцы высаживались, они первым делом устраивали полевой аэродром. И как только они собирали достаточное количество сил, они наступали в предписанном направлении.

Американцы были поражены тем, что японцы высадились в относительно далеко удаленных от Манилы местах. Никто не рассчитывал на это. Американцы ожидали, что противник появится в непосредственной близости столицы. Но японцы не торопились заняться Манилой и большими военными базами в ее окрестности.

В середине декабря они впервые попытались обосновываться на побережье залива Лингаен. Сильный флот маленьких десантных судов появился там, после того, как корабельная артиллерия обстреляла побережье. Но японцы не могли знать, что в непосредственной близости от места десанта случайно было собрано несколько батарей средней артиллерии. Их огонь потопил свыше ста пятидесяти маленьких десантных катеров, еще прежде чем те достигли мелководья. Японцы сразу прекратили высадку. Они подождали одну неделю, прежде чем снова попробовали высадиться в заливе Лингаен. На этот раз они были лучше подготовлены.

На рассвете 22 декабря 1941 года побережье поблизости от Агоо попало под опустошительный огонь тяжелой корабельной артиллерии.

Стаи летящих на малой высоте бомбардировщиков сбрасывали свой груз. На этот раз японцы выбрали слабо укрепленную американцами местность. Пока корабельная артиллерия подавляла защитников, восемьдесят средних и малых войсковых транспортов подошли на небольшое расстояние от побережья, и тогда тысячи японских солдат спустились в десантные катера.

Защитники отступили. У них больше не было самолетов, и их артиллерия была слабой. Поэтому они оставили вторгнувшимся японцам пляж у Агоо в надежде на то, что быстро выдвинутые резервы снова смогут отбросить высадившиеся на берег войска. Но на этот раз японцы все рассчитали лучше. Пока американские резервы собирались у Сан-Карлоса, в нескольких километрах вглубь

страны, авангард высадившейся 10 декабря у Вигана походной колонны ударил в правый фланг этой позиции. Вместе с тем исход боя был решен. Остатки американских войск еще смогли оторваться от противника и форсированным маршем избежать окружения, но о том, чтобы остановить японцев, уже нельзя было и думать. Через несколько дней много тысяч японцев высадились в заливе Лингаен и приступили к маршу на юг, в направлении Манилы.

Одновременно японцы направили сорок войсковых транспортов в залив Ламон, к югу от Манилы, на перешеек Атимонан. После сильного обстрела японцы также здесь высадили на берег тысячи солдат. Сначала они заняли перешеек и таким образом отрезали самую южную часть Лусона от оставшейся территории острова.

Атимонан и Маубан, два маленьких, но стратегически важных города, были взяты 23 и 24 декабря. Отныне японские войска вторжения двинулись с этого плацдарма на северо-запад, где на незначительном удалении лежала Манила. Они угрожали столице как бы двумя мощными концами клещей. Высадившиеся 10 декабря у Апарри японцы, которые за время своего длительного продвижения едва ли сталкивались с серьезным сопротивлением, тоже смогли в эти дни соединиться с высадившимися в заливе Лингаен войсками на выходе из долины Кагаян. Таким образом, пять полных японских пехотных дивизий были сконцентрированы только здесь, к северу от Манилы, а также одна танковая бригада и ряд других частей.

Генерал Масахару Хомма, главнокомандующий японскими войсками вторжения, коренастый, похожий на быка мужчина с бритой головой, склонился над картой, которую подготовил его начальник штаба. Его «командный пункт» находился всего в пятидесяти километрах к северу от Манилы. Это был даже не блиндаж, а просто складной стол, поставленный под густой листвой деревьев на краю дороги, по которой двигались войска.

Фото 13. Масахару Хомма

Хомма, который – как уже во время китайской кампании – всегда находился в непосредственной близости от своих войск, водил указательным пальцем по карте, пока он не накрыл кончиком пальца Манилу. Один день марша, если не произойдет что-то непредвиденное. Но с этим вряд ли стоило считаться. Авиации противника больше не существовало. Азиатский флот адмирала Харта и несколько меньших кораблей едва ли смогли бы всерьез вмешаться в происходящее, а сухопутные войска американцев уже отступили из Манилы.

По дороге продвигалась японская армия. Взгляд Хоммы блуждал вдоль колонн. Я подбодрю их сегодня вечером к самым большим усилиям, подумал он. Противник колеблется, один решающий удар гарантирует окончательную победу. Перед ними лежала слегка гористая, заросшая густым лесом земля, которая перед столицей переходила в поля. Никаких существенных природных преград!

Начальник штаба протянул генералу донесение, которое только что поступило. Американцы выдвинулись в направлении Батаана, даже зенитные пушки, которые были размещены вокруг Манилы, уже перемещаются в этом направлении. Макартур якобы уже прибыл на Батаан, в сопровождении верховного комиссара Сэйра.

- Что с Кесоном? – спросил нетерпеливо Хомма. – Почему он медлит?

Начальник штаба не мог ответить на этот вопрос; других донесений не было. Хомма приказал немедленно установить связь с Манилой и узнать, что происходит с Кесоном.

Затем Хомма снова обратился к карте. Батаан, это стало бы крепким орешком. На этом полуострове имелись, как сообщала авиаразведка, хорошо подготовленные укрепленные позиции, затем остатки американских войск, их последняя артиллерия. Батаан и Коррехидор, старая крепость испанцев – там они спрятались. Хомма предвидел, что борьба за этот последний укрепленный кусок Лусона будет связана с большими потерями. Но пока до этого дойдет, все остальное будет уже сделано, Манила взята. Батаан потребует терпения. И тяжелых орудий!

Пришел радист, он держал сообщение, которое он только что получил по радио от японского агента из столицы. Президент Кесон также покинул Манилу в направлении Батаана. До этого он назначил Хорхе Варгаса, который недавно заменил Лауреля на посту министра обороны, мэром Манилы и передал ему все полномочия для проведения переговоров с приближающимися японцами.

Хомма потирал руки. – Это решение!

Он спешно приказал передать авангарду армии приказ обратить внимание на делегацию одетых по-городскому филиппинцев, которые придут как посредники. Ни при каких обстоятельствах не стрелять! Обращаться с ними любезно и сразу направить их в штаб!

Во второй половине дня из того направления, куда маршировали колонны Хоммы, приблизился конвой из нескольких черных лимузинов. Их эскортировали японские мотоциклисты.

Хомма расправил свою форменную гимнастерку. К этому времени стол для карт был покрыт белой скатертью, на которой стояли несколько бутылок саке и чашечки для питья. И так, там был тот самый Варгас, о котором было известно, что он уже давно был готов заключить союз с Японией! Он вышел, кажущийся одетым с иголки мужчина среднего возраста. Другие присоединились к нему, и тогда делегация размеренным шагом приблизилась к Хомме, который, улыбаясь, приложил ладонь к козырьку своей фуражки.

Варгас представил генералу полдюжины своих провожатых, которых он назвал «членами моего временного правительства», а также пожилого седого мужчину, дону Рикардо Торрену, о котором он сказал, что он представитель парламента. Он не забыл добавить, что он был одним из самых богатых людей на Филиппинах.

- Господа, – начал Хомма беседу, – я отвечаю на ваше приветствие от имени тэнно. Какое послание вы принесли мне?

Варгас зачитал заявление: президент Кесон в его отсутствие назначил его мэром столицы и одновременно главой правительства. У него были полномочия сообщить императорской армии, что Манила не будет обороняться.

- Открытый город?

- Именно так, ваше превосходительство, – подтвердил Варгас. Затем он добавил дословный текст поручения, которое дал ему Кесон: «Господин Варгас остается в занятой императорскими войсками области и должен достичь с японскими властями соглашения, которое послужит интересам филиппинского народа».

Фото 14. Руины Коррехидора, старой испанской крепости, которую американцы защищали как последний бастион на Филиппинах. На заднем плане холм Малита с входом в последний командный пункт, из которого генерал Макартур тайком покинул островную крепость и был ночью вывезен на подводной лодке.

Хомма удовлетворено кивнул. – Я приветствую вашу инициативу. Японская императорская армия принимает ваше предложение. В будущем мы будем тесно сотрудничать. Первым делом мы поручаем вам поддерживать спокойствие и порядок в Маниле. Все оружие нужно сдать в местах сбора. Никакого сопротивления. Если вы поступите согласно этим указаниям, наша военная авиация прекратит бомбардировку Манилы сегодня вечером. Завтра мы войдем в город. Вы согласны?

Варгас поторопился согласиться. Хомма указал на стол. Он ждал, пока у всех не было по чашке саке в руке, тогда он пригласил выпить. – За здоровье Его Величества императора. Банзай!

Это было 1 января 1942 года. Днем позже японская армия вошла в Манилу. Над городом еще лежало плотное облако едкого дыма. Агрессоры в тот же самый день заняли также Николс-Филд и военно-морскую базу Кавите. Хомма сделал паузу на одну неделю; ему было нужно время, чтобы перегруппировать свои войска для наступления на Батаан.

Фото 15. Японские танки входят в Манилу.

Сначала ему удалось взять город Олонгапо, который находился на сухопутном пути к полуострову. Это обеспечило ему базу для развертывания к фронтальному наступлению. За это время японские корабли овладели бухтой Субик-Бей.

Вместе с тем Батаан и лежащий перед его южной оконечностью скалистый остров Коррехидор с его старой испанской крепостью были предоставлены самим себе. Макартур с его 50 000 американскими и филиппинскими солдатами воспользовался преимуществами непроходимого в некоторых местах леса и с трудом преодолеваемых скалистых барьеров местности, чтобы заставить агрессоров продвигаться очень медленно. Это было все, чего он еще мог достичь. Японцы использовали 240-мм орудия, в то время как защитники обладали лишь немногочисленной легкой артиллерией. Кроме того, запасы боеприпасов сокращались. Теперь самым печальным образом сказалось то, что американцы, по сути, не позаботились заранее о запланированной обороне. Голод и болезни сильно уменьшали количество защитников, особенно американцев, которые не были привычны к таким трудностям. Вскоре сопротивление оказывали почти исключительно филиппинские солдаты; из каждых ста защитников было только лишь двадцать американцев.

Японцы не торопились. Они хоть и атаковали непрерывно, и продвигали свои позиции на полуострове вперед, но основную работу они предоставили своей тяжелой артиллерии и бомбардировщикам, которые сбрасывали множество зажигательных магниевых бомб, чтобы выкуривать защитников. С моря японские корабли выпускали крупнокалиберные снаряды по позициям защитников. Вскоре можно было увидеть, что, хотя борьба и могла бы продолжаться еще довольно долгое время, тем не менее, шанса у защитников больше не было.

Мария Флорес со дня первой японской высадки до взятия Манилы написала три большие статьи для своей газеты. Первую она написала 10 декабря 1941. Она напомнила там о предложении коммунистов оборонять Филиппины, и задала вопрос, почему ни президент Кесон, ни верховный комиссар Сэйр не отреагировали положительно на это предложение. Большинство людей, с которыми она говорила об этом, считали, что коммунисты своим меморандумом указали единственный правильный путь для защиты Филиппин.

Статью отвергли. По телефону главный редактор сообщил Марии, что он не считает своевременным в трудной ситуации, которая возникла из-за вторжения японцев, подрывать доверие, в котором теперь так нуждались президент Кесон и верховный комиссар Сэйр.

Вторая статья касалась решения объявить Манилу «открытым городом». Мария протестовала против этого распоряжения. «У Манилы есть такая же сила бороться, как у Лондона и Москвы», писала она. Главный редактор распорядился «временно отложить» публикацию статьи.

1 января 1942 года Мария Флорес узнала, что Варгас поехал к японцам. Она охарактеризовала его поведение как коллаборационизм. Эта статья оказалась у шефа в корзине для бумаг, как и дополнительное сообщение, которое Мария получила от своего информатора. Согласно этой информации Варгасу передали письмо Кесона, в котором уже находящийся в Коррехидоре президент просил своего близкого друга, чтобы тот во время его отсутствия заботился о его конюшне, где содержалось несколько ценных лошадей.

Когда главный редактор в ответ на протест Марии только с сожалением покачал головой и попросил ее, чтобы она в этой трудной ситуации не клеветала на таких людей, которые делали все, что они могли, Мария незамедлительно заявила, что увольняется. Это было за день до того, как японцы беспрепятственно вступили в столицу. Мария Флорес отправилась к Франсиско Рамосу, и он посоветовал ей пока затаиться. Он хоть и едва ли будет на следующей неделе в Маниле, но посетит ее сразу, как только обстоятельства позволят. А потом посмотрим, что делать дальше.

Мария последовала его совету. Она переехала к подруге. От нее она узнала, что интеллектуалы и художники в Маниле тайком договорились о создании нелегальной организации, целью которой была борьба против японских оккупантов. Мария присоединилась к этой сначала слабо связанной группировке, которая назвала себя «Свободные Филиппины».

Уже через несколько дней после вступления в город солдаты Хоммы начали целенаправленную охоту на коммунистов и членов профсоюзов. По отношению к имущим классам у них был строгий приказ воздерживаться от каких-либо превышений власти, и поэтому богачи продолжали спокойно жить на

своих виллах. Они даже получили разрешение пользоваться своими автомобилями.

В Маниле возник дефицит пищевых продуктов. Большинство населения должно было довольствоваться продуктами плохого качества, и даже они только редко распределялись. Из Коррехидора можно было иногда услышать голос Карлоса Ромуло, который с помощью еще исправной радиостанции по приказу Макартура, личным советником которого он был, теперь призывал население окончательно капитулировать. Ромуло внушал слушателям: «Нужно поневоле подчиниться японцам. Не оказывайте сопротивление, это не имеет смысла!»

Японские политики сразу же начали договариваться о союзе с местными землевладельцами и буржуазией. Они спекулировали на жадности этих людей и ожидали, что они не упустят своих коммерческих интересов, тем более что они сами при этом будут находиться под защитой оккупационных властей.

Как уже скоро стало ясно, японцы не обманулись. К бессовестному духу наживы крупных землевладельцев и перекупщиков добавилось еще и то трезвое соображение, что они при гегемонии японцев смогли бы, так сказать, занять те командные высоты в экономике и в торговле, которые до сих пор были в руках американцев. Однако это была, так сказать, инвестиция в будущее. Если японцы останутся, то бизнес и так продолжался бы, а если американцы вернутся, тогда можно будет оправдываться ссылкой на то, что высшие американские власти самым настойчивым образом сами рекомендовали жителям, чтобы те не противились распоряжениям японцев. Поэтому вскоре после вступления японцев богатые фабриканты, гасиендеро, торговцы, спекулянты и политические карьеристы, особенно из партии националистов, толпились в приемной генерала Хоммы и предлагали свои услуги.

Некоторые, особенно усердные, коллаборационисты объединились и написали декларацию Хомме. Подписавшиеся заявляли о своей готовности просвещать население об освободительной роли Японии, а также заботиться о том, чтобы никто не сопротивлялся приказам оккупационных властей. Под декларацией стояли имена Хорхе Варгаса и Хосе Лауреля, некогда членов «автономного правительства». Но они не были единственными. Бениньо Акино, Хосе Фабелла, Теофило Сисон и около дюжины бывших «членов правительства» тоже поставили свои подписи. К ним добавились такие миллионеры как крупный купец Мадригаль и руководители отрядов фашистских боевиков вроде Сотеро Балуйота.

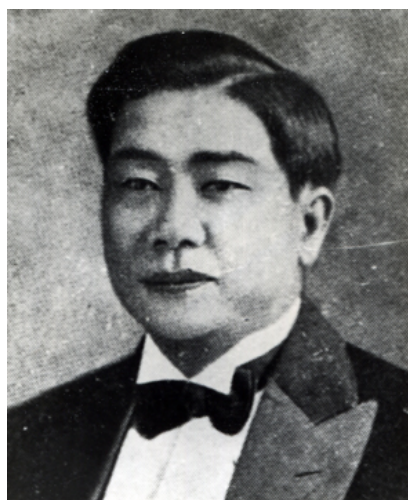

Фото 16. Доктор Хосе Фабелла

Фото 17. Бениньо (Бенигно) Акино

Фото 18. Сотеро Хулау Балуйот (Балуйут)

Фото 19. Теофило Сисон

Даже уже старый к тому времени бывший самоназначенный «президент» Филиппин Эмилио Агинальдо поторопился подписаться. Он продолжил идти прежним путем измены нации, который он начал в 1897 году с убийства Бонифасио, руководителя борьбы за независимость против испанцев, и продолжил в 1901 году со своей клятвой лояльности Соединенным Штатам. Таким образом, в конечном счете, как раз его имя под этим документом покорности дало каждому честному гражданину Филиппин ясную возможность понять, что те, кто предложил свои услуги агрессорам, были печально известными предателями.

Рикардо Торрена также был среди подписавшихся. Фелиситас узнала об этом из листовки, которую ей дал один из функционеров крестьянского союза. Листовка была напечатана в Маниле. Ни Фелиситас, ни Эндрю Конвей не знали, что ее написала Мария Флорес. Молодой редактор получила от группы «Свободные Филиппины» поручение подготовить издание нелегальной газеты. Пока это намерение не могло реализоваться, она регулярно писала листовки, чтобы информировать население о самых важных событиях.

Генерал Хомма не размышлял долго. В конце января он отдал приказ, в котором назначил всех подписантов декларации сначала членами «Консультативного государственного совета», которому подчинялся управленческий аппарат, практически представлявший исполнительную власть японской оккупационной политики. Варгас был назначен главой исполнительной власти, Лаурель там тоже играл решающую роль. Вообще японцы почти не изменили систему управления, которую они нашли на Филиппинах. Они лишь внедрили японских надсмотрщиков. Таким путем они создавали впечатление, как будто бы Филиппины в будущем должны будут управлять собой сами. Так они надеялись также привлечь на свою сторону патриотично настроенные круги крупной буржуазии.

Фото 20. Хосе Лаурель

Фото 21. Хорхе Варгас

Наряду с этим они торопились развивать некое подобие «политической жизни». После вступления японцев все партии были запрещены. Уже скоро, однако, Хомма уполномочил подходящих политиков подготовить основание «Общества служения новым Филиппинам». Председателем его еще до учредительного акта был назначен Хорхе Варгас. Филиппинское сокращение для этой оккупационной партии «Калибапи» скоро стало словом, вызывавшим отвращение у всех патриотов.

Многих наблюдателей озадачило, как быстро японцы нашли общий язык с католической церковью. Они были обязаны этим быстрым соглашением одному из самым активных сочувствующих, главе католиков Манилы, архиепископу О’Догерти.

Несколько позже пришло и письмо от Папы Пия XII, в котором тот выражал свою симпатию «справедливой борьбе Японии». Также руководимый американцами ультрареакционный орден иезуитов на Филиппинах поклялся в верности японцам. Поэтому было неудивительно, что оккупанты не трогали обширные владения иезуитов, и американские монахи – в отличие от других американцев – не только не были интернированы, но даже получили привилегии. Монастыри иезуитов, например, могли беспрепятственно покупать недвижимость и землю. Часто они делали это по поручению филиппинских компрадоров, которые хотели оставаться в тени, пока политическая ситуация снова не изменится.

Оккупационная политика по отношению к простому народу была совсем другой. Еще в январе генерал Хомма объявил, что любому филиппинцу, который нападет на японского солдата, грозит смерть в сопровождении казни еще двенадцати других гражданских лиц. Любое действие, направленное против интересов Японии, наказывалось смертной казнью. Жизнь населения контролировала японская тайная полиция Кэмпэйтэй, которая сформировала значительный аппарат слежки и контроля из филиппинских коллаборационистов, вооруженных «охранных подразделений» землевладельцев, антикоммунистических банд боевиков и из сил бывшей военизированной полиции (Constabulary).

Чтобы обеспечить как можно более тщательную слежку за населением особенно в больших городах, Кэмпэйтэй ввел успешно функционирующую в Японии систему «Тонари Гуми». В каждом жилом районе объединялись примерно дюжина семей. Председатели этих многочисленных организаций совместно проживающих жильцов получали инструкции от Кэмпэйтэй и должны были подробно доносить о подчиняющихся им семьях. Они отвечали перед японцами за то, чтобы в их кварталах господствовали «спокойствие и порядок». Эти методы контроля должны были облегчить оккупационным властям выслеживание патриотов, которые оказывали сопротивление.

Вообще оккупанты едва ли доверяли воздействию их лозунга о «сфере совместного процветания», а также безудержной расистской пропаганде, которую они распространяли, чтобы внушить филиппинцам, что они как азиаты должны были бы объединиться с Японией против «белых» американцев. Генерал Хомма снова и снова уверял, что основная цель Японии на Филиппинах якобы состоит в том, чтобы освободить жителей этой страны от господства США, но практические меры подавления говорили об обратном.

В конце января в Маниле, в бедном квартале Тондо, двое японских солдат просто забили до смерти одного старика. Он забыл поклониться обоим солдатам, которые проходили мимо него. Он был первым из многих. Через несколько дней после инцидента читатели токийских газет смогли узнать о том, что «освобожденные филиппинцы» демонстрировали определенное упрямство

при усвоении новой морали, «которая необходима для встания в сферу совместного процветания». Оккупационная политика Японии с каждой неделей становилась все более жесткой. Она была направлена против простого народа, не против богачей, с которыми удалось прийти к согласию.

Спустя короткое время на многих домах в Маниле висели плакаты, на которых генерал Хомма открыто угрожал филиппинцам: «Если вы вскоре не проявите необходимое понимание наших великодушных намерений, то наши солдаты силой приведут вас к тому, чтобы понять величие исторической миссии Японии!»

Генерал Дуглас Макартур производил усталое, нервное впечатление, когда он тем вечером в начале февраля 1942 года быстро ходил туда-сюда по своему штабному бункеру. Снаружи непрерывно доносился рокот японской артиллерии. Как всегда в течение последних дней система укрепленных позиций на Батаане пребывала под сильным обстрелом.

Макартур этим ранним утром приказал передать радиограмму, которая информировала президента, что Батаан можно будет еще удерживать лишь короткое время. Теперь он ждал ответ. Генерал вспотел, его форма была грязной. В действительности больше не было надежды изменить ситуацию. Территория, которую еще могли удерживать американцы и их филиппинские вспомогательные войска, уменьшалась с каждым днем.

Когда адъютант с ответом появился в бункере, Макартур с дрожью схватил листок. Теперь решалась его судьба.

«В трезвой оценке положения», писал Вашингтон, «президент отдает вам приказ покинуть Филиппины. Командование следует передать старшему по званию офицеру. Эвакуация будет произведена на подводной лодке».

Далее следовали указания, на какой длине волн выйдет на связь подводная лодка, как только она появится близ полуострова.

Макартур вздохнул. Он сказал адъютанту: – Вы поедете со мной. Секретные документы упакуйте в ящики и подготовьте к отгрузке! И сообщите Кесону, что он поедет с нами!

Прошло более одной недели, прежде чем подводная лодка вышла на связь. По радио ее направили к тому участку береговой полосы, который еще не находился под обстрелом японцев. Ночью Макартур отправился в путь с маленькой группой. Один день трое мужчин и сопровождающий их для охраны патруль пробыли в лесу, скрываясь на удалении примерно одного километра от побережья. Когда наступила ночь, они осторожно пробирались к пляжу.

Через пару часов адъютант заметил световой сигнал на море. Он приказал ответить. Потом еще время тянулось бесконечно, пока спущенная с подлодки надувная лодка не появилась у берега.

Макартур заставлял своего адъютанта и двух матросов в надувной лодке поспешить с погрузкой. Затем он помог Кесону сесть в лодку. Полностью промокшие, они доплыли до подлодки как раз перед рассветом. Командир подводной лодки беспокойно рассматривал через бинокль горизонт, опасаясь появления японских кораблей.

- Отплывайте! – только кратко приказал Макартур, после того, как он выслушал рапорт командира подлодки. Он спустился в рубку и помог Кесону спуститься по трапу вниз.

Командование оставшимися войсками на Батаане и Коррехидоре было теперь в руках генерал-майора Джонатана Уэйнрайта, не особо одаренного офицера. В начале апреля 1942 года, когда японцы уже зажали защитников на довольно маленькой территории на оконечности полуострова, Уэйнрайт еще отдал приказ о контратаке. Солдаты попали под сильный огонь; кроме новых потерь эта контратака ничего не дала.

Фото 22. Джонатан Уэйнрайт

На следующий день, 9 апреля, японцы атаковали, и Уэйнрайт вынужден был отступить. Он в это время командовал еще примерно 36 000 солдат, подавляющее большинство которых, однако, принадлежали к филиппинским вспомогательным войскам.

Фото 23. Генералу Уэйнрайту, посредственному командиру, выпал неблагоприятный жребий после ухода Макартура защищать Коррехидор до последнего, и после этого попасть в японский плен.

На островной крепости Коррехидор находились еще в целом 11 000 защитников. Они прятались здесь от японского огня в глубоких казематах и пробитых в скалах туннелях, и им удавалось срывать высадку противника на протяжении приблизительно еще одного следующего месяца.

Только 6 мая началось крупномасштабное наступление. Одновременно со всех сторон десантные катера приближались к острову. Воздух гудел от шума авиационных двигателей. Пока японские бомбардировщики загоняли гарнизон в убежища в скалах, десантные катера подошли к берегу. Японские солдаты бежали через разрушенные артиллерийским огнем позиции. На входы туннелей японцы направили огнеметы. После этого защитники сдались.

Филиппинские солдаты сложили свои старые винтовки «Энфилд», выпущенные еще в 1896 году и вызвавшие смех завоевателей. Молча филиппинцы начали свой марш в плен. За последние недели и месяцы среди этих солдат проявилось сильное отрезвление. Многие понимали, что США не защищали их родину до последнего по той причине, что она была для них лишь спекулятивным владением, ради которого хотя и можно было из стратегических соображений чем-то рискнуть, но не своей жизнью. Никто из пленных тогда еще не знал, что генерал Макартур уже находился в Австралии. Там он перед репортерами и кинооператорами торжественно заявил: – Я еще вернусь!

Хукбалахап

Франсиско Рамос пришел последним и с опозданием. Мария была у него, и так как он не мог взять ее с собой на совещание, он попрощался с нею у обочины. Прощание несколько затянулось. Это спасло Франсиско жизнь.

Район Эрмита на севере примыкал к территории пирсов. Здесь еще можно было почувствовать запах воды, немного также пахло фукусом, нефтью. Было довольно темно, но некоторые из уличных фонарей горели. Японцы сделали так, что электростанция снова работала. Этим вечером 25 января 1942 года она работала уже на три четверти своей прежней мощности.

Педро Абад Сантос жил здесь в одном из домов, фасад которых лежал в темноте. Абад Сантос и Крисанто Эванхелиста попросили нескольких членов центрального комитета, чтобы они сразу после наступления темноты встретились на квартире Сантоса. Кроме того, были приглашены другие кадровые работники партии. На совещании нужно было принять, среди прочего, также решение о будущем местопребывании центрального комитета. После вступления японцев ЦК оставался в Маниле. Пока еще японцы не арестовали никого из членов комитета.

Абад Сантос надеялся на то, что японцы пока еще будут заняты другими делами. Но было видно, что опасность росла. Сначала большинство членов ЦК думали, что Манила, большой и трудно поддающийся контролю город, – это самое идеальное местопребывание для нелегального руководства движения сопротивления. Здесь было тяжело разыскать определенного человека, в толкотне людей, в лабиринте переулков. Постепенно, однако, победило понимание того, что обеспечение безопасности руководящих кадров потребовало бы в столице масштабных защитных мероприятий. Но партия должна была сконцентрировать свои силы на борьбе. Поэтому нужно было принять решение о том, следует ли удалиться в одно из убежищ, которые находились дальше в глубинах суши.

В то время как Франсиско в темноте обнимал Марию, он увидел подъезжающую машину. Японский автомобиль, с затемненными фарами. Это не было необычной картиной; всюду по городу разъезжали японские военные грузовики. Но здесь у грузовика не было тента, он был изготовлен как штабная машина, на грузовой площадке была установлена деревянная надстройка. Рамос уже хотел снова повернуться к Марии, когда он заметил, что машина снизила скорость и, наконец, остановилась перед домом Сантоса. Он потянул Марию еще дальше под выступающие ветки кустарника, так что их обоих больше не было видно. Затем он увидел, как солдаты выпрыгивают из похожего на ящик кузова машины, видел, как они спешат в дом, и слышал гул голосов. Он испугался и притянул Марию к себе.

- Тихо!

Мария прижалась к нему. Уже два часа она пыталась упросить его взять ее с собой в сельскую местность. Она не хотела оставаться в городе. В Маниле ходили слухи, что в провинции собирались борцы с японцами. – Я хочу быть с ними, – настаивала она.

Рамос колебался. Он с упреком говорил ей, что жизнь в военном подразделении тяжела, не говоря уже о том, что каждый час может принести смерть. Кроме того, он полагал, что Мария была бы полезнее в Маниле. – Ты могла бы передавать нам массу ценных сообщений, – убеждал он ее. – Ты можешь здесь свободно передвигаться. Ты не член партии, тебя не ищут. И у тебя есть чутье на те вещи, которые важны.

Он знал, что она сотрудничала со «Свободными Филиппинами», и он считал, что военная организация сопротивления, которая в настоящее время возникла в провинциях, могла бы очень успешно взаимодействовать с этой группой в Маниле. – Мы дополняли бы друг друга, – заметил он. – В конце концов, все мы филиппинцы, патриоты. Это общая основа. Не было ли бы действительно лучше, чтобы ты осталась здесь?

- И мы никогда больше не увидимся? – спросила она огорченно.

Он покачал головой. – Я часто буду в городе, Мария. Я уже прошел одну войну. Меня хотят использовать для особых миссий, так как я знаю азбуку. Время от времени, естественно, мы будем видеться.

Тут подъехал японский грузовик, и теперь оба видели, как солдаты выводили из дома людей, со связанными руками: Абада Сантоса и Эванхелисту, Гильермо Кападосию, многолетнего профсоюзного лидера, Агапито дель Росарио и нескольких других, которых Рамос не знал, лица которых он тоже не мог точно рассмотреть в темноте.

Рамос несколько секунд размышлял, может ли он им как-то помочь. Но там уже ничем нельзя было помочь; он был один, без оружия, против дюжины японских военных полицейских.

Он тихо остался стоять с Марией в темноте и ждал, пока машина не отъехала. Затем он расстался с девушкой. Мария не задавала ему вопросы, когда он быстро попрощался и убежал. Он должен был предостеречь других товарищей. Кто мог знать, не планировал ли Кэмпэйти той же ночью еще следующие акции!

Смог ли Рамос этим убереечь остальных товарищей от ареста, он так никогда и не узнал. Находящиеся под угрозой подпольщики сменили свои квартиры, сам

Рамос тоже не вернулся в свою квартиру над книжной лавкой. Он провел ночь в парке Лунета и следующим утром покинул город.

Кэмпэйтэй удался решающий удар. Осведомители сообщили, что Сантос находится в своем доме и принимает там посетителей. После этого за окрестностями дома установили наблюдение, и, наконец, осуществили арест. Пленников доставили в «Манила-Отель», где находилась штаб-квартира Кэмпэйтэй.

Когда генерал Хомма получил сообщение об арестах, он приказал обращаться с арестованными тактически умно. Поэтому их вначале не били. Молодой офицер, проводивший допросы, лишь сообщил им, что от них ждут письменного заявления, в котором они призвут всех остальных руководящих работников коммунистической партии, чтобы те безотлагательно сдались японским властям. Они, мол, сразу же будут освобождены, если публично пообещают отказаться от любой направленной против Японии деятельности.

В полночь в отеле появился полковник Кодама. Генерал Хомма поручил ему лично руководить допросом. Кодама был хитрым офицером Кэмпэйтэй, с многолетней практикой такой работы в оккупированном Китае. Он начал с Агапито дель Росарио. Вероятно, он хотел сначала накопить опыт с ним, прежде чем приступить к обработке председателя партии, Эванхелисты, и его заместителя, Абада Сантоса.

Полковник отметил, что Росарио не написал ни строки. Затем он приказал выдать ему двадцать пять ударов стальным шомполом. Когда это произошло, он снова появился в гостиничном номере и обратился к окровавленному дель Росарио, лежавшему на полу: – Вы готовы подписать нужное нам заявление?

- Нет, – ответил дель Росарио. Лицо его опухло, в голове шумело от ударов. Но он старался не показывать боль.

- Вы отказываетесь?

- Я ничего не обязан подписывать для Японии, – возразил он. – Япония вторглась в нашу страну; она не имеет права требовать чего-либо от гражданина.

Кодама, довольно высокий для японца, стройный мужчина с ухоженной внешностью, качался на подошвах сапог. Вероятно, надо было бы показать пример? Он задумался. Тогда он попробовал еще раз. – Разве коммунисты хотели чего-то другого, кроме ликвидации американского господства? Американцы ушли. Филиппины под мудрым руководством Японии будут зажиточной страной. Бесплезно противиться этому. Вы сможете жить, свободно и беспрепятственно. При условии, что вы отречетесь от всей подрывной деятельности.

Росарио, который некоторое время тому назад публично прогнозировал, что произойдет на Филиппинах, ответил только: – Я ни от чего не буду отрекаться,

я буду бороться за освобождение моей страны, до тех пор, пока здесь стоит чужой солдат. Или я умру.

Кодама улыбнулся. – Вы действительно хотите умереть? А вы знаете, что мы можем сделать эту вашу смерть таким процессом, который растянется на несколько недель? Знаете ли вы, как жалко умирать, когда все кости в теле переломаны? Когда едва ли можно дышать? Вы действительно хотите этого?

Дель Росарио молчал. Ему нечего больше было сказать. Еще прежде чем Кодама покинул комнату, пленник обратил внимание на широкое окно, за которым находился балкон. Там стоял часовой; он мог видеть комнату. Но окно...

Еще до того, как дель Росарио смог принять решение, помощники Кодамы пришли снова. Он получил следующие двадцать пять ударов. После этого они потушили свет и исчезли. Часовой оставался на балконе.

Дель Росарио понял, что для него не было спасения. Коллаборационизм мог бы быть единственным выходом, но о нем не могло быть и речи. Дель Росарио долго смотрел на часового. Затем он пошевелил конечностями. Кости еще были целы. Постепенно к нему возвращались силы. Через окно дель Росарио мог видеть парк Лунета. В лунном свете он увидел стоявшую там статую Хосе Рисаля, блеклую, немую; Рисаля, которого убили испанцы.

Это случилось через час после полуночи, когда часовой вздрогнул и прикрыл лицо рукой. Пленник со всех сил оттолкнулся от противоположной стенки, прыгнул через тонкое оконное стекло, далеко за край балкона, и полетел пять этажей вниз.

Дель Росарио умер не сразу. Его, без сознания, привезли в Форт Сантьяго. Там во дворе офицер Кэмпэтай застрелил его из пистолета, после чего его там и похоронили.

Судьбы остальных арестованных сложились по-разному. Эванхелиста, который тоже стойко отказывался вести переговоры с японцами, подвергся пыткам, пока он больше не был в состоянии, пригодном для допросов. После этого Кодама лично застрелил его. Но к тому времени генерал, подумав, решил, что, возможно, с живыми пленниками можно было бы добиться большего. Поэтому он придумал для Педро Абада Сантоса и Гильермо Кападосии особенный трюк. После того, как он приказал устранить остальных пленников, он распространил слух, будто бы Кападосия и Абад Сантос договорились с японскими властями и были готовы к лояльной позиции. Затем он освободил обоих и известил, что они якобы хотят связаться с товарищами в подполье и убедить их тоже сдаться японцам.

Японцам с помощью этих слухов, а также поддельных подписей обоих удалось внести некоторую сумятицу. Но сами Абад Сантос и Кападосия остались теми,

кем они были всегда. Сантос спрятался в одной деревне; он умер в 1945 году от тяжелой болезни. Кападосии удалось присоединиться к силам сопротивления.

В то время как орудия генерала Хоммы еще обстреливали казематы Батаана и Коррехидора, Макартур ждал подводную лодку, которая должна была доставить его в безопасное место, и президент Кесон, который тоже готовился к бегству, поручил своему доверенному лицу, бывшему министру финансов Мануэлю Рохасу, в согласии с Макартуром, чтобы тот после капитуляции предоставил себя в распоряжение японцам как эксперт, в то время как это все происходило, коммунистическая партия уже сделала первый шаг в организации борьбы против агрессоров.

6 февраля 1942 года представители всех патриотических организаций по приглашению коммунистов тайно встретились в маленьком поселке Бавит в провинции Нуэва-Эсиха, чтобы обсудить совместные действия против японцев. Наряду с коммунистами профсоюзы послали своих представителей, а также крестьянские организации, китайские группы населения, студенческие союзы, организации прогрессивных интеллектуалов, а также Независимая церковь Филиппин.

Бавит находился далеко от ближайших баз японцев, и они еще не могли держать всю территорию под контролем. Чтобы, тем не менее, не рисковать, вокруг этого населенного пункта были распределены вооруженные группы крестьян, которые образовались уже сразу после японского нападения. Таким образом, делегаты могли совещаться в относительной безопасности. Они решили основать «Национальный Антияпонский единый фронт» из всех патриотических организаций под руководством коммунистической партии.

Когда делегаты снова отправились домой, по отдельности, в сопровождении и под охраной знающих местность проводников, в стороне от больших контролируемых японцами дорог, как результат встречи уже имелся документ, который вскоре нелегально распространился по всему Лусону. Он был политической программой единого фронта. Его самые существенные пункты звучали так:

1. Вооруженная борьба против японских оккупантов до их изгнания с Филиппин
2. Сотрудничество с союзниками
3. Национальная независимость; окончание американского господства
4. Образование демократического правительства, которое гарантирует социальную справедливость для всех

5. Ликвидация или наказание всех предателей и коллаборационистов, действующих заодно с японцами.

Параллельно с основанием народного фронта коммунистическая партия организовывала вооруженную народную борьбу. Народный фронт получил вместе с тем военный аппарат, который возник из уже образовавшихся стихийно или организованных партией групп сопротивления, Хукбалахап – Народную антияпонскую армию.

На 29 марта партия на разведанной Эндрю Конвеем территории горы Араят созвала встречу, на которой должны были принять участие все руководители групп сопротивления и другие кадровые работники, которые могли участвовать в вооруженной борьбе. Это должно было стать рождением вооруженной силы народного движения. Еще прежде чем она была официально образована, 8 марта, подразделения этих вооруженных сил народа впервые нанесли удар.

Фелипа Кулала долго наблюдала за господским домом, прежде чем она решила подать знак мужчинам, которые лежали за нею, спрятавшись в кустах. Она подняла руку. Пять теней последовали за ней. Была теплая, безлунная ночь, и дом землевладельца в Арройо, первого, кто здесь публично высказался за подчинение всех жителей провинции «мудрым распоряжениям японских спасителей», не был освещен. Значит, информация, которую дал один сельскохозяйственный рабочий, что его хозяин с семьей был на приеме у японского коменданта провинции в Кандабе, была правдивой.

- Мы пойдем все вместе, – решила Фелипа Кулала, которую ее соратники называли «Даянг-Даянг», заимствованное из малайского языка слово, означающее «могущественная, сильная».

Фото 24. Фелипа Кулала, рисунок художника Доса Гарсии

В Кандабе, где она жила, много людей знали ее как функционера крестьянского движения. Вряд ли была хоть одна деревня, в которой она не произносила речи и не организовывала демонстрации. Фелипа Кулала была невысокой, коренастой женщиной, кажущейся неуклюжей. Она обладала большой физической силой, и ее манера обращения не отличалась мягкостью. Вероятно, как раз из-за этих качеств мужчины подчинялись ее приказам. Несколько дней она разъезжала по Арройо и собирала вокруг себя соратников, которые были готовы выступить против японцев. Примерно три дюжины мужчин последовали за нею, сначала в убежище, в котором они ждали теперь успеха первой акции, которую их руководительница предпринимала с пятью из них. Речь шла о получении оружия. Землевладелец владел оружейным шкафом с винтовками.

- Вперед! – крикнула женщина хрипло. Она впереди других приближалась к дому. Ее зоркие глаза давно обнаружили, что на первом этаже были открыты несколько окон. Через одно из них и вошла группа. Осторожность больше не требовалась; они знали, что охранники, которых нанял землевладелец, спали на удалении нескольких сотен метров в своем жилище. Поэтому Кулала спокойно включила свет во вместительном кабинете, и там был оружейный шкаф с винтовками!

- Десять! – подсчитала женщина. – Каждый берет по две.

Пока мужчины вскрывали легкий замок остекленного шкафа и забрасывали себе на плечи ружья, Кулала искала коробки с патронами всякого рода. Она распределяла их. В письменном столе еще нашелся американский револьвер, который она взяла себе. Затем она отослала своих провожатых и велела им ждать.

Когда она по прошествии некоторого времени вылезла из окна, мужчины удивились. На Кулале был элегантный костюм для верховой езды, позаимствованный у землевладельца. Хотя широкие бриджи придавали ей несколько своеобразный вид, безусловно, такой прочный костюм был бы полезен в лесу.

- Там нет ничего съестного, – заметила она кратко. – Мы приведем подкрепление, и тогда мы посетим продуктовую лавку!

Двумя часами позже Фелипа Кулала с дюжиной мужчин ворвалась в деревенский магазин. Это произошло не без шума, и китайский владелец бежал через черный ход.

- Оставьте его, – приказала решительная женщина. – Складывайте все в мешки. Она расставляла продукты, как будто осуществляя оптовые закупки. Мысль об опасности не приходила ей в голову.

Торговцу-китайцу между тем удалось поднять по тревоге Constabulary. Он даже встретил в полицейском участке мэра, которого назначили японцы. Еще прежде чем Кулала с ее людьми смогли исчезнуть, жандармы окружили лавку.

- Выходите по одному! – скомандовал мэр. Мужчины испугались. Только Кулала сохранила хладнокровие. Она приказала отходить через черный ход. Но мужчины медлили слишком долго, мешали друг другу своими туго набитыми мешками, и когда жандармы открыли огонь, они полностью впали в панику. Только трое смогли ускользнуть вместе с Кулалой, остальные были пойманы.

Той ночью в лесном лагере был длинный и жаркий спор.

Разумеется, акция была необходима. Еды почти не осталось, и, конечно, все прошло бы иначе, если бы действовали хладнокровнее. Но теперь нельзя было бросить пленников на произвол судьбы. Поэтому Кулала еще той же ночью послала трех человек в Арройо, чтобы разведать, что можно было бы предпринять.

К утру эти трое вернулись. Пленники были вывезены еще перед их прибытием, в тюрьму в Кандабе. Можно ли было рискнуть появиться в этом городе? Японцев там не было, это было известно. А жандармы?

– Мы ошеломят их, – решила Фелипа Кулала, наконец. – Кроме того, в этой тюрьме определенно много оружия. А нам оно нужно. Итак, вперед!

Следующим вечером мужчины лежали перед маленьким городом. Все было спокойно. Но Кулала решила: – Мы сделаем это завтра при свете дня. Тогда они будут чувствовать себя настолько уверенно, что не будут рассчитывать на наше появление.

Они спали, пока солнце не разбудило их. Тогда Кулала приказала людям с винтовками обмотать свое оружие предметами одежды, другие спрятали свои боло, тяжелые ножи-тесаки, на теле. С разных направлений мужчины приближались к городу. Фелипа Кулала шла, с револьвером в кармане, по проселочной дороге в город. Она незамеченной дошла до ратуши, в которой находилась тюрьма, и ждала. Постепенно прибыли ее попутчики. К их удивлению ратуша не была под особо сильной охраной. В полдень, когда часть полицейских, а также служащие ушли на обед, Кулала с ее группой проникли в здание. Им повезло, потому что здесь кроме надзирателя и двух полицейских больше не было вооруженных людей. Фелипа Кулала приставила револьвер к виску надзирателя и грубо потребовала: – Открывай!

Испуганный мужчина открыл все камеры, в то время как люди Кулалы уже собирали оружие полиции. В конце концов, троих полицейских заперли в од-

ной из камер, и затем отряд с освобожденными соратниками приступил к отходу. Ни один выстрел не прозвучал, и так они смогли покинуть город, не привлекая внимания.

После короткого совещания они повернули к деревне Мандили, которая лежала на краю болот Кандабы, труднопроходимой местности, где, тем не менее, мужчины, которые были отсюда родом, точно знали каждую тропинку, каждое убежище. Сельские жители с удивлением внимательно слушали рассказы людей с винтовками. Несколько дней прошли спокойно. Все больше молодых мужчин из Мандили и нескольких других деревень в окрестности хотели быть приняты в отряд Кулалы. Она не отвергала никого. Несколько месяцев назад партия приняла решение создавать вооруженные группы сопротивления, значит, нужно было действовать.

Фелипа Кулала расставила дозорных на подъездных путях и решила выждать. Вероятно, появится возможность захватить оружие также для новичков. Кроме того, снабжение в деревне для теперь уже действительно большого отряда было легче. Крестьяне охотно жертвовали продукты для бойцов.

Однажды утром дозорные сообщили о приближении японских солдат и местных жандармов. Новость не удивила Фелипу Кулалу.

- Я на это рассчитывала. Все по местам!

Она сделала свои приготовления. Окрестность деревни была пронизана канавами, которые в это время года были сухими. Здесь Фелипа Кулала устроила засаду, в которую приближающиеся враги попали, ничего не подозревая. Перед самой деревней из канав внезапно выпрыгнули более ста бойцов и набросились на ошеломленного противника. Крестьяне за несколько минут убили, закололи или застрелили примерно сто солдат, после чего оставшиеся быстро побежали спасаться в Мандили, а именно, в единственное каменное здание в деревне, церковь.

Сначала партизаны собрали брошенное японцами и полицейскими оружие и забрали все ценное, что было на мертвецах, затем они подготовились к нападению на церковь. Но противник там уже вывесил белый флаг. Затем партизаны отошли сначала к околице деревни. Часами они лежали неподвижно в канавах, теперь они были голодны. Сельские жители снабжали их рисом и курятиной. Во время отдыха они не заметили, что к месту боя прибыл японский арьергард, понял ситуацию и сразу вызвал подкрепление.

Фелипа Кулала должна была принять быстрое решение. Хотя теперь почти все сто партизан были вооружены трофейным оружием, но в серьезном бою они не могли бы победить. Поэтому Фелипа приказала отступать в болота.

Солдаты удалились безрезультатно. До этого они обыскали деревни на краю болот; при этом они убили и ранили много сельских жителей. Никто, тем не менее, не выдал партизан, каждый молчал, даже если это стоило ему жизни. Солидарность населения с партизанами впервые была продемонстрирована настолько однозначно, что японцы больше не могли питать иллюзии о привлечении простого народа на сторону Токио.

Спустя меньше недели крестьянский функционер Лопе де ла Роса провел на севере округа Манилы похожую акцию, в которой принимали участие более ста партизан. Де ла Роса, который был знаком с Фелипой Кулалой, воспринял пример ее подразделения как импульс для себя. Он собрал своих бойцов, которые проживали в поселениях на юго-востоке болот Кандабы, и устроил на дороге, которая вела к столице, тщательно подготовленную засаду. Партизаны были сравнительно хорошо вооружены. Справа и слева от дороги тянулся густой подлесок, здесь они подкарауливали противника.

Они пропустили несколько патрулей; только когда приблизилась целая рота, де ла Роса дал оговоренный сигнал. Внезапно по колонне открыли огонь. Захваченные врасплох японцы не находили укрытия. Как только они приближались к обочине, их обстреливали. Итак, им пришлось защищаться посреди проезжей части, и для лежащих в засаде партизан они представляли собой удобную цель.

Через несколько минут перестрелки, когда уже примерно сто солдат были небоеспособны, де ла Роса зажег запальный шнур упаковки динамита, который был взят из каменоломни, и бросил эту самодельную гранату в гущу японцев. После этого примерно двадцать оставшихся в живых обратились в бегство. Они добрались до Манилы, когда отряд де ла Росы уже возвращался в свое убежище вблизи от Сан-Мигеля.

Сообщение об обеих победоносных акциях распространялось с быстротой молнии в баррио. Впервые простой народ показал, что он сам может уничтожать своих угнетателей. Добровольцы стекались к партизанским отрядам. Также много бывших солдат, которые принадлежали к филиппинским вспомогательным войскам и смогли спастись после боев на Батаане, присоединялись к борцам. Это были в большинстве честные молодые деревенские парни, которые понимали, что народ должен был формировать собственную армию. Они были желанны, все-таки речь шла об обученных солдатах, из которых многие приносили со своим оружием.

Радость по поводу первых побед овладела также участниками встречи на горе Араят. Эта встреча началась 29 марта, после того, как за несколько дней до этого прибыли делегаты отдельных групп. На поляне в густом лесу стоял стол, который притащили из деревни. Кругом сидели несколько сотен бойцов. Пели революционные песни, женщины жарили мясо буйвола и носили кувшины с

водой. Начался сухой, жаркий сезон. Вся область вокруг Араята охранялась патрулями. Японские войска были так далеко, что их приближение в любом случае заметили бы своевременно.

На протяжении одной недели участники встречи совещались о принципах и целях, формировании и структуре антияпонских вооруженных сил. Очень быстро они пришли к согласию об организационной структуре. Она была приспособлена к реалиям. Основной единицей был отряд, численность которого примерно соответствовала численности роты. У каждого отряда был командир, заместитель, политический инструктор и еще два человека, один из которых отвечал за разведку, а второй за снабжение, причем они оба одновременно должны были заботиться о тесной связи с населением. Два отряда образовывали батальон, два батальона – полк.

С самого начала было принято решение сделать так, чтобы относительно маленькие подразделения по возможности дислоцировались в разных местах, но чтобы при этом можно было гарантировать подвижность в случае комбинированных акций или массированных контратак.

Далее были выбраны местности как основные области операции, в которых уже был тесный контакт с населением, а также возможность беспрепятственно отходить в случае атак противника, рассеиваться и снова собираться в другом месте. С военной точки зрения главными направлениями действий были северная и западная части провинции Пампанга, вся область болот Кандабы, где соприкасались провинции Пампанга и Булакан, а также провинции Тарлак и Нуэва-Эсиха. Отсюда вооруженная борьба сопротивления постепенно должна была распространяться на другие области Лусона. Позже имеющие боевой опыт кадровые работники должны были быть отправлены на другие острова архипелага, чтобы и там организовывать борьбу.

«Хукбонг Байян Лабан са Хапон» – так называли себя только что созданные боевые части, «Народная антияпонская армия». В населении их скоро называли сокращенно «Хукбалахап» или совсем просто «Хук». Этому имени суждено было навсегда закрепиться в памяти филиппинцев.

Коммунистическая партия хотя и сильно пострадала из-за потери ее руководящих кадров, но она скоро заменила убитых товарищей другими способными и опытными функционерами. Так Висенте Лава, известный естествоиспытатель, была избран генеральным секретарем, интеллеktуал, выходец из буржуазной семьи, который, так же, как и его братья Хосе и Хесус, рано пришел к марксизму. Его честность и готовность к самопожертвованию сделали его популярным руководителем. Вообще семья Лава из-за своего активного участия в революционном движении пользовалась хорошей репутацией.

Наряду с Висенте Лавой такие надежные личности из рабочей среды как Матео дель Кастильо, Примитиво Аррроганте и Эметерио Тимбан руководили новым центральным комитетом партии. Как руководители Хукбалахап для военных акций были определены такие опытные функционеры как Мариано Бальгос, Касто Алехандрино и Хуан Фелео. К ним добавились такие испытанные функционеры крестьянского движения как Луис Тарук. Он происходил из социалистической партии и был назначен председателем военного комитета. Касто Алехандрино стал его заместителем.

Фото 25. Луис Тарук

Перед коммунистической партией стояла трудная задача создать народную армию, так сказать, из земли. Конечно, среди рабочих и крестьян были традиции борьбы, но политическое образование, общая эрудиция и военные знания были незначительны, даже среди ключевых кадровых работников. Кроме того, партия при создании вооруженных сил должна была ограничиваться почти исключительно крестьянством и сельскохозяйственными рабочими. Большие части рабочего класса не могли быть привлечены к этой борьбе, так как японцы сразу потребовали бы отчета у семей, мужчины которых покинули строго контролируемые города без веской причины. Помимо этого, им очень тяжело было бы передвигаться по баррио под видом крестьян – членов Хукбалахап, и незаметно выполнять свои ежедневные обязанности, не вызывая никаких подозрений у коллаборационистов и доносчиков, и все же в любое время быть готовыми взять оружие из убежища и поспешить к месту сбора отряда.

Это одностороннее ограничение сельским населением было решающей слабостью хуков. Впоследствии это должно было привести, среди прочего, к тому, что борьба сельского населения оказалась в определенном смысле обособленной. Только редко она была скоординирована с акциями рабочих в городах, вследствие чего многие формы борьбы, которые могли бы применяться рабочими, остались неиспользованными. Вообще рабочее движение не получило

необходимого внимания у партийного руководства, очень занятого вооруженным сопротивлением в провинциях.

В первую очередь партия сконцентрировалась на том, чтобы не только превратить Хукбалахап в мощную военную силу, но и передать бойцам основы политических знаний. Все это должно было происходить в борьбе, задание, которое не было легким, особенно если учесть, что в только что возникшие отряды стремились представители слоев, которым была абсолютно чужда вошедшая в поговорку дисциплина революционеров. Поэтому совещание на горе Араят также закончилось решением выработать директивы, по которым позже в каждом отряде должны были быть введены порядок и дисциплина.

Франсиско Рамос оставался еще несколько дней в местности, в которой было основано движение хуков. Луис Тарук, Хуан Фелео и несколько других военных кадровых работников разрабатывали директивы для народной армии.

Хесус Лава, по профессии врач, собирал вокруг себя людей, которые должны были образовать ядро медико-санитарной службы. Он был единственным медиком Хукбалахап и осознавал свою тяжелую ответственность. Другой, вероятно, капитулировал бы перед кажущимся неразрешимым заданием, но он целеустремленно приступил к работе. Он проводил курсы первой помощи, показывал, как можно было временно перевязать огнестрельные ранения, и составлял список материала, который непременно нужно было приобрести: марлевые бинты, хирургические наборы, шины, медикаменты. Большую часть всего этого нужно было захватить у противника. Но Лава включил в список также местные растения, которые можно было использовать для лечебных целей. Первые санитары были отпущены в их подразделения с заданием обучить следующих помощников и инициировать среди населения сбор вещей, которые нужны были для ухода за ранеными.

Франсиско Рамос наблюдал, как Лава экспериментировал с экстрактом из цветов пальмы. Целыми днями он сидел перед костром, над которым кипел горшок с черноватым отваром, из которого он, наконец, получил дистиллят, обладающий болеутоляющим действием. Когда Рамос дал понять Лаве, что было бы проще, вероятно, захватить морфий у японцев, молодой доктор улыбнулся.

- Я был бы рад, если это удастся нам. Но вот только до тех пор мы должны сами помогать себе, Пако. Мы должны будем сами помогать себе во многих областях!

На самом деле Рамос и сам вскоре после этого столкнулся с похожей проблемой: вооружение. У них все еще было мало современного огнестрельного оружия. С одними только охотничьими ружьями и ножами боло Хукбалахап вряд ли мог бы представлять собой серьезную угрозу такой армии, как японская. Тарук предложил в штабе предпринять экспедицию после Батаан. В конце

марта бои на полуострове приближались к концу. Все больше американцев попадало в плен, оставшиеся отступали. Это уже было вопросом дней. Худой, кажущийся скрытным Тарук хотел отправиться с несколькими десятками партизан в Батаан, чтобы подобрать на покинутых к настоящему времени полях сражения лежащее там оружие. В руководстве обсудили шансы экспедиции. Наконец, в штабе пришли к решению, что не нужно предпринимать одну единственную большую акцию, а каждый отряд должен по отдельности послать людей на Батаан. Так было бы гарантировано, что даже в том случае, если бы не все прошли, то все же большинство маленьких групп вернулись бы со своей добычей.

Рамос еще ночью отправился в путь с шестью членами центрального военного командования. Он знал дорогу, и он знал Батаан. Группа состояла из сельскохозяйственных рабочих, которые жили в деревнях вокруг Араята; сильные, смелые мужчины.

Уже первым вечером они заметили в деревне, в которой они попросили о ночлеге, что они были там желанными гостями, хотя японцы и запретили принимать чужаков. Хижина, в которой они спали, принадлежала семье бывшего военнослужащего филиппинской армии, который уже много недель назад вернулся в деревню. Его звали Хуан Тесос, и он был обученным разведчиком, скаутом, как американские господа называли его. Хуан Тесос сам сражался на Батаане. Он любезно попросил Рамоса и его группу, чтобы они чувствовали себя в его хижине как дома. Он был один, родители его уже умерли. Со знанием дела он рассматривал оружие, которое имели при себе мужчины, и поднимал брови. Но он ничего не сказал. Только когда Рамос сообщил ему, кто они и с какой целью они здесь, бывший солдат кивнул и лаконично заметил: – Я так и думал. Я уже слышал о хуках. Люди говорят об этом.

Он исчез на довольно долгое время и вернулся с рисом и рыбой.

Соседи приготовили еду для чужаков. – Я сам не веду домашнее хозяйство, – сказал Тесос. – Жены у меня нет. Собственно, я остался здесь только на то время, пока люди сажают рис, чтобы помочь им. Теперь я должен подумать о том, что делать дальше.

При этом он посмотрел на Рамоса. Тот заметил, что Тесос ожидал, чтобы они взяли его с собой. Поэтому он прямо обратился к Тесосу, готов ли он сражаться вместе с ними.

- Почему бы мне и не пойти с вами, – сказал Тесос через некоторое время. – Здесь ничего меня не держит. Я был солдатом в армии, которую они называют «филиппинской». Но мы были только мальчишками на побегушках. То, что вы планируете, звучит хорошо.

Они до поздней ночи разговаривали о том, что происходило на Филиппинах. Тесос был разочарован тем, что американцы так просто оставили японцам страну. Он ненавидел японцев.

- Они привязали некоторые из моих товарищей к столбам и тогда самые молодые из их рядов должны были тренировать на них удары штыком, – сообщил он. – Мы, остальные, должны были смотреть. Они варвары. Но их нельзя разбить, если быть такими нерешительными, как американцы. Они оставили свою артиллерию, когда убегали. Когда мы, скауты, хотели забрать орудия, они уволокли замки.

- Ты был в плену?

- Одну неделю. Потом однажды ночью я убежал.

Он вышел наружу. Несколько позже он вернулся с винтовкой. Она была чистой, смазанной маслом и обмотанной в мешок. Тесос улыбался. – Я прячу ее вне хижины. Нужно быть хитрым.

Затем он предложил Рамосу: – Я могу вести вас. На Батаане я знаю почти каждое место боев. Мы найдем то, что вам нужно. Если вы меня примете...

Они приняли его. Рамос разъяснил ему директивы хуков и приказал ему дать обязательство перед другими, что он как борец народа не будет щадить себя. Тесос кивнул и сказал: – Я готов.

У мужчин было чувство, что они нашли опытного товарища. Уже на следующий день они заметили, что они не обманулись.

Тесос пошел с ними, когда солнце уже встало. Поблизости от деревни японцев не было. Они шагали по дамбам только что возделанных рисовых полей, через редкие леса, пока они не дошли до дороги, которая вела на полуостров Батаан. Это было уже вечером. На дороге было оживленное движение, один конвой японцев ехал за другим. Партизаны ждали, пока не стало темно, тогда они пересекли заасфальтированную проезжую часть и исчезли в лесу. Тесос вел их осмотрительно. Он избегал контрольно-пропускных пунктов и всегда шел в ста метрах перед другими. При самом незначительном признаке опасности он поднимал руку. Так они добрались до скудно поросшей лесом гряды холмов, где была первая линия обороны американцев. Здесь были спешно вырытые траншеи, местами они не были использованы. В другом месте земля была перепахана воронками от снарядов. Когда один из мужчин поднял американскую винтовку, которая лежала в воронке, Тесос махнул рукой.

- Брось ее, она надломана. Я знаю, где есть получше!

Они проходили через покинутые, расстрелянные поселения. Ночью партизаны спали в подлеске. Они ели бананы. Иногда они ловили маленьких ильных рыб и раков. Через одну неделю они в некоторых местах уже сложили собранное оружие – американские винтовки, пулеметы, револьверы. Также патроны можно было найти в больших количествах. У японцев, очевидно, не было еще удобного случая систематически обыскать места боев.

Первоначально Рамос надеялся, что найдет, по крайней мере, так много оружия и патронов, что каждый партизан мог бы взять с собой по несколько винтовок на Араят. Теперь он стоял перед проблемой, как им перетащить всю эту огромную массу оружия.

За несколько дней они достали более пяти тысяч винтовок, не считая другого оружия. Один из мужчин вернулся, чтобы сообщить о находках военному комитету и привести носильщиков.

Издали люди Рамоса наблюдали колонны пленных, которых вооруженные до зубов японские солдаты гнали на север. Они также могли видеть, что конвоиры просто застреливали на обочине дороги тех пленных, которые не могли идти дальше и изможденные падали на землю. Рамос хотел устроить засаду. Но Тесос отговорил его. У японцев было численное превосходство, и на этой территории не было подходящих мест для укрытия. Рамос вынужден был признать его правоту.

- Отложим это на потом, – заметил Тесос. При этом он улыбнулся, но это не было приветливой улыбкой.

Военный комитет действовал быстро. Различные подразделения хуков отправили своих носильщиков, которые окольными путями пробирались на Батаан. Рамос, Тесос и другие ожидали их в оговоренных местах, показывали им места, где было сложено оружие, и организовывали его вынос. В середине мая отряды хуков уже владели первыми семью тысячами винтовок, достаточным количеством патронов к ним, также несколькими пулеметами, с которыми, правда, никто не умел обращаться. Фундамент был заложен.

Тесос на горе Араят был официально принят в состав хуков и был прикомандирован к отряду охранения военного комитета, в котором он отвечал за разведку. Когда Рамос прощался с ним, так как он получил приказ снова вернуться в Манилу, Тесос был печален.

- Не хочется расставаться с надежными товарищами, – сказал он. Но Рамос утешал его. Скоро они снова встретятся. Где-нибудь. Борьба только начиналась.

В мае 1942 года, когда японские вооруженные силы захватывали Коррехидор и генерал Уэйнрайт формально капитулировал, Хукбалахап уже насчитывала

несколько тысяч членов. Она провела свои первые акции и дала агрессорам первое представление о том, что еще нужно было ожидать. Японцы хотя и захватили Филиппины в том отношении, что американского сопротивления больше не было, но они еще не смогли установить свой контроль над всеми частями архипелага, когда для них уже возник новый решительный противник.

Лучшие шансы для быстрых атак представлялись отрядам Хукбалахап в тех областях, в которых у них были прочные связи с населением. Поэтому большинство боев весной и летом 1942 года происходили в провинциях Пампанга и Нуэва-Эсиха, в Тарлаке и Булакане.

Сразу после падения Коррехидора отряд Хосе де Леона атаковал сильный японский патруль у Лаура, в провинции Нуэва-Эсиха, причем почти все японские солдаты были убиты. Дороги между Магалангом и Ла-Пасом, между Анхелесом и Сан-Фернандо были ареной постоянных боев. Здесь лес очень близко подступал к проезжим дорогам. Солдаты хуков атаковали автомобильные колонны, и когда японцы бежали с дороги в лес, они попадали в заранее устроенные западни или получали ранения от прочно закопанных в землю бамбуковых кольев. Вскоре по этим дорогам, как и по главному шоссе, которое вело от Манилы на север, конвои ездили только лишь с сильной охраной. Все же и они не были в безопасности. Хуки мастерили разрывные заряды, которые были поразительно похожи на змей. Японские водители любили переезжать змей, которые на дороге грелись на солнце. Прежде чем японское командование запретило переезжать рептилий, бойцы Хукбалахап смогли уничтожить много машин. И этим запретом местные отряды хуков тоже воспользовались. Если теперь водители японских грузовиков притормаживали, чтобы объехать лежащую посреди дороги преграду, в которой они предполагали мину, их обстреливали из засады.

Фото 26. Хосе де Леон (Димасаланг)

Все же, такие атаки не оставались единственной тактикой партизан. Всюду сила противника и его тактика обороны тщательно исследовались, после чего партизаны переходили к нападению. Так солдаты хуков в неприметной крестьянской одежде отправлялись в маленькие города и разведывали возможности проникновения. В большинстве случаев это приводило к краткосрочному захвату таких городков.

Матео дель Кастильо таким способом привел свой отряд в Сан-Антонио в Нуэва-Эсиха. После того, как несколько разведчиков несколько дней подряд разведывали базы японцев и местной полиции, солдаты дель Кастильо ворвались с нескольких сторон в город. Японцы были сбиты с толку из-за того, что их обстреливали не только входящие в город бойцы, но и из засады в самом городе, где солдаты дель Кастильо скрытно находились уже несколько дней. Оказавшись между двух огней, японцы быстро отступили и покинули город точно в том месте, где люди дель Кастильо оставили брешь. За это время отряд захватил ратушу, поднял над ней филиппинский и американский флаги, и затем вытащил наружу всю администрацию, которая сотрудничала с японцами. Полицейские, которые были виновны в жестокости по отношению к населению, были сразу же расстреляны. Видным фигурам города публично посоветовали поддерживать народ в его борьбе, в противном случае хуки призвали бы и их тоже к ответу.

Прежде всего, простые люди были выведены из их состояния безнадежности. Внезапно они поняли, что в стране была сила, которая могла бить врага. В результате таких акций подразделения хуков приобретали много новых соратников.

В Сан-Луисе был арестован весь местный отряд Constabulary, включая майора, который им командовал. Посреди Сарагосы, в Нуэва-Эсиха, отряд хуков дал бой японскому гарнизону, в результате чего были убиты 150 японцев.

Японцы еще не могли расположить военные посты во всех баррио. Партизаны использовали это обстоятельство. Они всюду там, где противника не было или где они смогли его прогнать, создавали народные администрации. К ним относились как самый важный элемент комитеты народной самообороны, которым вменялось в обязанность поддерживать связь с хуками, сдерживать коллаборационистов и, в первую очередь, приобретать пищевые продукты и одежду для хуков. Через эти народные комитеты самообороны партизанская армия располагала прочными корнями в населении.

Фото 27. Шестого мая 1942 года остатки армии США в Коррехидоре капитулировали. Приблизительно в это время хуки уже активно действовали во всем Центральном Лусоне.

Несколько районов в Центральном Лусоне были в середине 1942 года уже в руках хуков. Там проводились выборы, народные представительства получали власть, создавались школы для детей, и жителей информировали о политическом положении. Партизаны заботились также о том, чтобы японцы не могли получать продукты или сырье из освобожденных областей. Недвижимое имущество коллаборационистов разделялось среди крестьян. Землевладельцы, которые после переговоров с кадровыми работниками хуков заявляли о своей готовности поддерживать освободительное движение, могли сохранить свою собственность. Так уже в течение первых месяцев борьбы на Лусоне развился народный режим, который во многих отношениях еще был в зачаточном состоянии, но все же указывал дорогу в будущее.

Народные комитеты самообороны были надежными помощниками бойцов движения хуков. Они прятали раненых в баррио, где те могли спокойно выздоравливать, и обеспечивали транспортные средства, прежде всего, лодки, на которых партизаны пересекали реки, но также и повозки с лошадьми, на которых трофеи перевозились в лагеря отрядов. Кроме того, члены комитетов самообороны, которые легально жили в баррио, могли заниматься важной разъяснительной работой, следить за войсками противника, разыскивать коллаборационистов и выполнять много других важных обязанностей при поддержании связи. Их инициативе нужно было быть обязанным за то, что на территориях, которые уже не подчинялись врагу, возникали истоки демократического порядка и правосудия.

Движение хуков получило дальнейший подъем, когда бабьим летом 1942 года появилась гектографированная еженедельная газета «Катубусан нг Байян»

(«Национальное освобождение»), а позже и партизанский журнал «Хукбалахап». Теперь люди очень разного происхождения начали поддерживать борьбу. Некоторые жертвовали деньги; врачи и аптекари передавали медикаменты и перевязочный материал. Были мелкие фабриканты, которые производили оснащение для хуков. Но в первую очередь простой народ сам помогал себе. Хотя к тому времени в наличии уже было много оружия, бесчисленные винтовки изготавливались в деревнях, в том числе опасные дробовики, ствол которых состоял из старой водопроводной трубы. Они особенно хорошо подходили для ближнего боя.

Военное руководство Японии поняло, что эта партизанская борьба представляла собой больше не отчаянные единичные действия, а целенаправленное народное движение, которое возглавляли коммунисты. Хотя самые заметные акции все еще ограничивались Лусоном, нападения происходили иногда также в других областях. Оккупанты боялись, что это движение постепенно распространится на все острова. Поэтому генерал Томоюки Ямасита, «сингапурский мясник», который к тому времени стал командующим в Маниле, прибег к мероприятиям, которые были тождественны новому завоеванию Филиппин.

Фото 28. Томоюки Ямасита

Сначала он воспользовался тем обстоятельством, что к хукам стекались сторонники из всех частей населения. Японская командование ловко внедряло коллаборационистов и узнавало от них, где концентрировалась народная армия. Ямасита намеревался разгромить эти базы и таким путем постепенно парализовать движение хуков. В сентябре он впервые нанес мощный удар, при участии более тысячи солдат, артиллерии, минометов и самолетов.

Дозорные на горе Араят видели, как колонны поднимаются на плато. Облака пыли окутывали грузовики. Из деревень прибывали посыльные с донесениями, что противник собирается атаковать Араят. Но хуки чувствовали себя в

безопасности. Они знали местность лучше японцев, они устроили много засад, и были дороги, по которым, в крайнем случае, можно было отойти.

Руководство хуков упустило момент приказать войскам на Арайте своевременно уклониться от массированного удара. Это было бы уместной тактикой ввиду превосходства противника. К этому добавилось и то, что военное командование больше не находилось постоянно на Арайте, а постоянно меняло свое местопребывание. Это дополнительно затрудняло связь. Каждое сообщение должно было передаваться посыльными; радиостанций не было. Таким образом, подразделения на Арайте ожидали нападение, вместо того чтобы уйти и сделать так, чтобы противник нанес удар в пустоту.

Их внезапно подвергли исключительно сильному, вполне меткому артиллерийскому обстрелу, который прижал их к земле. В это время японские солдаты взбирались по горным склонам там, где, по сведениям коллаборационистов, не было патрулей. Когда обстрел утих, хуков неожиданно атаковали не только с фронта, но и с тыла. Одновременно появились десятки истребителей, которые обстреливали базу и сбрасывали бомбы. Это все происходило настолько быстро, что сопротивление оставалось абсолютно неорганизованным. Некоторым осторожным командирам отрядов удалось, наконец, без существенных потерь под покровом ночи вывести войска из окружения. Японцы нашли покинутую базу. И все же противник впервые застал хуков врасплох, и инициатива была не на их стороне. Но из-за волны новых акций, которые происходили по всему Лусону сразу после нападения на Араят, времени на размышления не оставалось. С середины сентября до декабря подразделения хуков не давали японцам покоя. Одно нападение следовало за другим.

Между тем военное командование анализировало причины относительно удачного внезапного нападения японцев на базу на Арайте. Ошибки разбирались, но все еще господствовала определенная эйфория, которая препятствовала тому, чтобы руководство хуков уяснило фактическое соотношение сил между Хукбалахап и японцами. Лозунг и дальше звучал: наступление.

Теперь уже существовало около сорока отрядов. Но они действовали почти исключительно в Центральном Лусоне. Несмотря на случайные успехи агитаторов, которые были посланы на другие острова, там не возникло достойное упоминания партизанское движение.

В Центральном Лусоне, тем не менее, земля уже горела под ногами японцев. Колонны грузовиков и небольшие подразделения подвергались нападениям. Ратуша Сан-Симона была взята штурмом, город несколько дней находился в руках партизан. Очевидно, из страха, что его постигнет та же судьба, что и его коллегу в Сан-Луисе, которого партизаны застрелили за коллаборационизм, мэр сдался народным войскам и пообещал им лояльность. Когда генерал

Ямасита послал своего начальника штаба, капитана Танаку навести порядок, хуки устроили ему засаду. Танака погиб в бою.

В провинции Пампанга подразделениям хуков удалось захватить города Араят, Кандаба и Апалит на несколько дней. Они созывали жителей на митинги, на которых оповещали их о целях освободительного движения и призывали к сотрудничеству. Перед тем как отряды хуков снова покинули города, так как они, естественно, не могли бы удерживать их долго, они основали там нелегальные народные комитеты самообороны, которые должны были тесно сотрудничать с партизанами.

Также этим бабьим летом подразделения хуков, которые уже были хорошо вооружены и обучены, атаковали места дислокации японских войск. Противник понес значительные потери. Но гораздо важнее, чем чисто военные успехи, было уважение, которое в течение этих месяцев приобрело движение хуков в народе.

Относительная легкость, с которой это было достигнуто, питала в некоторых командирах иллюзию, будто бы противник не сможет приспособиться к борьбе с партизанами. Поэтому они больше не хотели устраивать лагеря в лесу или в горах, а полагались на то, что они больше не будут подвергаться серьезной опасности.

Для японцев, тем не менее, Филиппины не только обладали большим стратегическим значением, но и были выбраны для того, чтобы поставлять рис, основной продукт для войск императора. Кроме того, японские эксперты рассчитали, что созданные американцами нерентабельные плантации сахарного тростника могли относительно быстро использоваться для разведения хлопка. Хлопок был важен для производства одежды японской многомиллионной армии. Эти экономические планы оказались под серьезной угрозой со стороны движения сопротивления, которое развертывалось в самых плодородных районах Лусона. Это побуждало оккупантов к переориентации их прежней оккупационной политики.

С большой секретностью войска обучались борьбе с партизанами, и заканчивалась подготовка для более сильного насыщения провинций военными постами. В декабре 1942 года японцы нанесли удар.

Они, после того как проанализировали сообщения своих агентов, выбрали для удара южную часть провинции Пампанга. Информаторы оценивали количество находящихся здесь бойцов Хукбалахап в несколько тысяч человек. В действительности их было менее семисот, которые пребывали в известной своим прудами для разведения рыбы местности районов Масантоль и Миналин. Японцы выставили против них примерно 4000 солдат, не считая авиации.

Отряды хуков, действующие на непросматриваемой местности, заметили приближение японцев. Однако они полагались на труднопроходимую территорию: здесь было очень мало дорог. Более многочисленные войсковые части должны были бы перевозиться по рекам и прудам, и партизаны не считались с этой возможностью.

5 декабря, вскоре после восхода солнца, моторы японских бомбардировщиков гремели над прудами для разведения рыбы. Волна за волной прилетали они с бывшей американской авиабазы Кларк-Филд. С грохотом бомб смешивался треск бортового оружия, из которого самолеты стреляли во все, что двигалось на земле. Они систематически разрушали в окруженной области все дома и хижины. После сильной воздушной бомбардировки японцы подготовили еще один сюрприз: они доставили хорошо замаскированные баржи, которые буксировались моторными лодками, и которые теперь перевозили войска в не ожидаемом количестве через водные преграды к центру хуков.

Но японцы не учли подвижность противника. Еще в то время как они садились на свои баржи, партизаны группировались для обороны. Лучшее знание местности помогало им в этом. Японцы ошиблись в расчетах времени движения для барж; они двигались медленнее, чем предполагали. Таким образом, японские солдаты еще в своих лодках, где они сидели в тесноте, подверглись обстрелу и не могли развернуться.

Однако позже в течение дня хуки все же решили уклониться от уже сильно ослабленного противника, прежде чем тот смог бы снова направить на них авиацию или доставить артиллерию. Они оставили свои позиции и исчезли известными только им тропами, но при этом они совершили ошибку, отправившись в городок Макабебе. Для этого, собственно, у них не было никакого повода, так как у них практически не было раненых, также они были еще достаточно хорошо обеспечены продуктами и боеприпасами.

Пока они делали передышку в Макабебе, японцы группировали свои войска вокруг. Информаторы сообщили им, куда исчезли партизаны. 7 декабря несколько японских подразделений окружили Макабебе. Они особенно старались не дать хукам никакой возможности ускользнуть. Затем они навязали им бой и применили минометы, после того как подтянули еще войска. Партизаны оказались в ловушке. Хотя они бесстрашно сражались и смогли еще уничтожить около двухсот японцев, но потом у них закончились патроны. Их командир Бернардо Поблете понял, что этот бой, по всей вероятности, закончится уничтожением его подразделений. Он не видел возможности для сконцентрированного прорыва, поэтому он приказал солдатам пробиваться поодиночке.

Большинству из них это удалось. Но хуки после этого боя, который они прекратили ночью, оставили много мертвых. Также у значительного числа солдат Поблете отказали нервы, они бросали оружие и просто спасали свою жизнь.

Японцы, которые после этих двух боев понесли значительно большие потери, чем хуки, незамедлительно переврали эти события в первую большую победу Японии над «непокорными повстанцами». Тем не менее, бои у Масантоля и Макабебе стали для военного командования хуков поводом для серьезных размышлений, и не только о стратегических и тактических вопросах, но и о военной дисциплине.

Кроме того, военное командование должно было обсудить поведение командира отряда Фелипы Кулалы, той самой авторитарной и самовластной женщины, которая когда-то возглавила первую атаку подразделения хуков на японцев у Мандили. За прошедшие месяцы она изменилась в худшую сторону. Она обращалась со своими солдатами как с рабами, не придерживалась правил, которые сами хуки установили для себя, назначала несправедливые наказания, и, прежде всего, требовала от населения деревень на территории, где она действовала, самые разные оброки, за счет которых она лично обогащалась. Из-за ее действий на карту была поставлена репутация народного движения. На совещании выяснилось, что Фелипа была абсолютно неблагодарной, не была склонна признать свою неправоту и не хотела подчиняться приказам военного командования. После этого состоялся военно-полевой суд, заседателями на котором были солдаты из отряда Фелипы Кулалы. Процесс закончился смертным приговором. Фелипу Кулалу расстреляли.

(Некоторые исследователи сомневаются в виновности Фелипы Кулалы. Они считают, что обвинения были если и не совсем необоснованны, то сильно преувеличены, и обвиняют Тарука в том, что он казнил Кулалу из ревности к ее успехам и популярности. – прим. перев.)

Японцы, между тем, продолжали свое наступление. Более сильные воинские части прочесывали местность вокруг болот Кандабы, окрестности Араята, Кабиао и Нуэва-Эсиха. Некоторые подразделения хуков вынуждены были под сильным давлением противника отступить в провинцию Самбалес. Японцы непрерывно атаковали. Они показывали, что извлекли урок из ошибок прошлого. Отныне в каждом баррио они устраивали постоянный пост, который контролировал жителей поселения. На деревенских площадях в бамбуковых хижинах, мимо которых проходили все жители деревни, разместились скрытые информаторы. При этом информаторы выдавали японцам хуков или членов народных комитетов самообороны, которых сразу же, обычно после жестоких пыток, расстреливали.

В целом к концу 1942 году хуки были вынуждены уступить стратегическую инициативу. Прежней привычки жить более или менее открыто в баррио, больше нельзя было придерживаться. Военное командование было вынуждено переосмыслить свою тактику. Стало необходимо управлять вооруженными силами народа мобильнее, чем до сих пор, и устраивать для подразделений новые места расквартирования вне баррио.

Пока хуки были заняты реформированием и переориентацией, их действия, разумеется, стали менее активными. Японцы уже считали себя победителями. Они тоже недооценивали своего противника и с чувством безопасности занимались интенсивной эксплуатацией филиппинских ресурсов, в которых они так остро нуждались для дальнейшего ведения войны, тем более что их продвижение на фронтах в Тихом океане к тому времени остановилось.

Совместное процветание

Мария Флорес много раз оборачивалась, пока шла по покрытому тяжелыми коврами коридору, в конце которого находилась комната той женщины, которая под именем Эстреллы Лопес владела в Маниле заведением «Клуб Алоха».

С первого этажа сюда наверх доносилась музыка, которую исполняло маленькое трио в баре, та сладковатая, ласкающая слух музыка, как ее производили на Гавайях на экспорт. Также японцы любили этот вид плохой музыки. В «Клубе Алоха» они могли слушать ее весь вечер, примерно до полуночи, когда заведение закрывалось.

Прежде чем Мария постучала в дверь, она удостоверилась еще раз, что никто из японцев с нижнего этажа не следовал за нею. Женщина, которая открыла ей дверь и, улыбаясь, пригласила войти, развеяла ее опасения.

- Не бойтесь, у них есть приказ не входить на верхние этажи. У нас действительно хорошие отношения с комендантом города, так что никто не решается беспокоить нас.

Комната была вместительной, богато мебелированной, с балконом, с которого был вид на парк Лунета. Эстрелле Лопес было по оценке Марии почти тридцать лет. Она хорошо выглядела, была немного накрашена и своими совершенно черными волосами и большими круглыми золотыми серьгами напоминала испанку на старинных картинах. Но Эстрелла Лопес не была испанкой; в ее семье даже не было испанских предков. На самом деле ее звали Марджи Крэйг, и она была вдовой сержанта американской армии Джона Крэйга, который служил на Батаане. Она жила в маленькой квартире в центре, брала уроки пения, время от времени также уроки актерского мастерства, так как она мечтала о сценической карьере. Ее муж не имел ничего против, если она так проводила свое свободное время, которого у нее было много.

Фото 29. Манила под японской оккупацией. Город сильно разрушен. На фотографии изображен район Армета. (3 – отель «Манила», в котором разместилась японская тайная полиция Кэмпэйтэй; 5 – статуя Хосе Рисаля в парке Лунета.)

Крэйг был только сержантом, но так как он работал в администрации, он при случае оказывал услуги одному или другому поставщику армии. Иногда это были продукты, которые привозил кто-то из купцов, не абсолютно свежие – а Крэйг делал вид, что не замечал этого. Иногда отсутствовали несколько вещей, которые были указаны в счете – Крэйг это тоже игнорировал. Собственно, он не замечал огромное количество, и это даже не бросалось в глаза, так как хорошо контролируемое администрирование никогда не было сильной стороной американской армии на Филиппинах. Так эта супружеская пара завела себе много друзей среди привилегированной буржуазии столицы, их иногда приглашали на вечеринки, где они знакомились со следующими влиятельными людьми.

Вследствие этого Марджи Крэйг не составило большого труда после вступления японцев сначала очень искусным способом затаиться, а несколько позже продолжать совершенно легально жить в Маниле как абсолютно новое лицо.

Дон Висенте Мадригаль, один из самых богатых людей столицы, владелец угольных шахт и цементных заводов, маслобоен и предприятий деревообработки, кроме того, владелец одного из самых больших пароходств страны, несколько недель прятал молодую американку в своем доме. Позже, когда он уже договорился с японцами, ему было легко через одного полковника японской армии получить документы для своей «племянницы из испанской ветки его семьи». Чтобы выглядеть подлинной, Марджи Крэйг покрасила свои темно-русые волосы в насыщенный черный цвет и носила теперь прическу со строгим прямым пробором. Кроме того, она сделала несколько косметических изменений на своих бровях, ресницах и даже глазах. Глаза она ежедневно мыла травяным экстрактом, который придавал зрачкам выделяющийся блеск. Изменившись таким образом, она – за деньги, которые одолжил ей дон Висенте Мадригаль – купила старый ресторан на краю парка Лунета и переделала его в современный клуб для офицеров японской армии. К этому времени ее муж уже умер. Он был ранен на Батаане; для длительного голодного похода в плен его сил больше не хватило. Где японцы закопали его, было неизвестно.

Фото 30. Висенте Лопес Мадригаль

Но «Алоха» была не только клубом, в котором японские офицеры могли расслабиться. Конечно, здесь было пиво, хорошая еда, музыка и девушки, которые заботились о развлечении. Это все происходило в интересах оккупационных властей. Однако втайне из этого клуба осуществлялась деятельность, о которой японцы не имели никакого понятия.

Дон Висенте Мадригаль был умным человеком. Спасение американки помогло бы ему при возвращении янки, которого следовало бы ожидать раньше или позже. Если кто-то уже сотрудничал с японцами в экономическом плане, тому наверняка позже понадобилось бы алиби. Но дон Висенте хотел подняться еще

выше: конспиративное сотрудничество с американцами во время японской оккупации – естественно, под прикрытием экономического коллаборационизма с Японией – это после неизбежного возвращения американцев привело бы его на вершину политики. Для этого он готов был кое-чем рискнуть. Поэтому он щедро обставил салон «Алоха» и также обеспечил Марджи Крэйг сотрудничками и сотрудницами, которых он прежде точно проинструктировал. Они запоминали каждое неосторожное замечание какого-нибудь офицера, каждую дату, когда выходил в море один из японских кораблей, каждую подробность, которая могла представлять интерес для американцев. И дон Висенте уже очень рано установил контакты с американцами, которые избежали плена и сидели теперь в горах Самбалес, хорошо спрятанные, отлично снабженные провиантом, а также оружием, которым они, однако, почти не пользовались, чтобы не выдать себя. Прежде всего, однако, они обладали радиостанциями с большой дальностью действия, с помощью которых можно было достаточно быстро передавать каждую услышанную в «Алохе» новость американскому командованию.

Всего этого Мария Флорес не знала, хотя она догадывалась, что эта выглядевшая по-испански женщина наверняка не была просто хозяйкой кабачка в обычном смысле этого слова. Иногда она давала понять, что у нее были связи. Таким образом осуществилось также знакомство с несколькими членами «Свободных Филиппин», и Эстрелла Лопес объявила о своей готовности передавать им информацию. И эта нелегальная организация поручила Марии Флорес поддерживать контакт с хозяйкой «Алохи».

- Виски? – спросила черноволосая красотка. Мария решила попросить кофе. Эстрелла немедленно похвалила свой кофе: – Чудесно! Его только на прошлой неделе привезли с Явы, крепкий черный кофе с превосходным ароматом!

Она нажала на кнопку звонка, появилась служанка в скромном черном платье, с белым фартуком, снова исчезла и через пару минут принесла душистое мокко.

- Мне несколько неловко пребывать здесь у вас, – призналась Мария хозяйке. – Ведь в этом доме почти не бывают женщины. Вдруг у вас возникнут проблемы из-за меня!

Эстрелла только засмеялась. – Не беспокойтесь, моя дорогая. У меня очень хорошая репутация. Никто не предполагает, что я могу быть кем-то еще, кроме хозяйки этого клуба. И, впрочем, я обычно раз в неделю играю в бридж с женщинами из высших кругов города, здесь в этой комнате. Никто не возмущается и не будет недоволен из-за посетителей, которые приходят ко мне. В конце концов, это мой дом!

Она и не подумала сообщить Марии Флорес, что она несколько раз в неделю отправляет курьера в горы Самбалес, с сообщениями для полковника с псевдонимом Тим, и тем более она не упомянула, что она, разумеется, уже проинформировала полковника о своем сотрудничестве со «Свободными Филиппинами». Если бы кто-то спросил Марджи Крэйг, занялась ли она своей конспиративной деятельностью из патриотизма, она ни в коем случае не согласилась бы с этим безоговорочно. Она даже сама не знала точных причин своего поведения, потому что она сама не хотела анализировать себя строго. Здесь играла роль и жажда мести, так как ее муж умер по вине японцев. Была в этом также и жажда приключений, как и радость актерства, которое приносило с собой это занятие. И еще были мысли о будущем. Не такие, пожалуй, как у дона Висенте, но в чем-то похожие.

Марджи Крэйг была достаточно умна, чтобы знать, что фраза Макартура «Я еще вернусь!» была сказана абсолютно серьезно. Предшествовавший ход войны в тихоокеанском регионе уже говорил о том, что японцы в значительной степени исчерпали свои резервы и зашли слишком далеко в своем экспансионистском рвении.

В «Алохе» также – в какой-то мере прямо на глазах японцев – собирались деньги, которые использовались для закупок продуктов на черном рынке и для приобретения медикаментов и одежды для тех американских солдат, которые прятались в горах Самбалес и в других местах. Каждый из этих людей знал, что где-то в Маниле была таинственная женщина, которая использовала псевдоним Клэр и очень многое делала. В лицо ее знали только немногие; даже те курьеры, которые забирали добытые ею сведения или материалы, общались только с ее посредниками.

(Прототипом Эстреллы Лопес/Марджи Крэйг/Клэр является Клэр Филлипс, урожденная Клэр Снайдер (1907-1952), фамилия по первому мужу Фуэнтес, по второму – Филлипс, американская певица, владелица ночного клуба в Маниле, а во время войны – разведчица, снабжавшая информацией штаб Макартура, а также помогавшая американским военнопленным и партизанам. Автор мемуаров «Шпионаж в Маниле» («Manila Espionage»). В 1951 году по рекомендации Макартура Клэр Филлипс была награждена Медалью свободы. В том же году в США о ней был снят художественный фильм «Я была американской шпионкой». – прим. перев.)

Фото 31. Клэр Филлипс

«Свободные Филиппины» занимали в расчетах Марджи Крэйг особое место. Курьеры из гор Самбалес информировали ее, что генерал Макартур советовал осторожно сотрудничать с этой организацией. Хотя этот союз насчитывал только около ста членов, все-таки, он объединял самых способных представителей буржуазной интеллигенции. «Свободные Филиппины» уже установили связь с единомышленниками за пределами Лусона. И, что было еще важнее в соображениях Макарттура: «Свободные Филиппины» пользовались доверием хуков. Возможно, через эту организацию можно было бы обходным путем приобрести влияние на движение сопротивления. Если еще во время японской оккупации не удалось бы парализовать хуков, подтолкнуть их к отказу от их радикальных социальных и политических целей, тогда после отвоевания островом американцами они стали бы постоянной угрозой интересам США. Итак, Макартур отдал соответствующие указания.

Теперь, однако, эта организация требовала от Марджи Крэйг прямого доступа к источнику информации, который представлял собой «Клуб Алоха». Если согласиться с этим, то хуки как союзники «Свободных Филиппин» тоже могли бы пользоваться этой информацией. Однако к этому моменту Макартур в своих радиogramмах категорически запретил это.

Когда по прошествии некоторого времени речь зашла об этом, Мария повторила предложение еще раз: Марджи Крэйг должна была устроить у себя домоправителем одного надежного члена «Свободных Филиппин», который таким путем сможет сам собирать информацию в клубе. Хотя это было бы вполне возможно, и Марджи действительно мог бы понадобиться домоправитель, она с сожалением покачала головой.

- Я, к сожалению, не могу пойти на риск. Меня строго контролируют. В интересах дела я не могу привлекать к себе излишнее внимание.

В интересах американского дела, подумала Мария, но не сказала это вслух. Мадам Эстрелла Лопес лжет. Нетрудно было догадаться, почему.

- Хорошо, – сказала она. – Это был вопрос. Я передам ответ.

Она больше не возвращалась к этой проблеме, да это также, пожалуй, и не имело бы смысла. Эта женщина действовала так, как ей было приказано.

- Мы, само собой разумеется, остаемся союзниками, – спешно успокоила ее Марджи Крэйг. – Наша информация и дальше будет передаваться вам.

Она взяла из шкафчика сандалового дерева несколько листков с записями и передала их Марии. Это было так принято. «Свободные Филиппины» печатали такие сообщения иногда в своих нелегальных листовках.

Мария спрашивала себя, как долго еще можно было полагаться на эту американку. Измена носилась в воздухе, стоило только связаться с теми людьми, которыми издавала управлял штаб Макартура. Нескольким подразделениям хуков пришлось убедиться в этом за последнее время. Ситуацию еще нельзя было точно рассмотреть во всей полноте, но кое-что уже не вызывало сомнений: американские солдаты, которые объединились в так называемые группы сопротивления, отказывались от сотрудничества с хуками. В различных местах уже происходили вооруженные столкновения. Были известны случаи, когда американские «партизаны» предавали отряды хуков Constabulary, из-за чего происходили связанные с большими потерями бои.

Мария бросила взгляд на сообщения. Пока она читала, Марджи Крэйг начала рассказывать. Она узнала кое-что, о чем пока еще не было сказано в записях.

- В Японии в настоящее время в наивысших кругах думают над тем, как можно предоставить Филиппинам независимость. Многие говорят о том, что японцы собираются взять за образец Маньчжоу-го.

Мария скривила лицо. – Ну, у нас нет, к сожалению, Пу И, которого можно сделать императором милостью Японии!

- Этого нет. Но нужно рассчитывать на скорое решение. Один высокопоставленный офицер говорил мне, что сам Тодзио занимается этим. Он должен объявить о независимости для Филиппин в имперском парламенте, при условии, что филиппинцы будут вести себя при оккупации благоразумно и придерживаться правил сотрудничества.

- Коллаборационизм как предварительное условие для предоставленной только на бумаге независимости, – бросила Мария. – И по-прежнему японские штыки. Похоже, именно так это и следует понимать?

Американка покачала головой. – Можно рассматривать это с разных углов зрения. Определенная степень готовности к сотрудничеству облегчила бы здесь жизнь многим людям. Наша комиссия, которая все еще работает под японцами, поднялась бы, вероятно, до уровня настоящего правительства.

Мария кивнула. Естественно, коллаборационизм принес бы пользу коллаборационистам. Вооруженное движение сопротивления должно было все больше утрачивать почву, по мере того, как все больше развивался бы коллаборационизм. Американцы не поддерживали хуков, но таким инструментам японцев как Лаурелю или Варгасу они давали понять, что они полностью согласны с их деятельностью для «поддержания спокойствия и порядка».

Мария еще довольно долго говорила с Марджи Крэйг о незначительных вещах, затем она ушла, мимо группы японских офицеров, которые фотографировались перед «Алохой» с тремя танцовщицами.

Часом позже она встретила Франсиско Рамосом, который снова уже много недель находился в столице. Хотя японцы до сих пор оставили нетронутой книжную лавку, даже не обыскивали его квартиру, он менял местожительства. Он жил в Тондо у разных рабочих семей, которых он знал еще по легальному периоду партийной работы, и которые охотно принимали его.

Партия поручила ему, чтобы он развивал связи с рабочим классом столицы. Все еще не удавалось скоординировать вооруженные акции хуков с политической работой в городах. Для этого было несколько причин: партийная организация среди рабочих была слаба. Кроме того, профсоюзы были ликвидированы, и рабочим под страхом смертной казни было вообще запрещено заниматься какой-либо политической деятельностью. Наконец, лучшие кадровые работники партии находились среди хуков.

Франсиско Рамос собрал вокруг себя несколько человек, он проводил обучение, передавал информацию, но круг, с которым он мог работать, оставался малым.

Теперь он сидел вместе с Марией, в квартире одного художника, который принадлежал к «Свободным Филиппинам», и ателье которого было расположено удобно для нелегальных встреч. Рамос не был особо поражен отказом, который принесла Мария от Марджи Крэйг. Этот отказ совпадал с поведением ушедших в подполье американцев и в других местах. Поэтому он только заметил: – Продолжай брать то, что ты можешь получить от нее, и не особо полагайся на нее. В последнее время я много размышлял. Я думаю, что мы вообще совершаем ошибку, когда полагаемся в этой борьбе на американцев. Ведь они

же не хотят потерять Филиппины! Они под давлением обстоятельств предоставляют их на некоторое время японцам, так сказать, для пользования. При этом социальное устройство должно оставаться как можно более неизменным, чтобы они смогли и позже продолжать делать то же, что и раньше.

- А что ты думаешь о японском объявлении независимости?

Рамос улыбнулся. – Это не сложно разгадать. Японцы попали в затруднительное положение. Также на европейском театре военных действий события развивались не так, как они ожидали. Теперь они хотят укрепить свою новую империю, по крайней мере, внутри, если получится. Этот фарс с независимостью, несомненно, ввел бы в заблуждение многих из наших людей. Они не заметили бы, что японцы в действительности вовсе не могут предоставить нам независимость. Они нуждаются в нашей стране как в сырьевой базе. И они только хотели бы, чтобы мы чувствовали себя независимыми, чтобы они смогли более удобно эксплуатировать нас через горстку прожженных коллаборационистов.

Время от времени они бросали взгляд из большого окна на переулок перед домом, но здесь не было опасности. Дети играли на тротуаре. Как только японцы появились бы, шум бы сразу прекратился. Каждый с напряжением ждал бы, что они будут делать. Стрелять? Кого-то арестовывать? Обыскивать дом?

- У них есть свои заботы с Филиппинами, – сказал Рамос. – Не говоря уже о хуках. Их экономическая концепция не срабатывает. Она неоднократно принуждала их к таким мероприятиям, с которыми они путали планы местным крупным буржуа. Теперь они приманивают своих партнеров-коллаборационистов независимостью. Это показывает, что они вынуждены заботиться о том, чтобы их сочувствующие не откололись от них.

В действительности владение Филиппинами до сих пор не принесло пользы японцам в ожидаемой ими степени. Урожай риса упали по сравнению с мирным временем примерно наполовину, так что этот продукт стал предметом спекуляции, на чем наживались местные землевладельцы.

Шахты тоже работали только с минимальными нормами выработки. Добывалась только десятая часть годового довоенного производства золота, пятая часть хромита, и примерно одна седьмая часть железной руды в сравнении с результатами 1940 года.

Дальнейшее резкое уменьшение посевных площадей сахарного тростника в пользу конопли и хлопка привело к значительному снижению производства сахара. Подобным образом обстояли дела также с производством табака и в некоторых других областях. Хотя оккупационные власти применяли там, где

они могли действовать спокойно, строгую систему контроля, сокращение производства в столь многих сферах свидетельствовало, в конечном счете, о неспособности японской военной администрации установить твердый контроль над экономикой Филиппин.

Японские военные почувствовали, так сказать, нож у горла и позвали на помощь крупные концерны империи. Так, прежде всего, концерн «Мицуи» приобретал все больше шахт, и комитет сельскохозяйственных обществ приступил к систематической опеке землевладельцев. Воодушевление тех японцами уменьшилось под впечатлением этого бедственного положения, но даже при этом они еще отнюдь не поддерживали освободительное движение. Они скорее предпочитали тайком связаться с находящимися в ожидании в Австралии американцами, делая этим что-то вроде инвестиции в будущее.

Мария включила радио. Художник предоставил им ателье на ночь. В углу была широкая кровать, в остальном помещение было неприбранным, в нем лежало множество тюбиков с краской, банки с растворителем, старые кисточки, мешковина.

Художник, который здесь жил, перед войной сделал ставку на глупость американских коллекционеров курьезностей и каждую неделю рисовал безвкусный пейзаж с пальмами и морским берегом на старых мешках из-под сахара. Таким путем он получал много денег и финансировал ими свою настоящую работу, которая состояла в том, чтобы писать портреты представителей простого народа. Все же, он не продавал эти картины, а хранил их в одном месте, о котором кроме него никто не знал. Он очень рано присоединился к «Свободным Филиппинам». Это было самоочевидностью делать что-то...

Мария видела, как Франсиско крутил ручку настройки радио. Обрывки музыки, между ними голоса. На японском языке, несколько английских слов, и затем сладковатый голос диктора радио KZRK, японской оккупационной радиостанции, которая официально называлась «Голос Филиппин». Японцы поручили читать новости молодой женщине, которая говорила на тагальском языке с таким же подчеркнутым произношением, как американцы, которые хотя и прекрасно выучили этот язык, но именно только лишь выучили. Франсиско с напряжением вслушивался. Он дал Марии знак подойти поближе.

Из динамика был слышен низкий, несколько монотонный голос Мануэля Рохаса, бывшего министра финансов в кабинете Кесона. Он говорил об экономическом положении Филиппин, которое не очень хорошее. Нужно прилагать усилия, чтобы способствовать успеху общего дела, совместного процветания. Непатриотично сетовать на дефицит риса. Солдаты тэнно вынуждены на фронте обходиться куда меньшими рационами продуктов, чем граждане Филиппин. Предосудительны действия «бандитов» в Центральном Лусоне, хуков, которые всюду, где они могут действовать без помех, прячут рис от отрядов,

занимающихся реквизицией продовольствия. Если население страдает от голода, то в этом виновны так называемые патриоты, которые в горных джунглях набивают себе животы.

- Он фантастический демагог, – заметил Рамос.

- Ты думаешь, люди верят ему?

- Я боюсь этого. У нас почти нет аппарата пропаганды, при помощи которого мы могли бы опровергнуть ложь. Да, есть газета хуков. Гектографированный листок, который можно нерегулярно где-нибудь найти, если повезет. А голод – это факт.

Рохас хоть и ставил ситуацию с ног на голову, но он делал это с такой честной и добропорядочной невозмутимостью, что его выступление не могло не возыметь действия.

- Давайте объединимся, филиппинцы, – просил он слушателей. – Наши японские гости после их прибытия в умном предвидении распустили старые политические партии, которые раскалывали народную волю. Сегодня у нас новая ситуация. Всем гражданам Филиппин нужно объединиться в единой большой общности закона и порядка, и наши японские гости приветствовали это желание. Давайте же сплотимся теснее вокруг Общества служения новым Филиппинам. («Kapisanan sa Paglilingkod sa Bagong Pilipinas», сокращенно «Kalibapi»).

Каждый гражданин должен чувствовать себя обязанным выступить в поддержку целей нового объединения, неважно, станет ли он его членом или нет. «Калибапи» придаст новое политическое лицо нашему отечеству, оно будет...

Фото 32. Мануэль Рохас

Пока Рохас продолжал вещать, Франсиско осторожно произнес: – Я не могу избавиться от подозрения, что он делает все это после того, как Макартур поручил это ему. Эти люди мыслят более долгосрочными перспективами, чем мы это делаем в настоящее время. Они делают популярным человека, с которым они позже смогут работать.

Мария запротестовала: – Но ты же не думаешь, что он переживет оккупацию? Как только последнего японца прогонят, Рохаса повесят! Самое позднее, тогда!

Рамос покачал головой. Он не верил в это. Пропаганда Рохаса была искусна. Он собирал вокруг себя людей, которых он в подходящее мгновение мог бы снова выдать за верных подданных американцев, так же, как сегодня он производил впечатление верного подданного японского императора.

- Ты знала, что двое сыновей нашего бывшего вице-президента Осменьи сотрудничают с японцами? – спросил он Марию. – Один из них – большая шишка в «Биба» (Бигасанг Байян), как называется японский центр, занимающийся реквизициями риса.

Мария улыбнулась. – Я читаю «Патнубай»!

Рамос еще довольно долго слушал, как Рохас говорил о проекте независимости, который в настоящее время якобы с благосклонностью обсуждается в Токио. Но Рамос уже отвлекся от этой темы. Он ворчливо сказал Марии: – Лучше бы он рассказал о новом предписании, согласно которому каждый филиппинец в возрасте от 16 до 20 лет должен каждую неделю один день бесплатно работать для оккупантов! Господин министр без портфеля также мог бы упомянуть, что он согнал для японцев уже несколько тысяч филиппинцев, которых на кораблях отвозят в Бирму, чтобы они там строили шоссе и железные дороги! Они там мрут как мухи, англичане на коротких волнах сообщают об этом.

- Ты сердишься?

Мария опустилась на кровать. Она устала. Как долго Франсиско мог бы оставаться тут? Это была, очевидно, действительно безопасная квартира, и они виделись так редко!

Рамос присел к ней. – Я сержусь. Потому что такой мошенник как Рохас может перекручивать правду сколько угодно, а мы не можем распространять правду даже с приблизительно такой же интенсивностью!

Она выключила радио. С улицы доносился гул детских голосов. Наступил вечер.

- Ты останешься?

Рамос кивнул. – До завтрашнего утра. А потом жизнь продолжится.

Он не сказал ей, что в первой половине дня он должен был забрать Касто Алехандрино. Было лучше, если бы она не знала об опасности, которая его ожидала. За голову Алехандрино японцы назначили вознаграждение, так же, как и за головы других руководителей хуков.

Франсиско Рамос вскоре после восхода солнца обходил японские патрули, которые стояли на проходах в рабочий квартал Тондо. Тондо не был закрытым районом, но Кэмпэйти с особым вниманием следил за тем, что здесь происходило. Если бы рабочие восстали подобно аграрному пролетариату на Лусоне, то для оккупантов ситуация могла бы выйти из-под контроля.

У одного бывшего профсоюзного активиста, на которого японцы пока не обратили внимания, вероятно, из-за того, что он жил как инвалид, Рамос надел поношенную крестьянскую одежду и затем покинул город. В лабиринте мусорных куч, поселений из жалких хижин, которые висели на краю Манилы как язвы, Рамос шел к северу, к дороге, ведущей в Санта-Марию. Там он спрятался в густом кустарнике, пока не увидел подъезжающую тележку. Двухколесная повозка с кажущимся заспанным крестьянином на ней, который перевозил стебли ротанга. Запряженную лошаком тележку перегнала колонна японских грузовиков. Водитель бронетранспортера, ехавшего в голове колонны, потребовал от крестьянина пропустить колонну. Еще один броневик замыкал колонну грузовиков. Дорога находилась в зоне действий хуков.

- Ты выглядишь убедительно, – усмехнулся Рамос, когда тележка остановилась перед ним. Касто Алехандрино, широкое лицо которого с узкими глазами напоминало о китайской части его предков, ухмыльнулся.

Они поприветствовали друг друга, отогнали повозку в кусты и привязали лошака на длинной веревке, чтобы он мог пастись. Затем они присели поблизости, в тенистом месте, с которого они в некоторой степени могли осматривать территорию, тем не менее, их самих там не было видно, и они могли не бояться неожиданностей. Алехандрино вытащил из-за ремня брюк японский шестизарядный револьвер и положил его на траву. Затем он вытащил сигареты для себя и Рамоса. Куря, они тихо беседовали; они долго не виделись. Рамос информировал Алехандрино обо всем, что он узнал за последние дни в городе, а Алехандрино кратко описал другу, что происходило у хуков. Ближе к вечеру у них в Тондо должна быть встреча с рабочими. Бывшие члены профсоюза, среди них члены партии. Речь шла о том, чтобы спланировать будущее сотрудничество.

Рамос был не очень уверен. - У нас нет прочной базы в городах, – сказал он. – Причин для этого много. Пройдет еще немало времени, пока мы превратим

существующие тут и там маленькие группы, которые готовы к сопротивлению, в сильную организацию.

- Но нам нужна организация, – указал Алехандрино.

- Тяжело укреплять силы в городах во время борьбы, – отвечал Рамос. – На это требуется много времени, а у нас его совсем мало.

- Так, а ты знаешь выход?

Рамос пожал плечами. – Похоже, что готового решения нет. Организовывать и в то же время сражаться – что еще нам остается!

Алехандрино точно знал, что Рамос затронул центральную проблему. Естественно, при оккупационном терроре только постепенно и с крайней осторожностью можно было организовывать сопротивление в городах. Наряду с этим тяжелым заданием у партии были и другие заботы. Хуки были сегодня однозначно крестьянской армией, хотя ее и возглавляла партия, и она располагала несколькими пролетарскими командирами. Кроме того, партия должна была почти полностью концентрироваться на военной стороне борьбы. Но за чисто военными заданиями политическая работа слишком часто должна была отступать на задний план, и это было не всегда хорошо, прежде всего, потому что движение хуков было в деревне единственным инструментом, который можно было также использовать для политической работы. Классовые организации крестьян и аграрного пролетариата растворились в движении хуков. Первые воздействия уже проявились, когда японцы атаковали. Слабости стали заметными, противника недооценили. После этого горького опыта образ мыслей многих функционеров превратился в свою противоположность, теперь шансы противника переоценивали. Алехандрино подробно объяснил Рамосу, что в партийном руководстве все еще продолжаются дискуссии о правильной стратегии и тактике.

- Мы должны были изменить нашу тактику после первых успехов японцев. Наше руководство выдвинуло лозунг: отступить и защищаться! На этой позиции мы, в принципе, все еще находимся. Ты заметишь, что нам в настоящий момент трудно осуществлять действительно эффективные акции. Мы ограничиваемся подрывной деятельностью. В остальном мы возвратились на базы, обучаем кадры, тренируемся, устанавливаем контакты с деревнями, но у нас все еще нет основной стратегии.

- Может быть, мы исходим из неправильных предпосылок? – спросил Рамос. – Возможно, мы несколько наивны в том, что касается американцев? Мы заявляем, что мы боремся на их стороне за освобождение Филиппин. Но когда мы прогоним японцев – что будет тогда?

Алехандрино махнул рукой. – Это тоже вопрос, который мы обсуждаем снова и снова, Пако. Если честно, то я и сам еще не знаю окончательный ответ. Задай себе только разок такой вопрос: Кто должен возглавить министерство финансов после победы? Ты что-то понимаешь в государственных финансах? Я нет! Я также не знаю никого другого, кто хоть что-то понимал бы в этом. Итак, мы должны будем ориентироваться на длительную переходную фазу, в которой мы должны управлять страной вместе с прогрессивной буржуазией, вероятно, даже с людьми из старого чиновничьего аппарата. В коалиции всех патриотических сил, вероятно. И как мы соберем их? Где они? У тех, кто сегодня действует заодно с японцами? Определенно нет. В «Свободных Филиппинах»? Это всего сто пятьдесят человек, в лучшем случае.

- Сто двадцать, – сказал Рамос.

- Ну вот. Я не хочу тебе дальше читать лекцию обо всем этом, но я очень недоволен тем, что у нас нет никаких далеко идущих мыслей о будущем. Все направлено на борьбу, на военное обучение, на настоящий момент. Но где стратегия на послезавтрашний день? На каждой встрече наших руководящих кадров я задаю те же самые вопросы. Мы мучимся с поиском ответов. В конце концов, мы понимаем, что мы знаем еще недостаточно, чтобы действительно дать ответы. Знания! Ты понимаешь, что я имею в виду? Мы борцы, парень. Стихийно поднявшиеся на борьбу, готовые пожертвовать жизнью. Но мы знаем слишком мало.

- С другой стороны, однако, дорога к настоящему союзу с прогрессивной буржуазией ведет только через успехи нашей борьбы, – заметил Рамос. – Если мы не покажем нации, что мы можем победить врага, буржуазия не объединится с нами. Тогда она предпочтет ждать американцев и снова покориться им.

Алехандрино кивнул. – Это наша дилемма. Мы должны бороться. Но мы не знаем, не пренебрегут ли однажды нашими жертвами, не отодвинут ли нас просто в сторону. Сражаться – это наш долг перед народом. Кто позже извлечет пользу из этой победы – об этом ты не можешь спрашивать меня сегодня!

Довольно долго они молча сидели и курили. С улицы время от времени доносился шум проезжавших автомобильных колонн. Алехандрино вставал и осматривался; холмистая территория, покрытая кустами и низким лесом. Можно было видеть городскую окраину. Маленькие поля с овощами. Грозди бананов, пальмы.

Нам нужно было бы иметь университет, думал Рамос. Институты, в которых мы научим коммунистов, чтобы они могли управлять экономикой, которую мы хотим вырвать из когтей буржуазии. Мы должны были бы обучать медиков и естествоиспытателей – мечты.

- В городе есть всего шестьдесят граммов риса на день, – сказал он, когда Алехандрино снова подсел к нему. – Рохас и его присные объясняют людям, что, мол, приверженцы хуков виновны в этом. Якобы это они украла рис.

Алехандрино устало кивнул. – Я слышал об этом. И мы даже не можем опровергнуть эту ложь. И все же мы будем продолжать борьбу за рис. Мы должны делать это, это одна из немногих возможностей сократить войну. Японцы нуждаются в нашем рисе. Они везут его на своих грузовых судах в Японию или своим войскам на юге. Если мы отнимем у них этот источник питания, то солдаты тэнно вскоре практически не смогут больше сражаться.

Рамос улыбнулся. – Идеальной ситуацией было бы, если бы хуки распределили среди голодающего городского населения тот рис, который они захватывают. В деревнях мы делаем это. Но в городах...

- Я поговорю об этом с рабочими в Тондо, – сказал Алехандрино, – и объясню им, в чем тут дело. Нужно открыто сказать им, ради чего им приходится голодать.

- Мало кто придет на такие встречи, – обратил Рамос его внимание. – Я пробовал все, что было возможно, но количество будет маленьким.

- Страх?

- И страх тоже, – ответил Рамос. – Но еще больше нерешительность. Часто летаргия. Явления, которые мы немного преодолели в деревнях. В городах они еще преобладают.

- В деревнях, – произнес Алехандрино задумчиво. – Парень, если мы будем честны сами с собой, то нам следовало бы сказать: в Центральном Лусоне. Где еще нам удалось мобилизовать массы? В принципе, мы еще находимся в самом начале. А между тем мир крутится дальше.

Мир, подумал Рамос. Он борется против фашизма, против которого мы выступили еще тогда в Испании. И, кажется, что фашизм не проходит. Уже был Сталинград. Немецкая армия потерпела уничтожающее поражение. Японцы перешли к обороне. Собственно, надежда существует. Совсем иначе, чем тогда в Испании, где фашисты смогли подавить нас своим перевесом. Сегодня они сами чувствуют, что значит быть разбитыми.

Алехандрино поинтересовался: – Когда у нас первая встреча?

- В пять часов.

Алехандрино посмотрел на солнце. Когда он увидел, что Рамос взглянул на свои наручные часы, то с улыбкой сказал: – Мне нужно достать новые часы! Старые остались в болоте, у Кандабы.

- Теперь нам нужно идти, – предложил Рамос. – Могут еще случиться непредвиденные задержки.

Алехандрино кивнул. – Пойдем, Пако, не будем раздражать себя тем, что будущее еще туманно.

Они использовали пути, которые Рамос уже знал, к югу, вдоль края города, всегда думая о безопасности. Несколько раз они обнаруживали японские патрули, но смогли обойти их незамеченными.

Когда они пришли в Тондо, они еще устроили короткий отдых. Алехандрино вспомнил, что он давно не видел Конвея, и спросил: – Что делает американец? Его жена в безопасности? А ребенок? Это была девочка?

- Девочка, – подтвердил Рамос. – Они в полной безопасности. Эндрю и без того большую часть времени проводит в разъездах. Он не мог оставаться на гасиенде. Если мне правильно сообщили, то он находится у одной группы к северу от Сан-Фернандо. Через две недели я, вероятно, снова встречу его, мы договорились. Газета «Свободных Филиппин» хочет подробно рассмотреть действия спрятавшихся в горах американцев, и я проконсультируюсь с Эндрю, прежде чем напишу об этом.

Алехандрино махнул рукой. – Еще одни хлопоты. Сколько я уже слышал об этих так называемых американских партизанах! Они создают нам много проблем, иногда можно было бы подумать, что они воюют не с японцами, а с нами!

- Они воюют за свое будущее, – согласился Рамос, – не за наше. Мы же, напротив, чувствуем себя ответственными за победу, которая будет в первую очередь их победой, если мои предчувствия меня не обманывают.

У Алехандрино не было желания продолжать разговор на эту неприятную тему. Все это дело было непрозрачным. Или, наоборот, слишком прозрачным, в зависимости от того, как на него смотреть.

- Пойдем, – сказал он. – Не нужно заставлять товарищей ждать.

На гасиенде «Фелиситас» японский отряд ранним утром проверял склады. Никакого риса там не нашли. Командир отряда потребовал от Фелиситас Конвей ответа, но та спокойно объяснила ему, что, к сожалению, ничего нельзя поделать, так как партизаны уже на полях забирают урожай и вывозят его.

- Мои люди безоружные, – говорила она. – Они не могут защищаться.

Командир японцев был недоволен. Его сопровождал филиппинский закупщик из Сан-Фернандо, который был знаком не только с Фелиситас, но и с ее мужем и который знал, прежде всего, какой пост занимает ее отец в Маниле. Поэтому он лишь осторожно заметил: - К сожалению, невозможно будет снабдить ваших людей оружием, госпожа Конвей. Причина вам известна.

- Естественно, известна! Между тем все другие гасиендеро содержат группы вооруженных охранников. Только мне это не позволено, так как мой муж – американец.

- Ему следовало бы сдаться, – заметил закупщик. – Это было бы лучше для вас и для него.

Фелиситас кратко ответила: – Скажите ему это сами. Я больше не видела его с начала войны. Вероятно, он погиб.

Она замолчала. Разумеется, она точно знала, где он был. Но этот закупщик был инструментом японцев, так что это его не касалось! Она также при этом посещении снова заметила, что оккупанты, очевидно, уважали ее отца. Это хорошо. Но, несмотря на это, рис они не получают.

Фелиситас подождала, пока солдаты не удалились. Когда один из рабочих сообщил ей, что они уехали на своем грузовике, она вернулась в дом. На веранде висел маленький гамак с ребенком. Ребенок спал. Фелиситас слегка толкнула гамак, чтобы он начал качаться. Ребенок, собственно, появился неожиданно. Эндрю испугался, когда она призналась в этом ему. Но он немедленно все обдумал: – Ребенок, это всегда хорошо! Мы ведь все равно хотели детей, ну и что с того, что он родится не в самое благоприятное время! Не вешай нос, радуйся. Втайне он думал, что, вероятно, это хорошо, так как кто может знать, останусь ли я в живых? Но он не сказал это Фелиситас. И он не догадывался, что и она думала то же самое.

Гасиенда как будто вымерла. С начала нападения Конвей сократил свиноводство до минимума. Он не хотел набивать своими продуктами животы японских солдат. Поэтому «Фелиситас» сегодня производила только то, в чем нуждались жители самой гасиенды и действующие в окрестности отряды хуков. Перед японцами Фелиситас оправдывалась трудностями, которые были у нее, когда ее муж исчез и также большинство сельскохозяйственных рабочих.

Когда в этот полдень на ферме вдруг появился ее отец, молодая женщина сначала испугалась. Дон Рикардо Торрена больше не приходил к ней в гости с момента ее брака, кроме того, он и без того жил в Маниле; дела своего поместья он поручил управляющему. Он перед войной занимал важный пост в партии националистов, и теперь дон Рикардо снова стал политически активным. Вместе с его старыми друзьями Лаурелем и Варгасом он вошел в созданный

оккупационными властями Консультативный государственный совет. Дон Рикардо был маленьким, щедушным мужчиной, в котором нельзя было увидеть его упорную энергию. Он выглядел грациозным, и его белоснежные волосы могли ввести в заблуждение каждого, кто не знал его точно и не знал, что этот старик каждый день целый час мог скакать галопом на лошади, никогда не жаловался на здоровье, и несмотря на свои шестидесять лет как богатый вдовец был заметной фигурой в светском мире Манилы, который развился под защитой японцев.

Дон Рикардо не знал никакой морали, если речь шла о деньгах. Также в своих романах он не был особо деликатным. Но одно качество было у него выражено сильно: определенная тесная связь с семьей. Если речь шла о члене семьи Торрена, то дон Рикардо мог даже отказаться от политических привилегий и проявить солидарность.

Таким образом, хотя ему вообще совсем не понравилось то, что его единственная дочь вышла замуж именно за этого прибежавшего американца, но ему никогда и в голову не пришло бы отвергнуть ее. Наоборот, в последнее время он все больше переживал за нее. Информаторы сообщили ему, что у нее родился ребенок, и что мать с ребенком чувствуют себя исключительно хорошо. Окольными путями дон Рикардо сумел по возможности держать японские патрули и закупочные отряды подальше от гасиенды «Фелиситас». Многие люди, которые работали в ВІВА, японском центре скупки риса, зависели от благосклонности дон Рикардо. Они приобретали эту его благосклонность, оставляя в покое его дочь. Что касалось американца, то дон Рикардо к этому времени уже узнал, что он нигде не был зарегистрирован как умерший, а также не появился в списках интернированных. Эндрю Конвей исчез. Знала ли Фелиситас, где он находится? Или он действительно умер где-нибудь, без свидетелей? Если да, тогда это нужно было бы рассматривать в качестве лучшего выхода из всего этого дела. Овдовевшая дочь с ребенком, такое было во многих семьях.

Однако дон Рикардо не рассчитывал на такую неприятную правду. Его дочь не скрыла от него, что Эндрю сражался в подполье. Кроме того, она упрекнула его в том, что он добровольно вошел в зависимость от японцев. Она избегала выражения «коллорационист», но не вызывала сомнений в том, что она думала о деятельности своего отца.

Торрена приехал на машине. Японцы предоставили ее в распоряжение ему, с тех пор как он занял новую, ответственную функцию. Он стал руководителем организованного оккупантами «Управления по экономическим вопросам», органа власти, который должен был систематически превращать Филиппины из поставщика сырья для США в поставщика для Японии.

Собственно, старик приехал для того, чтобы убедить дочь переселиться в Манилу. Там в его кругах жилось легче, чем в деревне. От японцев эти круги

получали много привилегий и могли наслаждаться общественной жизнью. Клубы, манежи для верховой езды, кино, театры и вечеринки. Управляющий смог бы руководить гасиендой. Теперь дон Рикардо узнал, что он приехал зря.

– Твой муж у американских партизан? – спросил он осторожно. У него еще была искра надежды. Но дочь сделала пренебрежительный жест.

- У этих партизан-лентяев! Они только жрут и пьют, да ждут, когда Макартур вернется! Нет, он у хуков.

Конечно, ведь Эндрю Конвей был коммунистом. Нужно было опасаться, что он прибьется к этому сброду, который хотел сделать из Филиппин что-то вроде советской республики. Что делать? – думал Дон Рикардо, в то время как он сидел на веранде рядом с гамаком с ребенком. Он легко качал младенца и при этом размышлял. Довольно долго он играл с мыслью, что здесь помогла бы, вероятно, только твердость. Дать почувствовать Фелиситас, кем она была без защищающей руки отца. Но все же дон Рикардо решил действовать мягко. Это моя дочь, сказал он самому себе. А ребенок – моя единственная внучка. Этого американца можно будет образумить позже. Вероятно. Будущее покажет. Он попробовал поговорить с дочерью в деловом тоне.

- Послушай, дитя мое, – начал он спокойно, – тебе действительно может со стороны показаться, что я человек, который предает страну. В действительности это иначе. Ты должна научиться понимать тактические ходы как те, что они есть на самом деле. Я говорю открыто с тобой. Мы все знаем, что японцы практически уже проиграли эту войну. Они застревают повсюду, вынуждены перейти к обороне, и американцы скоро отгонят их назад на их острова.

- А затем они возвратятся сюда и накажут коллаборационистов, – злобно ответила Фелиситас.

Отец оставался спокойным. Он кивнул. – Они сделают это. Вот только, если ты видишь в этом опасность для меня, то я могу тебя успокоить, со мной ничего не случится.

- Все-таки ты служишь японцам. Одно дело, когда приходится просто жить в захваченной врагом стране, но совсем другое – помогать врагу грабить оккупированную страну.

Старик покачал головой. – Ты не все видишь, моя девочка. Позволь мне просветить тебя. Для Америки победа над японцами – это только вопрос времени. Но если не удастся скоро прекратить деятельность хуков, то мы все здесь внезапно столкнемся с новой силой, которая окончательно оспорит наши владения у нас. Речь идет ни о чем другом, кроме как предотвратить это. Все, что делают такие люди как я, служит предотвращению этого. Да, до определенной границы мы даже помогаем японцам, а именно в нанесении хукам как можно

больших потерь. Мы в этом даже гораздо больше заинтересованы, чем японцы. Окажи мне услугу и задумайся на мгновение. Хочешь ли ты однажды лишиться собственности? Должны ли нищие разделить гасиенду между собой, и хочешь ли ты подметать улицу? Так обстоит дело. Я безжалостно объясняю это тебе: Мы используем японцев, чтобы уничтожить наших завтрашних политических противников. И Макартур точно знает это! Он даже сам стимулировал это. Впрочем, это все, вероятно, не так важно. Важно, что твой муж находится у хуков.

Он огорченно покачал головой.

Фелиситас пробормотала: – Отвратительное дело!

Дон Рикардо ответил на это кивком. – Да, отвратительное. Но не забывай, речь также для нас, семьи Торрена, идет о нашем выживании. Поэтому такие люди как мы должны думать в больших измерениях. Не цепляться за сегодняшний день, а планировать завтрашний.

- Хуки тоже это делают.

- Верно. Только вот их планы направлены против нас.

Из гамака донесся тихий голос ребенка. Фелиситас поднялась, взяла ребенка на руки; затем она расстегнула блузку.

Дон Рикардо восхищенно смотрел, как его дочь кормит ребенка. – У нашей семьи есть внучка! Как ее зовут?

- Клара-Мария.

- Как мать! Ты хорошая дочь. Ах, если бы только не эта история с твоим мужем... Ты могла бы поговорить с ним?

Фелиситас слегка пожала плечами. Она предпочитала не признаваться даже своему отцу, что Эндрю иногда появляется на гасиенде, со своими товарищами, в большинстве случаев по ночам.

- Можно мне ее поддержать? – попросил старик, когда ребенок был накормлен. Он взял ее и тщательно рассматривал. Легкие движения качелей, которые он делал, похоже, нравились малышке, она скривила лицо в довольной улыбке.

- Моя внучка!

Дон Рикардо поцеловал девочку в лоб, прежде чем вернул ее матери. Затем он сел, и выражение его лица стало серьезным. – Я только что спросил тебя, можешь ли ты поговорить с твоим мужем, – начал он. – Я не хочу следить за

его конспиративными уловками, они меня не интересуют. Все-таки, кроме того, он член моей семьи, даже если я и не в большом восторге от него. Как бы то ни было, я прошу тебя, чтобы ты передала ему один мой совет. Ты меня слушаешь?

Фелиситас вернулась от гамака к столу и снова села напротив отца. – Я слушаю.

- Хорошо. Сообщи ему, или попроси передать ему через надежного человека, что я очень прошу его, чтобы он подумал о будущем, а именно о его собственном будущем, так же, как о твоём и о будущем ребенка. Я хочу помочь ему, чтобы он пережил не только войну, но и то, что наступит после нее. И так, он должен, как только сможет, покинуть хуков. Он должен спрятаться здесь на гасиенде, а я уже позабочусь о том, чтобы его доставили к американским партизанам, туда, где ему на самом деле место. Позже это даст ему – коммунист он или нет – решающий стартовый шанс. Среди людей, которые после окончания войны будут иметь право кое-что решать в этой стране, я буду не самым незначительным. Я много смогу сделать для вас, и я сделаю это.

Это фантастика, подумала Фелиситас. Что дает ему эту уверенность, с которой он строит такие планы на будущее? В то время, когда тысячи достойных людей живут в джунглях, нападают на японские гарнизоны, ведут войну против завоевателей, за свободную филиппинскую республику!

Она тихо сказала: – Я не знаю, смогу ли я связаться с Эндрю. Это неопределенно. Вероятно, я не свяжусь с ним.

- Попробуйся, – настаивал старик. – От этого зависит многое, для него, и для тебя и ребенка. Всегда нужно сначала думать о себе самом и только потом о великих идеях, что бы под ними ни подразумевали!

Он еще довольно долго уговаривал ее, чтобы она переселилась в Манилу, но Фелиситас отказывалась от этого. Отец понимал, что она не хотела покидать владение, и в определенном смысле он даже гордился ею.

- Хорошо, – сказал он, наконец. – Я не буду терять тебя из виду. Как только я смогу, я снова буду здесь. И помни: ты – Торрена!

Она не стала разяснять ему, что она останется на стороне своего мужа, что бы ни случилось. Она проводила отца к его машине, где водитель усердно открыл ему дверь, с фуражкой в руке. Сенатор Рикардо Торрена, член Консультативного государственного совета, член правления Калибапи, доверенное лицо японцев, глава образованного ими экономического совета. Он махал из опущенного окна, когда машина отъезжала.

Касто Алехандрино устал так сильно, как никогда еще не уставал. Он смотрел на пять человек, которые сидели перед ним на полу бедного жилища в Тондо, и размышлял. Что я еще могу сказать им? Чем я могу рассеять их сомнения? Как происходит так, что они не хотят покоряться своей судьбе, но, тем не менее, не видят способа поддержать нашу борьбу? Эти люди здесь, которых он знал всех без исключения и которые обладали долгим опытом в рабочем движении, объяснили ему без обвиняков, что пролетариат Манилы из-за густой сети японской слежки практически лишен возможности революционной деятельности. Партия и профсоюзы были запрещены. При самом незначительном признаке непокорности японцы сразу назначали суровые наказания. Саботаж японских морских перевозок был неслыханно труден. При случае удавалось повредить грузы. Однажды стивидор смог открыть в трюме корабля клапан, из-за чего вода затопила груз. Но все это было лишь незаконченной работой, очень далекой от организованного сопротивления.

Сначала Алехандрино не хотел признаваться в своих сомнениях, но когда дискуссия стала более жаркой, он понял, что должен пересмотреть свой подход.

- Я думаю, – сказал один из бывших профсоюзных работников, который все еще работал в порту, – что наша страна разделена, Касто. Одна ее половина – это много тысяч баррио с сельским населением. Японцы до сегодняшнего дня все еще не могут ее полностью контролировать. Поэтому там есть хуки, и поэтому оккупанты там, так сказать, находятся в обороне. Другая половина – города. Они твердо в руках японцев, которые, кроме того, могут полагаться на наших старых политических противников. У нас здесь есть только один выбор, либо сидеть тихо, либо стоять перед их штыками. Я нахожу это состояние невыносимым, и я готов еще сегодня уйти с тобой в лес, чтобы сражаться.

Алехандрино покачал головой. – Мы должны сражаться здесь, товарищи. Здесь в городе!

- Но как? – спросил другой. – На десять рабочих приходится один шпион. Любая попытка заново основать запрещенный профсоюз, сразу наказывается смертью. Ты знаешь, сколько хороших людей мы уже потеряли при таких попытках.

- Я знаю.

Алехандрино знал число тех, которые были приговорены и казнены.

- Мы должны начать все совершенно по-новому. Собрать вокруг себя единомышленников, но так, чтобы противник пока что не обратил внимания. Создавать ячейки, которые постепенно установят контакт друг с другом.

- Мы это делаем. Но остается еще очень долгий путь, пока такие ячейки смогут проводить действенные акции. А мы должны были бы уже делать это уже сегодня, чтобы поддержать вас. Сегодня, не послезавтра. Мы просто не можем это.

Спор снова возобновился. Алехандрино сменил тему. – А вы смогли бы, по крайней мере, распространить правду о борьбе за рис?

Один довольно старый участник совещания медленно сказал: – Мы изо всех сил пытались это сделать, Касто. Ты можешь пройтись по Тондо и спросить в каждом доме. Тебе скажут, что это правильно, что японцы не получают рис. Лучше пусть он сгниет в болоте.

- Мы думаем над тем, как мы могли бы доставить рис к вам, – сказал Алехандрино. – Мы знаем, что они заставляют вас голодать. Но не так просто перевезти тонны риса через японские заграждения в город.

Старик возразил. – Не переживайте из-за нашего голода, Касто. Бейте японцев. После этого мы снова сможем есть больше.

Бывший профсоюзный работник из порта сказал: – Голод – не самое худшее, он бывал у нас и раньше. Неуверенность хуже. Если шпион, который следит за моей семьей, разузнает, что я был не на петушиных боях, а здесь, тогда уже завтра вечером меня больше не будет. И моей семьи тоже.

- В баррио, – начал Алехандрино, – следят не за крестьянами, а шпионами. Они знают, что их сразу убьют, если их узнают.

- В баррио есть хуки, – задумчиво ответил старик. – Здесь их нет.

Алехандрино вскочил. – Черт побери, здесь есть вы! Вы тоже хуки! Чем мы можем вам помочь? Дать вам оружие, чтобы вы смогли защищаться? Взрывчатку? Скажите мне!

Мужчины один за другим качали головой. – Такой квартал как Тондо ты сможешь за час заблокировать и прочесать двумя полками. Они перестреляют нас как куропаток.

Чего вообще можно было добиться? Алехандрино снова и снова задавал себе этот вопрос. Разумеется, эти люди здесь были мужественными; они встречались с ним, хотя это могло стоить им жизни. Но не могло ли это стоить жизни так же каждому бойцу хуков, если он принимал участие в какой-то акции? Но это было, пожалуй, кое-что другое. Они были солдатами. Их винтовки придавали им уверенность в том, что с умом и предусмотрительностью можно разбить противника. Этой уверенности не было у людей в Тондо. Они никогда не испытали на своем опыте победу, никогда не ощущали чувство превосходства

после боя. Это заставляло их колебаться. К этому добавлялась забота о семьях. Правда, в деревне все это было не совсем просто, но там ситуация выглядела по-другому. Попытки японцев с помощью шпионов выследить членов семей хуков провалились. Каждый баррио был похож на молчаливую крепость. Следить за ними было невозможно.

- Наши сыновья должны сражаться у вас, – попросил старик, – представлять Тондо.

Алехандрино посмотрел на него с удивлением. Старик указал на вход в дом. – Они ждут снаружи. Их восемь. Их отобрали для принудительных работ в Бирме. Они сбежали из порта, прежде чем их посадили на корабль. Мы спрятали их.

Алехандрино сразу стало ясно, что он чуть ли не совершил ошибку, недооценивая чувство солидарности, на которое были способны эти люди. Нет, они не были трусами, так же, как и их сыновья, которые хотели стать партизанами. Они были надежными товарищами, как всегда. Только их силы в этом месте и в этот момент не хватало для того, чтобы совершить решающее. Кто мог бы их упрекнуть?

Маленький мальчик появился в хижине, босой, грязный, с проворными, карими глазами. Он крикнул: – Петушиный бой сейчас заканчивается! Мгновенно он снова исчез.

Профсоюзный активист поторопил: – Тебе пора уходить, Касто. Мы заманили шпионов на петушиные бои, отвлекли их. Будет лучше, если они ничего не заметят.

Они обнимали Алехандрино, один за другим. Старик почтительно прикоснулся к револьверу, который торчал за поясом у Алехандрино. Затем он повернулся и вышел.

Снаружи ждал Рамос. Он слушал гул голосов, который доносился с маленькой площади, на которой происходил петушиный бой.

- Что меня сердит больше всего, – сказал ему Алехандрино, – они, вероятно, позволили шпионам выиграть пари, чтобы удержать их там, эти собаки!

- Ты возьмешь с собой этих восьмерых парней? – хотел знать Рамос.

- Еще бы, Пако! В конце концов, они же должны представлять Тондо!

Он был в особенном настроении. Недовольный, и все же у него было такое чувство, что никто не был виноват в том, что обстоятельства развивались таким образом. Можно ли как-то приблизить будущее, если считаешь это желательным?

- Нельзя произвольно ускорить исторические процессы, Касто, – сказал Рамос, когда Алехандрино доверил ему свои мысли. – Все, что мы можем делать, это продолжать терпеливо работать. Не отказываться ни от кого, кто принадлежит к нам. Это гонка. Еще не решено, кто выйдет победителем.

В одном из открытых канализационных каналов, которые они должны были пересечь, чтобы выйти из города, к ним присоединились восемь молодых парней. Блестящие глаза на смуглых лицах. Касто Алехандрино был для них почти легендарной личностью; они рассматривали его почтительно.

Он по очереди протянул им руку. – Вы знаете, что вы рискуете жизнью?

Самый молодой из них ответил, улыбаясь: – У нас нет ничего больше, чем мы могли бы рискнуть.

В руке он держал длинную бамбуковую палку, конец которой был заострен как нож.

- За мной, – скомандовал Алехандрино. Когда они оставили за собой узкую тропинку, пересекающую канал, последний ступил ногой в грязную, вонючую воду.

Рамос смотрел им вслед, пока темнота не поглотила их. Затем он снова вернулся в город.

USAFFE

Несмотря на кровопролитные бои у Масантоля и Миналина, после которых военное командование хуков отдало приказ отойти в надежные убежища, собрать силы, и некоторое время выжидать, абсолютной передышки не было. Постепенно старая уверенность в себе возвращалась в отряды хуков и соблазняла их повторять ту же ошибку: они снова концентрировали большие силы в тех местах, которые хоть и были труднодоступны, но о которых они не догадывались, тем не менее, что японская разведка уже знала о них. Эта концентрация хоть и позволила партизанам более рационально проводить политическую и культурную работу, но японцы вследствие этого снова получили шанс наносить ощутимые удары. Они не стали делать это сразу. У них еще были хлопоты с несколькими меньшими подразделениями хуков, которые распыленно действовали в стране.

Так, например, японская воинская часть численностью примерно 300 человек в маленьком местечке Гандуе в провинции Сан-Фернандо была атакована в январе 1943 года и потеряла около трети своей живой силы.

В конце того же месяца разведчик хуков у Кантунги, поблизости от Араята, обнаружил японскую колонну из ста солдат, которая собиралась перейти реку. Он сразу же побежал к своим товарищам, и была подготовлена засада. Как только японцы добрались до другого берега, их атаковали с трех сторон. Единственным путем отхода оставалась река. Бой затянулся на несколько часов, и японцы вызвали по радио подкрепление. Подошли еще сто японцев. Но еще до того, как они смогли развернуться, им уже пришлось вступить в бой. Борьба шла с возрастающей жесточенностью. Наконец у японцев остались только штыки, так как патроны у них закончились. Только немногим удалось ускользнуть с наступлением темноты.

В начале февраля Касто Алехандрино провел в Араяте акцию особенного вида. Он с самого начала понимал, что успех ее был бы скорее психологическим, чем военным. Все же, он снова и снова вспоминал о своих беседах в городах, и это заставляло его дать рабочим импульс. Они должны были, наконец, увидеть реальные возможности, которые крылись во взаимодействии с бойцами хуков.

Касто Алехандрино был до японской оккупации демократически избранным мэром города Араят. Теперь, в первые дни февраля, японцы назначили в этом городе нового мэра. С этой целью был устроен праздник, в котором должно было принять участие население. Они этим хотели продемонстрировать, что под японским протекторатом на Филиппинах развивается собственная государственность. Это соответствовало пропаганде японцев, особенно с учетом обещаемого ими «предоставления независимости».

Касто Алехандрино отобрал из своего отряда около двухсот бойцов, с которыми он за день до инаугурации марионеточного мэра выдвинулся к Араяту. Большинству своих людей он приказал занять позиции вокруг города. Японцы, а также местная полиция, не заметили эту подготовку. Сам Касто Алехандрино с маленькой группой проник в город. На площади перед зданием коммунального управления была поставлена трибуна и выстроена полиция.

Когда «мэр» взял слово, люди Алехандрино молниеносно окружили полицейских и направили на них, ошеломленных, револьверы. За пару минут они были обезоружены. Затем партизаны заняли общественное здание, освободили арестованных, и забрали оружие полиции.

В этот момент «мэру» удалось вытащить спрятанный в кармане брюк пистолет и неожиданно выстрелить в одного хука.

Часовые японского гарнизона, который размещался на удалении нескольких улиц, подняли тревогу. Несколько десятков японцев прибежали с винтовками, но они прибыли слишком поздно. Перед общественным зданием произошла короткая перестрелка, в которой был убит «мэр». Затем люди Алехандрино ловко отступили, что было для них нетрудно в толкотне любопытных. Таким образом, японцы нашли только обезоруженных полицейских. Они преследовали Алехандрино, но он был уже вне города. Еще несколько часов японцев гоняли с одного конца маленького города до другого, так как отовсюду, где заняли позиции бойцы Алехандрино, по ним стреляли.

Японцы отказались назначать нового «мэра» для Араята.

Фото 33. Песо USAFFE, командования американских войск на Дальнем Востоке. Одно из средств платежа, которые американские военные органы нелегально ввозили на Филиппины во время японской оккупации. Оно служило важной психологической цели. Песо должно было возвестить, что США сохраняли свои притязания на власть на Филиппины, и не были под впечатлением от народного движения.

Когда уже казалось, будто бы хуки вернули себе инициативу для стратегического наступления, японцы приняли решение атаковать подразделения хуков, которые были сконцентрированы для обучения и подготовки.

На широкой лесной территории близ Кабиао в провинции Нуэва-Эсиха в начале марта 1943 года в тесном пространстве собрались примерно десять отрядов хуков. Эта местность – она находилась недалеко от того места, где было основано движение хуков – казалась военным командирам абсолютно безопасной. Среди партизан пребывали высокопоставленные руководители освободительного движения, в том числе братья Хесус и Висенте Лава, а также главнокомандующий Луис Тарук. На территории спрятались несколько военных госпиталей, школ и других важных учреждений.

Фото 34. Луис Тарук среди хуков

Собственно, военные руководители хуков уже должны были бы быть предупреждены, так как несколькими днями раньше в деревне Сан-Хулиан, в непосредственной близости от этой лесистой области, произошел бой с японскими войсками численностью более двухсот солдат. Четыре отряда хуков, которые принимали участие в этом бое, были вынуждены отступить далеко в провинцию Нуэва-Эсиха, но также и там они всюду наталкивались на патрули противника. Наконец, им удалось оторваться от врага и отступить в лесной массив.

Но руководство хуков все же чувствовало себя в безопасности. Поэтому японцам удалось совершенно спокойно сомкнуть кольцо окружения. Они использовали для этого больше пяти тысяч солдат, у которых были минометы и легкая артиллерия. Еще пять тысяч вооруженных полицейских из Constabulary участвовали в акции.

5 марта японцы нанесли удар. Сначала подразделение Constabulary проникло в лес и устроило там значительное замешательство. К тому времени японцы заняли все переправы через реки и выходящие из области дороги. Затем прилетела эскадрилья японских бомбардировщиков и сбросила свои бомбы на лагерь хуков. Другие самолеты стреляли трассирующими снарядами по высохшим кустам вокруг лесного массива и подожгли их. Затем японцы и полицейские атаковали одновременно.

Партизаны в неразберихе потеряли контроль. Их действительно смяли. Поэтому командованию, в конце концов, не оставалось ничего иного, кроме как дать приказ бойцам отдельными маленькими группами прорывать кольцо окружения.

Касто Алехандрино смог с одной группой ускользнуть ночью по руслу реки. Другие спасались в примыкающих с запада болотах. Но там их тоже бомбили. Кроме того, скоро у них больше нечего было есть и пить. О раненых не было возможности позаботиться. Всюду, где японские солдаты сталкивались с хуками, вспыхивали ожесточенные ближние бои. Десять дней японцы прочесывали лесистую область, разрушали учреждения хуков и убили значительное количество партизан. Другие попали в плен, среди них также Хесус Лава, который как врач ухаживал за ранеными хуками. Его не узнали, и однажды ночью ему удалось ускользнуть.

Японцы особенно жестоко мстили раненым, попавшим в плен. Они отвозили их в близлежащие деревни, в которых, как они знали, были сочувствующие партизанам, и заставляли сельских жителей смотреть, как раненых мучили до смерти. Одним из них был Витальяно Мансансала, прогрессивный молодой адвокат, который с самого начала сражался в рядах партизан. Японцы привели его в Кабиао, где они медленно убили его лопатами на куче навоза. Его труп они повесили вниз головой на дереве, и прибили к дереву табличку, на которой можно было прочесть: «Так мы поступаем с каждым хуком!»

В конце большая часть отрядов хуков была уничтожена, многие руководящие кадровые работники погибли или оказались в плену. Когда японцы 15 марта прекратили операцию, они могли занести на свой счет значительный успех.

К тем, которых эта катастрофа не застала врасплох, принадлежал Хуан Тесос, бывший солдат, присоединившийся к хукам на Батаане. К этому времени он стал разведчиком в отряде замечательного командира Димасаланга, действовавшего к северу от окруженной зоны. Димасаланг (настоящее имя Хосе де Леон, прим. перев.) сразу же организовал отвлекающие атаки в тылу японских войск. Вследствие этого многим хукам удалось выскользнуть из лесного массива. Но отряд Димасаланга, к которому позже присоединились еще два подразделения, в конечном счете, не смог существенно изменить исход битвы.

Когда борьба достигла своего апогея, Хуан Тесос внезапно явился к своему командиру. – Разрешите мне отправиться к американцам, их лагерь находится на удалении полдня пути отсюда, – попросил он. – Они могли бы нам помочь.

- Ты имеешь в виду этих вечно выжидающих «партизан»? – Димасаланг заряжал свою винтовку и одновременно разговаривал с Тесосом. – Ты ожидаешь от них помощи?

Тесос пожал плечами. – Вероятно, если с ними поговорить. В конце концов, японцы — это также их враги.

Димасаланг не особо надеялся на это. Он не доверял американцам, так как они прекрасно нашли общий язык с Constabulary и с дружественными Японии землевладельцами. Но помощь была бы уже желанна, все равно с чьей стороны. Кроме того, эти американцы владели очень современным оружием. Димасаланг знал, что Тесос сделал это предложение не для того, чтобы улизнуть перед боем, и, наконец, согласился.

- Хорошо. Расскажи им, что здесь происходит. Но – ты не должен упрашивать их, слышишь? Они только должны исполнить свой долг, не более того!

И вот Хуан Тесос пробирался по примыкающей к лесистой области территории, пока он после нескольких часов пути не добрался до местности, в которой царило полное спокойствие.

Он уже издалека заметил первого часового, но и тот тоже увидел приближающегося чужака. Только когда оба мужчины стояли один напротив другого, они узнали друг друга. Тесос озадаченно воскликнул: – Доминго, это ты?

Часовой, филиппинец того же возраста, что и Тесо, служил вместе с ним в одном подразделении. Доминго Диас был сыном портного из Манилы. Когда он теперь увидел перед собой своего бывшего товарища, он удивленно спросил: – Откуда ты взялся?

Он громко засмеялся, когда Тесос сказал ему, что он был у партизан. Доминго Диас убежал с его американским командиром из Батаана сюда. Он хвастался тем, что у них здесь ни в чем нет недостатка, непочтительно постучал пальцем по лбу и сказал: – У тебя, наверное, была минута слабости, когда ты связался с этими крестьянскими бунтарями! Почему бы тебе не присоединиться к нам? Здесь есть куча людей из нашего подразделения.

Тесос вежливо разъяснил ему, что для него вполне естественно быть с крестьянскими бунтарями, так как он и сам сын крестьянина.

Диас выслушал это с сожалением. Он заверял, что он мог бы это понять, но он сказал: – Жаль. У этих парней нет шанса. Они растратят свои силы в боях с японцами, а когда Макартур вернется, им крышка. Тогда мы придем туда.

Он повторил свое предложение замолвить у своего командира словечко за Тесоса, но Тесос отказался. Он потребовал поговорить с командиром.

- С майором Лэпхэмом? – Доминго Диас покачал головой. – Только звания, начиная с лейтенанта. Мы – воинская часть!

- Но я должен доложить ему одну просьбу!

Фото 35. Роберт Лэпхэм (третий слева) и его «лусонские партизаны» (Luzon Guerrilla Armed Forces, LGAF).

Наконец, Тесоса привели к сержанту, высокому и сильному американцу, который приветливо встретил его, предложил ему пиво, настоящее американское пиво, и спросил его, не хочет ли он поесть.

Тесос отпил глоток, затем перешел к делу. Он рассказал о боях, в которых участвовали большие части партизан, и о возможности облегчить им прорыв. Сержант выслушал все терпеливо, затем покачал головой.

- Мне жаль. Если я доложу командиру, он откажется. Но я все же попытаюсь. Правда, я только завтра утром смогу поговорить с ним, он вне лагеря. Ложись спать там в хижине. Я распорядюсь, чтобы ты получил продукты, завтра утром.

Тесос понял, что его миссия практически провалилась, но он решил пока еще не сдаваться.

В лагере размещалось примерно сто бывших солдат, преимущественно американцев. Они были хорошо вооружены, имели достаточно еды, и жили в разбросанных по территории хижинах из листьев нипы, которые были только посредственно замаскированы. Филиппинцы, которые находились здесь, принадлежали к филиппинским вспомогательным войскам; большая часть их отступила сюда из Батаана. Они занимались караульной службой, в то время как американцы едва ли заботились об охране лагеря. Тесос обнаружил хижину, в которой была установлена радиостанция, он видел также штапеля ящиков с боеприпасами и минами. Когда он спрашивал нескольких филиппинцев о боях, он всюду получал один и тот же ответ: – Мы ждем в засаде, пока американцы не атакуют. Тогда и мы приступим к действиям.

Следующим утром сержант сообщил ему, что с командиром не удалось связаться, но Тесос должен был еще подождать. Во второй половине дня, когда Тесос дремал в выделенной ему хижине, он внезапно услышал свое имя. Диас искал его. Филиппинец проверил, чтобы никто за ним не следил, потом он пролез в хижину и зашептал: – Забудь, от кого ты это узнал, дружище, забудь, что ты вообще знаешь меня, но постарайся как можно скорее убраться из лагеря.

- Почему? – спросил Тесос удивленно. – Есть опасность атаки японцев?

Диас покачал головой. Затем он тихо сказал: – Они обманывают тебя. С командиром связь есть, он живет в нескольких километрах отсюда в особенном лагере. Мера предосторожности. Он знает, что ты здесь. Сержант получил приказ задержать тебя, пока тебя не смогут передать в руки Constabulary.

- Но это же измена!

- Называй это, как хочешь. У нас есть договоренность с Constabulary сообщать о каждом хуке, который тут появится.

- И Constabulary сотрудничает с японцами!

- Ну, такова жизнь, дружище. Беги, больше я тебе ничего не могу посоветовать!

Вечером Тесос последовал этому доброжелательному совету и улизнул. Ему удалось незаметно покинуть лагерь и еще в ту же ночь добраться до своего отряда. Димасаланг с интересом выслушал его донесение.

К тому времени бои стихли. Рассеянные в лесном массиве Кабиао подразделения хуков снова собирались вне кольца окружения. Отряд Димасаланга еще неоднократно совершал атаки, но теперь из окружения приходили только лишь отдельные борцы.

Между тем новость о том, что пережил Тесос, распространялась своим путем и обсуждалась в штабе. Штаб должен был решить много важных вопросов: необходимо было заново сформировать рассеянные подразделения и занять новые, лежащие вразброс лагеря. Но нужно было занять и определенную позицию также относительно продемонстрированной американцами враждебности. Для многих в штабе хуков случившееся с Тесосом не было сюрпризом; оно только подтверждала ту позицию, с которой снова и снова сталкивались в прошлом и которая теперь, кажется, укреплялась. Американцы дистанцировались от этого вооруженного народного движения, в программе которого кроме непосредственного освобождения Филиппин от японцев был также ряд политических задач на будущее, задач социального вида, прежде всего, однако,

конечная цель – свободная республика, в которой должна была быть устранена эксплуатация американским монополистическим капиталом. Это была иллюзия, что американцы даже в час притеснения со стороны японцев могли бы быть готовы вместе с аграрными пролетариями и рабочими бороться за их отдаленные общественные цели.

На одной из первых встреч командования хуков после кровопролитных боев весной 1943 года Касто Алехандрино еще раз высказал свои представления о позиции американцев. Он был настроен очень скептически, и у него были серьезные причины для этого. В свое время, когда японцы уже наступали на полуостров, он с Фернандо Сампангом пробился на Батаан, чтобы поговорить со штабом Макартура о сопротивлении.

- Майор Клод Торп принял нас, – Алехандрино теперь еще раз напоминал об этом событии своим товарищам. – Мы знали, что до войны он достаточно часто участвовал в допросах наших людей, это делало его для нас не особенно приятным. Все же мы предложили ему объединить наши силы против японцев. И к нашему удивлению он согласился.

То, что произошло потом, было достаточно запутанным. Майор Торп пообещал сотрудничество вплоть до общности, до единства действий. Он даже пошел на то, что вручил обоим представителям хуков официальный документ американского командования, который называл их признанными американцами «партизанскими командирами» и уполномочивал их также включать в свои отряды отставших от своих американцев. Торп далее пообещал своим собеседникам, что доставит им оружие и боеприпасы из американских запасов.

После крушения американской обороны на Коррехидоре Торп остался на Филиппинах. Ему удалось организовать безопасный лагерь в горах Самбалес и собрать вокруг себя боеспособных людей. Одним из его первых решений было послать трех своих офицеров к хукам, чтобы договориться о координации действий сопротивления. Его представители два месяца оставались в штаб-квартире хуков. Переговоры не были простыми, но, наконец, было запланировано создание совместного штаба. Каждому подразделению хуков, однако, наряду с выполнением приказов штаба, по-прежнему предоставлялась бы полная свобода действий.

Фото 36. Летающая лодка PBY («Каталина») американцев доставляет на Филиппины из Австралии обученных агентов OSS. Во время таких тайных высадок войска хуков нередко защищали американцев от сюрпризов со стороны японцев.

Фото 37. Хуки выходят из джунглей. Так же, как здесь, они во многих местах выходили к высадившимся американцам, чтобы приветствовать их. Они делали это, думая, что встречают союзников. В большинстве случаев их разоружали и отправляли в лагеря. «Союзники» не были готовы даже разговаривать с ними.

- Мы все знаем, что было дальше, – рассказывал Алехандрино. – Вскоре после этого соглашения Торп довольно таинственным способом попал в японскую засаду и был убит. Его место занял майор Джайлс Меррилл. Его высадили на побережье с подводной лодки, он прибыл непосредственно из штаб-квартиры Макартура. И он дал нам понять, что соглашения, достигнутые с людьми Торпа, недействительны. У него были категорические директивы Макартура, которые требовали совсем другого подхода. Какого именно – об этом он никогда не говорил нам. Но мы постепенно почувствовали это. Общности больше не было. Было лишь одновременное, параллельное сосуществование. И теперь есть угроза того, что оно превратится в противостояние, как мы видим. Конечно, есть и исключения. Все же, они не должны мешать нам видеть реалии.

Фото 38. Командиры американских партизан на Филиппинах. Роберт Лэпхэм, Эдвин Рэмси, Джэйлс Меррилл, Алвин Фаретта, Джон Бун, Рэй Хант, Бернард Андерсон. Манила, апрель 1945 г.

Такие исключения действительно были. Три американских офицера, которые договаривались с хуками по приказу майора Торпа, не остались в подразделении Меррилла. Они разошлись в различных направлениях, на свой страх и риск организовывали группы партизан из оставших от своих солдат и сотрудничали – каждый сам по себе – с хуками. Но также и здесь вмешался «случай». Двое из них были выданы японцам предателями и погибли. Лишь третий, Бернард Андерсон, выжил. Его подразделение действовало на юге Лусона, всегда поддерживало дружеский контакт с хуками и уже добилось значительных успехов. В отряде Андерсона сражались некоторые из самых известных прогрессивных буржуазных политиков Филиппин, среди них знаменитый писатель Амадо Эрнандес.

Фото 39. Амадо Эрнандес

Макартур между тем консультировался с Вашингтоном. Там тоже были озабочены тем, что окрепшее националистическое движение могло бы оспаривать у Соединенных Штатов их возобновленные права распоряжаться на Филиппинах. Накапливались признаки того, что радикальные силы усиливали свое влияние на островах, и даже части буржуазии присоединялись к ним. Поэтому США прибегли к инструменту, который был только что создан: OSS, «Управление стратегических служб», первая разведывательная служба Соединенных Штатов, которая еще главным образом занималась военными диверсиями. Генерал Уильям Donovan, шеф, поручил руководителю политического отдела OSS генералу Кортни Уитни заняться Филиппинами.

Фото 40. Уильям Donovan

Фото 41. Кортни Уитни

Уитни завербовал живущих в США и в других местах филиппинцев, которые были готовы к безусловному сотрудничеству с Америкой, и отправил их в разведшколу недалеко от Брисбена в Австралии. Несколько сотен филиппинцев

обучались там тому, как вести себя в оккупированной стране, как не попасться в сети японцев, и как подрывать влияние хуков вместе с группами USAFFE. В Брисбене их учили, что для достижения возобновленного американского доминирования над островами пригодны любые средства. Так диапазон тактических вариантов простирался от подкупа руководящих кадров хуков до убийства не желающих сотрудничать командиров и даже до косвенной или прямой выдачи подразделений хуков японцам.

С первой группой диверсантов Макартур послал теперь на Филиппины американца, который пользовался его особым доверием, некоего Роя Таггла, некогда служащего горнодобывающей компании, ныне призванного в армию. Таггл к тому времени уже отправил руководству хуков письмо, которое хуки могли понять только как требование капитуляции. В письме говорилось: «Каждая организация, которая отказывается признать нас как верховное командование, будет рассматриваться американскими войсками как незаконная банда, и с ней будут обращаться соответственно. Убийство или взятие в плен каких-либо филиппинских граждан будет рассматриваться и наказываться нами как умышленное убийство».

Руководители хуков, которые сидели вокруг Касто Алехандрино, молча слушали, когда он зачитывал ультиматум Таггла. Луис Тарук оперся головой на руки. Когда Алехандрино закончил, он сказал: – Вместе с тем у нас теперь есть только один выбор. Мы либо должны подчиниться американцам, отказавшись при этом от наших целей, либо мы будем отныне считаться их врагами.

- Это именно так, – согласился Алехандрино. – У нас даже не осталось бы права защищать наше собственное население от коллаборационистов. Не будем обманывать сами себя, все это уже больше не имеет никакого отношения к войне против Японии, это начало политической борьбы, борьбы за послевоенные Филиппины!

Снаружи, перед покрытой листьями хижинной, в которой совещалось командование, была ночь. Сменялись часовые. Женщины готовили пищу. После короткого ужина, споры продолжились. Каждый из участников знал, что речь шла о серьезном решении. В конце совещания большинство собравшихся высказались за то, чтобы не отступать от позиции общей борьбы против Японии. Не существовало никакого другого пути, даже если нельзя было закрыть глаза на становящуюся все более открытой измену американцев.

На следующее утро посыльные отправились в путь, чтобы передать отрядам хуков приказ командования: избегать каких-либо конфликтов с группами USAFFE. Стрелять в ответ можно только в самом крайнем случае. Лозунг звучал так: Если мы уже и не действуем вместе, то мы ни в коем случае не хотим бороться друг с другом.

Большинство подразделений хуков старались придерживаться этого, но также впоследствии нельзя было избежать того, что происходили бои, в которых хуки сражались против групп USAFFE. При этом доходило до гротескных ситуаций, как в провинции Нуэва-Эсиха, где подразделения USAFFE совместно с Constabulary предприняли совместную большую операцию, которой командовали известные коллаборационисты. Наконец, когда хуки начали брать верх, японские офицеры в штатском платье, которые принимали участие в операции как наблюдатели на стороне Constabulary, позвали на помощь японские войска. Для партизан все больше вырисовывалась чрезвычайно сложная ситуация – борьба на два фронта.

Фото 42. Хосе П. Лаурель занял пост президента Филиппин милостью Японии. Фотография изображает его на инаугурации в Маниле 14 октября 1943 года.

Японцы, которые почувствовали внутренний конфликт среди своих противников, отреагировали на это дальнейшими попытками расщепления, чтобы получить максимальные преимущества из возникшего положения. Они приняли разработанный комиссией под руководством Лауреля и Рохаса проект «конституции» и позволили 11 октября 1943 года торжественно провозгласить в Маниле «независимость Филиппин». Так называемая конституция предусматривала что-то вроде национального собрания, членами которого должны были быть наполовину губернаторы провинций и мэры, которых назначал президент, то есть, проверенными коллаборационистами. Руководство «Калибапи» назначало другую половину «депутатов».

Также дон Рикардо Торрена вошел в это национальное собрание. Он все больше беспокоился о своей дочери и ее ребенке, но теперь он понимал, что он не сможет изменить взгляды Эндрю Конвея. Нигде не было и следа Конвея. Агенты сообщали, что среди хуков есть какой-то американец, которого зовут Энди. Больше ничего нельзя было узнать.

Президентом национальное собрание выбрало Хосе Лауреля, который организовал правительство из надежных коллаборационистов. Министр иностранных дел Кларо Ректо тогда сразу же после провозглашения «независимости» заключил также военный союз с Японией. Почти четыре недели спустя президент Лаурель объявил войну США.

Фото 43. Кларо М. Ректо

Это все не особо волновало ведущих политиков Соединенных Штатов. У американцев было много знакомых в кабинете Лауреля и в национальном собрании, и они знали, что большинство членов при возвращении Макартура тут же переориентируются и сразу снова встанут на сторону Соединенных Штатов. Да, они были бы тогда даже очень надежными политиками, так как они были бы у Америки в руках. Если они будут покорны указаниям США, то американцы готовы представить для публики их роль коллаборационистов таким образом, как будто они получили от США полномочия для виду сотрудничать с японцами, чтобы предотвратить японские репрессии. Если же они не будут подчиняться, то их бросят на съедение возмущенному народу.

Мануэль Рохас, который с полного согласия Макартура умело балансировал в кабинете Лауреля, в это время непрерывно поддерживал через посредников связь с американцами. Он подгонял японцев оказывать военную помощь при «наведении порядка» в стране, что не означало ничего иного, кроме использования японской армии против хуков, чтобы уничтожить как можно больше их до прибытия американцев. И Рохас исполнял эту роль настолько превосходно, что он уже теперь мог быть уверен, что американцы однажды вознаградят его по-царски.

Военная мощь хуков, между тем, не ослабевала. Летом и осенью их войска уже снова всюду атаковали. Японцам больше нигде не удавалось нанести по ним новый решающий удар. Японские войска непрерывно несли потери, транспортные пути становились все более небезопасными. Производство все

больше и больше сокращалось. Между тем сеть Макартура на Филиппинах становилась все более плотной. Группы USAFFE получали снабжение с подводных лодок, которые теперь почти безопасно появлялись на побережье островов, так как японский военно-морской флот к этому времени уже понес такие потери, что у него больше не было полного контроля акватории вокруг Филиппин.

Так однажды в конце 1943 года в штабе хуков появился молодой боец, который был отправлен в Лейте, чтобы поддержать там организацию подразделений хуков.

Он сообщил Алехандрино, Таруку и нескольким другим, что он видел собственными глазами: – Подводную лодку ожидали уже несколько дней. Я знал об этом от одного члена подразделения USAFFE, с которым у меня был контакт. Он филиппинец, который служит у американцев. С его помощью я смог добраться к месту высадки. В Лейте вообще можно довольно свободно передвигаться. Японцы почти не преследуют американцев, там царит что-то вроде перемирия.

Он подошел к висевшей на стене хижины карте и показал место высадки. – Это здесь. Широкий залив с глубокой водой. Напротив пляжа начинается мелководье. Поэтому все, что привезла подводная лодка, нужно было доставлять на сушу на надувных лодках. Подлодка огромная. До войны у американцев не было таких больших подлодок. На берегу люди USAFFE выстроили оркестр, он непрерывно играл «Поднять якоря» и «Алоху» и подобную музыку, пока шла выгрузка. Мой знакомый рассказал мне, что там было несколько тонн материала всякого рода. Автоматы и винтовки, пулеметы, мины и оружие, которое называют базуккой. С ним пехотинец может стрелять гранатами, горизонтально, прямой наводкой, также по танкам. Ботинки и форму также привезли, целые упаковки этого, и еще чай, табак, шоколад, радио, медикаменты и палатки.

Он положил перед Алехандрино пачку сигарет. Вместо обычной фирменной упаковки на ней была фотография Макартура, и под ней было написано: «I shall return».

- Это значит: «Я еще вернусь», – пояснил молодой человек. – Они после выгрузки праздновали всю ночь напролет, пока колонны носильщиков несли весь этот материал внутрь острова. Оркестр играл, они откуда-то привели несколько девушек. Танцевали, пили, смеялись. Ближайшая воинская часть японцев располагается точно в четырех километрах от этого места. Невозможно, чтобы там не обратили внимания. Но ни один японец не появился. Есть впечатление, как будто бы японцы избегали какого-либо столкновения с американцами. Мой знакомый из отряда USAFFE еще говорил мне, что теперь каждый месяц к ним будет приходить такая подводная лодка. Во многих местах на

Лейте должно происходить подобное. Я не могу это доказать, я только слышал об этом.

Александрино заметил: – Да и кто сможет это доказать когда-нибудь! Мы это знаем, этого нам достаточно!

Он поблагодарил молодого человека и отпустил его. Затем штаб собрался и обсуждал новую ситуацию. Очевидно, американцы готовили свое возвращение. Как нужно было вести себя?

- Мы будем сражаться, – сказал Тарук. – И американцы будут считаться с тем, что мы сражались. После победы они должны будут принять нас как политическую реальность.

- Действительно ли они будут должны сделать это? – Александрино был настроен скептически.

Снаружи в лагере группа вернулась с вылазки, принесла японские трофеи, пулеметные ленты, штыки. Кто-то подобрал самурайский меч. Он показывал его всем, и бойцы вытащили свои боло, отточенные ножи-тесаки. Японский меч казался тонким в сравнении с тяжелыми лезвиями боло.

- Он придуман не для боя, – объяснил, наконец, один. – Им отрубают голову пленным.

Они сворачивали свои сигареты из кукурузных листьев и молчали. Женщины помешивали рис, который варился на кострах. Запах мяса поднимался в воздух. Будет еда!

В конце 1943 года хуки в Центральном Лусоне снова наступали всюду. Широкая равнина этого региона была почти полностью под их контролем. Им часто удавалось блокировать подъездные пути японцев в Манилу. Партизаны снова назначали в провинциях Булакан, Пампанга и Нуэва-Эсиха губернаторов провинций, которые были членами движения хуков. Японцы, которые – несмотря на их маневры с независимостью – стремились и дальше поддерживать тотальное господство в стране, ответили на усиление движения сопротивления новым террором. С одной стороны, они еще сильнее подкупали своих приверженцев, с другой стороны, они усилили борьбу против хуков. Но они не могли заставить население выдавать хуков; ни обещанием, что каждый, кто сдаст японским властям живого или мертвого хука сразу получит пятьдесят килограммов риса, ни акциями, при которых агенты выискивали в деревнях людей, подозреваемых в сотрудничестве с партизанами.

Потери японцев возрастали.

Генерал Макартур получил из Вашингтона инструкцию усилить его «тактику размягчения» с помощью тайной заброски последующих агентов. После перелома в войне в Европе, которого добился Советский Союз, Соединенные Штаты со своей стороны смогли действовать активнее на Тихом океане. Так родилась концепция «прыжков с острова на остров». Захваченные японцами области в южном Тихом океане должны были быть постепенно отвоеваны с помощью морских операций, вследствие чего сократился бы «путь до Токио». Японская империя тогда оказалась бы уязвима перед налетами авиации, которая взлетала бы с аэродромов на тихоокеанских островах. Можно было предсказать, что японцы больше не смогут добиться решающего поворота в ходе войны; их силы ослабевали.

Отвоевание Филиппин занимало вначале скорее политиков, чем военных. Эмиссары Вашингтона обсуждали ситуацию с Макартуром в Австралии.

Фото 44. Конвои и посты из двух часовых на дальности прямой видимости друг от друга, это было единственной возможностью для японцев во время их оккупации поддерживать свое транспортное сообщение, по крайней мере, на самых важных дорогах в тех регионах Центрального Лусона, где действовали хуки. Как только японцы теряли бдительность, партизаны наносили удар.

- В руках хуков уже есть несколько провинций! – возмущался Макартур в беседе с одним конгрессменом. – Они еще не провозгласили свое «правительство», но это может случиться в любой момент. Мы попали бы в очень сложную ситуацию, если бы мы после нашей высадки, так сказать, обнаружили в Маниле коммунистов на высоких постах. Правительству следовало бы немедленно начать соответственные мероприятия, чтобы у нас оставался еще один год времени.

В действительности опасения Макартура в некоторой степени были близки к реальному положению вещей. И поэтому Соединенные Штаты начали новый вариант психологической войны, которая уже явно была почти не направлена

против японцев. Она была нацелена уже далеко в будущее: президент Франклин Рузвельт осенью 1943 года публично объявил, что Соединенные Штаты сегодня рассматривают Филиппины уже в качестве государства, которое почти суверенно. Поэтому Соединенные Штаты предпримут формальное подтверждение этого суверенитета как можно раньше, как только ситуация это позволит. Под этим понималось отвоевание островов. Рузвельт далее предложил уже теперь проверить те законы, которые до начала японской оккупации регулировали отношения с Филиппинами в экономике и в торговле. Новые законы должны были гарантировать, что Филиппины в будущем будут располагать стабильной экономикой. Он также предложил, чтобы Соединенные Штаты участвовали в восстановлении разрушенных войной городов и объектов на Филиппинах. Конгресс согласился с этими декларациями Рузвельта. Они должны были усыпить мысль, что после победы над Японией сначала надо будет добиться независимости от бывшей колониальной державы США, и, с другой стороны, приструнить тех коллаборационистов, которые еще не «сидели на двух стульях», то есть, все еще безоговорочно ставили на Японию.

Однако конгресс принял одну оговорку, которую можно было заметить только при тщательном изучении материалов. В ней как раз и говорилось, что все эти обязательства будут, само собой разумеется, зависеть от заключения соглашения, которое гарантирует сохранение всех тех военных и прочих баз, которые необходимы как для обороны самих островов, так и для защиты интересов США.

Американская коротковолновая радиостанция в Гонолулу на протяжении многих недель в каждой передаче распространяла сообщения о совещаниях по вопросам Филиппин в Вашингтоне, и все новые комментаторы высказывались о том, как благоприятно обстояла ситуация. Эти комментарии в большинстве случаев высказывались на тагальском языке, чтобы они дошли до массы населения.

Франсиско Рамос слушал передачу на английском языке. Он сидел с Марией Флорес в задней комнате «Клуба Алоха», где Марджи Крэйг установила радио. С некоторого времени она снова и снова призывала Марию слушать американские новости. Это абсолютно неопасно в ее доме; японцы не рассчитывали на то, что прямо на их глазах кому-то хватит мужества, чтобы настроить и без того уже запрещенный радиоприемник на вражескую радиостанцию.

Когда программа новостей закончилась, и радио Гонолулу стало передавать музыку, Рамос выключил приемник. Он вопросительно смотрел на Марию. Она скривила уголки рта. – Что можно об этом сказать? Разве это не фарс, что мы теперь получим государственную независимость, так сказать, с двух сторон? Как будто бы они устроили соревнование за расположение филиппинцев!

Рамос зажег сигарету. В «Алохе» всегда имелись сигареты, японские, но также и американские, с рекламной фразой Макартура на пачке «Я еще вернусь».

- Знаешь, – сказал Рамос, – я не предвижу ничего хорошего. Всякий раз, когда американцы устраивают большой шум вокруг какого-нибудь продукта, тогда он оказывается негодным. Он только должен хорошо продаваться.

- Ты думаешь, что все, что они передают от имени Рузвельта, ложь?

Мария знала о его скептическом отношении к американцам. Все же она добавила: – Вероятно, ты слишком пессимистичен, Пако. В конце концов, весь мир смотрит на американцев. Они должны учитывать общественное мнение.

Рамос кивнул. – Они будут его учитывать. Они будут манипулировать общественным мнением так же умело, как они манипулируют желаниями покупателей у себя дома. Они внушат людям точно то, что после победы будет важно для их интересов. Они не будут заботиться о наших интересах. Возможно, снова подтвердится старая истина нашей теории, а именно, что империалистическое государство никогда не откажется от своих владений или привилегий, если только его не принудят к этому так, что у него не останется другого выхода. Знаешь, чего я боюсь?

- Что коммунистическую партию снова запретят?

- Я боюсь, что американцы заставят нас снова бороться за плоды победы.

Они слышали, как в доме кто-то позвал мадам Эстреллу Лопес. До сих пор никто из японцев не подозревал, что эта женщина на самом деле была американкой и собирала здесь ценную информацию для штаба Макартура.

Марджи ответила откуда-то, затем она сбежала по лестнице. Мария подошла к окну. Оно находилось на обратной стороне здания. Внизу она увидела узкую боковую улицу, по которой почти никогда не ездили машины, так как они не могли на ней разъехаться. Здесь и теперь тоже была только карретела, которая остановилась перед задним входом «Алохи». Мария наморщила лоб и жестом подозвала Рамоса. Когда он подошел к ней, из повозки вышли двое хорошо одетых мужчин. Они глубоко надвинули на лоб соломенные шляпы и вошли в дом. Мария размышляла вслух: – Одного я знаю! Кто же это такой, но я уже видела его часто.

- Не ломай себе голову, – посоветовал Рамос, – я знаю их обоих. Сотеро Балуйот и Бениньо Акино.

- Конечно! Да, теперь я вспоминаю! – Мария удивленно взглянула на Рамоса. – Что им здесь нужно?

Это были два влиятельных чиновника так называемого независимого правительства. Свои прояпонские взгляды они не скрывали еще задолго до японской агрессии.

- Они чувствуют выгодное дельце, – сказал Рамос. – Сегодня многие из этих людей начинают восстанавливать старые связи с американцами. Они чувствуют, откуда ветер дует. Ты не знала, что даже президент милостью Японии, Хосе Лопес, поддерживает связь с американцами? Разумеется, не через мадам Лопес; у него есть посредники получше. Миллионеры, которые, между делом, снабжают американских партизан пивом «Сан-Мигель» и виски «Сэйлор Бой» или джином «Олд Сквайр»!

- Можно было бы сказать, что крысы покидают тонущий корабль!

Рамос улыбнулся. – Неправильно! Крысы в согласии с новым капитаном берут в свои руки руль, Мария!

Он отвернулся от окна. На лестнице были слышны шаги. Мадам Лопес с обоими посетителями шла в одну из комнат в конце коридора.

С первого этажа звучала музыка. Оркестр «Алохи» играл японский марш. Очевидно, это было прощание с экипажем подводной лодки, которая этой ночью должна была выйти в море. Можно было не сомневаться, что мадам Лопес знала точное время ее выхода в море. Она передаст эту информацию по своим каналам связи в штаб Макартура, и оттуда будут направлены эсминцы в то самое место, где эта подлодка всплывет через несколько часов.

- Пойдем, – предложил Рамос. Он был рад тому, что он, похоже, до сих пор не привлек к себе внимание японцев. Теперь уже можно было с уверенностью сказать, что за его квартирой не следили. Это значило, что то короткое время, которым он располагал в Маниле, он иногда мог проводить там с Марией.

Они покинули дом через задний вход, не попрощавшись с мадам Лопес. Это было обычным делом. Мадам время от времени разрешала им слушать радио, но она, пожалуй, не была особо заинтересована в более близком знакомстве с ними.

На улице они еще слышали, как дюжина японцев громко горланила: «Банзай».

- Скорее бы уже черт их побрал! – прорычал Рамос.

Возвращение

«Создавайте Национальную народную армию освобождения! Мы призываем всех патриотов к единству! Мы можем стать достойными многих патриотов в

истории нашего народа только благодаря единству и сотрудничеству всех антияпонских сил, все равно, являются ли они солдатами USAFFE или филиппинскими патриотами, антифашистскими революционерами. Независимость нашей страны – это для нас несомненный факт. Сегодня мы как народ переживаем нашу самую жесткую проверку: твердо встать на ноги, поставить национальные интересы выше всего прочего, также выше наших личных интересов.

Вспомните о наших почитаемых народом героях, таких как Лапу-Лапу, Бонифасио или погибшие на Батаане. Поднимитесь над личной мелочной ревностью, разногласиями, фракционными интересами!

В память о наших национальных героях: участники сопротивления на Филиппинах, соединяйтесь!

Штаб Хукбалахап».

С этим и похожими призывами и листовками хуки в первые месяцы 1944 года усиленно призывали к единству всех жителей Филиппин. Борьба за рис продолжалась. Чем меньше риса доставалось японцам, тем раньше они должны были бы капитулировать. Агитаторы хуков снова и снова провозглашали этот простой расчет в деревнях. Одновременно заново сформированные подразделения умело сражались против оккупационной армии. Десять тысяч мужчин и женщин образовывали вооруженное ядро хуков. Следующие десять тысяч в деревнях и маленьких городках принадлежали к их резерву. Они проходили базовую военную подготовку, занимались снабжением, а также служили связниками с населением. К этому времени примерно полмиллиона филиппинцев активно поддерживали движение сопротивления. Но если сравнить это количество с общей численностью населения, составлявшей примерно 16 миллионов, и при этом учесть, что эти 500 000 сочувствующих жили почти без исключения в центральной и южной части острова Лусон, тогда можно было увидеть, что хукам не удалось существенно расширить свою первоначальную сферу влияния. В этом была одна из их решающих слабостей.

Также призывы к патриотическим чувствам населения могли произвести эффект только там, где бойцы Хукбалахап уже добились у японцев контроля над страной. В больших городах, также в Маниле, отрядов хуков не было. Те из рабочего класса, кто присоединялся к хукам, как правило, бросали свое окружение, отправлялись в деревни, жили среди сельского населения и сражались там в полностью непривычных для себя условиях.

Так как освобождение все приближалось, командование Хукбалахап обсуждало вопрос, было ли тактически правильно еще в нелегальном положении образовать «Демократическое народное правительство», которое заменило бы

живущее в эмиграции правительство Кесона и созданный японцами коллаборационистский режим. Руководство приняло решение провозгласить лозунг: «Создавайте демократическое правительство всех антияпонских сил!» Но массово-политические возможности движения сопротивления были слишком ограничены, чтобы решить эту задачу.

Также не удалось достичь согласия в вопросе о совместных действиях с прогрессивными буржуазными силами; шок из-за склонности филиппинской буржуазии к коллаборационизму сидел слишком глубоко. Таким образом, хотя органы самоуправления в деревнях Центрального Лусона и образовали определенную модель для возможного более позднего народного правительства, но они были слишком слабы и недостаточно широко представлены в политическом отношении, чтобы распространить свое влияние за границы региона.

В первые месяцы 1944 года отряды хуков сделали много, чтобы уничтожить прояпонские банды и подразделения Constabulary, которые открыто сотрудничали с японцами. При этом также снова и снова доходило до столкновений с группами USAFFE.

В это же время специалисты Макартура по психологической войне все более активизировали свою деятельность. В деревнях Лусона теперь все чаще появлялись листовки, в которых население предостерегалось от контактов с партизанами.

Фото 45. Фотография, которая обошла весь мир: Макартур выполняет свое обещание и возвращается. Генерал, который одновременно был одним из самых больших землевладельцев на Филиппинах, позволил сфотографировать себя во внушительной позе, чтобы с самого начала не возникло сомнений о том, что острова снова стали американской колонией. Однажды у командира отряда хуков поблизости от городка Лубао на западе провинции Пампанга появился американский солдат, который назвался Джонсоном, и сказал, что он командует маленькой группой американских солдат, отставших от своих частей. Он просил группу бойцов хуков прибыть в их лагерь, чтобы там договориться о совместных действиях против японцев.

Под командованием Хосе Мабини восемнадцать партизан отправились в путь. Они взяли с собой рис, так как американец намекнул на то, что в его отряде не очень хорошо обстоит дело с продуктами. Хосе Мабини был одним из лучших командиров в Пампанге. Он располагал хорошим политическим образованием и без колебаний согласился помочь американскому подразделению; в конце концов, американцы были союзниками.

Так восемнадцать партизан с тяжелой ношей добрались, наконец, до указанного места возле городка Гуми. Американцы были хорошо вооружены и не похожи на изголодавшихся людей. Они окружили партизан с любопытством. Джонсон незаметно исчез. Несколько позже появилось еще больше вооруженных американцев. Они направили стволы винтовок на озадаченных хуков, обезоружили их и связали. Теперь постепенно появлялись филиппинцы, при виде которых захваченные врасплох партизаны поняли, что они столкнулись с возглавляемой американцами бандой «частных полицейских» гасиендеро из окрестностей.

Связанных привели в Гуми, где их сначала в местной школе жестоко избили прикладами и штыками. На ночь их оставили в школе. Ранним утром их погнали в Мангу, соседний населенный пункт. Там их по очереди закололи штыками.

Лишь одному из бойцов удалось притвориться мертвым. Он был тяжело ранен, но ему удалось с большим трудом уйти, после того, как бандиты исчезли. Он нашел помощь и остался в живых. Когда он доложил о случившемся верховному командованию хуков, вспыхнуло сильное негодование. Но от готовности к сотрудничеству не отказались, только борьба против нанятых гасиендеро бандитов стала более интенсивной.

Однако в филиппинском подполье были также американцы, которые вели себя честно, обстоятельно, из которого многие командиры хуков вопреки всем разочарованиям черпали уверенность в том, что недоразумения, какими бы трагическими они ни были, можно будет выяснить при прибытии американских войск.

В апреле 1944 года американские офицеры из группы USAFFE в Булакане искали контакт с хуком. Они просили о помощи. Дочь одного из их соратников, который еще до войны жил со своей семьей на Филиппинах, была арестована начальником полиции в маленьком городке Тиаонг. Ей угрожала казнь. Американская группа была слишком маленькой, чтобы что-то предпринять. Однако американцы располагали современным оружием, которое они хотели предоставить в распоряжение партизанам, если те им помогут.

На юге Лусона напряженность в отношениях между бойцами движения хуков и солдатами USAFFE была небольшой. Причиной этого не в последнюю очередь

был американец Андерсон, который строго следил за тем, чтобы американцы не нападали на партизан. Поэтому хуки также были готовы освободить американскую девушку.

На рассвете, когда местечко еще спало, они пробрались к полицейскому участку. Они сняли часового и проникли в здание. Они обнаружили коменданта Constabulary, маленького, полного мужчину по имени Хуанито Умали, перед зеркалом; он как раз умывался. Они забрали его с собой, не дав ему времени одеться. Его заставили открывать камеры тюрьмы; много сочувствующих хукам были освобождены. Американка была заперта в темном карцере. Она была очень слаба, и ее пришлось уносить на руках. Умали лично неоднократно допрашивал ее, при этом он ее избивал и прижигал своей сигарой ее груди и живот.

Спустя один день в присутствии американцев собрался партизанский суд. Также пережившая мучения американка присутствовала на нем, как и ее отец. Умали обвинили в жестоком обращении с гражданскими лицами. Некоторые из освобожденных описывали, как бесчеловечно он обходился с ними. В конце процесса для него потребовали смертной казни. Никто не высказался за помилование, также никто из американцев. Отец девушки, который со слезами на глазах благодарил партизан за освобождение своей дочери, теперь подошел к бамбуковому столу, за которым сидел трибунал. – Я прошу, – сказал он, – разрешить мне самому привести приговор в исполнение.

Судьи посмотрели друг на друга. Ни у кого не было возражений. Американец объяснил: – Это должно было бы быть моим делом: освободить ее. Я этого не мог; вы сделали это. Но казнить этого типа должен я, я сделаю это для вас.

После того, как приговор был приведен в исполнение, группа USAFFE снова рассталась с хуками. Но она оставила им оружие, которое одолжила им для этой операции.

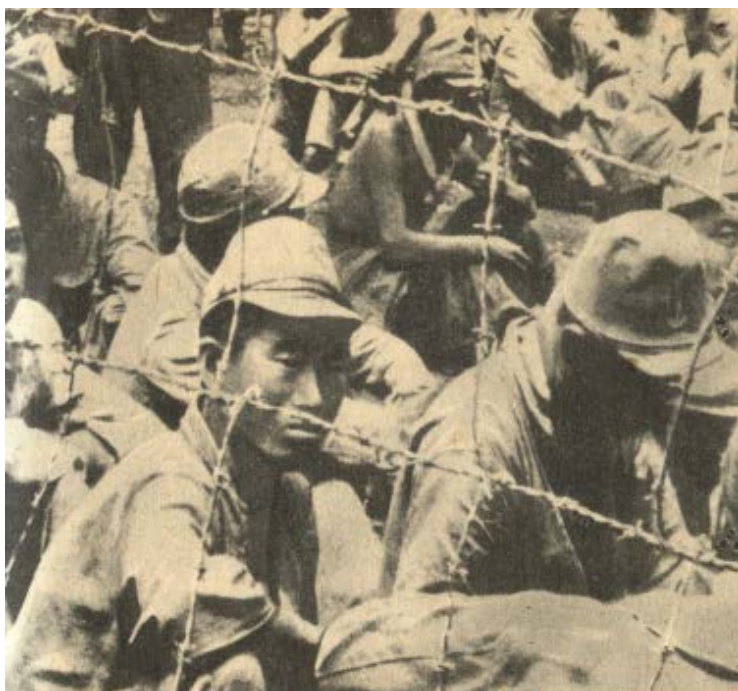
Хесус Лава, которому удалось ускользнуть из-под ареста, и который с тех пор занимался подпольной работой в Маниле, по поручению командования хуков установил в том же месяце контакт с Андерсоном. Возникла необходимость вывести Хесуса Лаву из Манилы, так как один агент проследил за курьером до его убежища, и теперь существовала опасность, что японцы в любую минуту могут его арестовать. Хесус Лава, который превосходно говорил по-английски, должен был через Андерсона связаться с Макартуром, чтобы предложить ему помощь хуков при высадке американских войск, а также провести переговоры о дальнейших возможностях сотрудничества. В командовании хуков считали, что потери высаживающихся американцев будут меньше, если одновременно с их десантом отряды хуков ударят японцам в спину.

Андерсон, с которым беседовал Лава, внимательно выслушал это предложение. Он находился в Тайябасе, одной из южных провинций, к побережью которых постоянно приходили подводные лодки из Австралии. Так как он сам в своем лагере не располагал радиостанцией, он попросил через расположенную на берегу Тайябаса радиостанцию передать соответствующее сообщение Макартуру. Ответа не было. Макартур, очевидно, проигнорировал предложение, так как когда несколько позже снова пришла одна из его подводных лодок, и Хесуса Лаву быстро привезли к этому месту, командир подлодки отказался взять его с собой. Он сказал, что у него был категорический приказ не разрешать подниматься на борт ни одному хуку. Макартур уже определил свои планы на будущее.

За прошедший год вооруженные силы американцев в тихоокеанском пространстве настолько усилились в отношении как их численности, так и вооружения, что они могли перейти к полномасштабному наступлению. Не в последнюю очередь этому благоприятствовало то, что ситуация на европейском театре военных действий фундаментально изменилась. Здесь Советская армия с огромными жертвами не только окончательно остановила продвижение фашистов, но и сама перешла в наступление.

Японское командование в то же самое время пыталось оборонять завоеванные в тихоокеанском регионе территории своей еще абсолютно боеспособной сухопутной армией и ослабленными, но, тем не менее, еще отнюдь не разбитыми военно-морскими и военно-воздушными силами. Целью японцев было нанести американским войскам большие потери еще до того, как те смогут слишком сильно приблизиться к японской метрополии. Американцы, со своей стороны, следовали стратегии с помощью концентрированных ударов по восточному флангу оккупированных японцами территории постепенно продвигаться к Филиппинам и японской метрополии. Уже в феврале 1943 года они захватили на Соломоновых островах находящийся дальше всего к югу важнейший бастион японцев Гуадалканал. Позже в том же году американские войска высадились на островах Нью-Джорджия и Бугенвиль. Различные морские сражения еще не принесли решение. К концу года амфибийные силы США уже высадились на Тараве, на островах Гилберта.

Фото 46. Легенда о харакири японских солдат в реальности оказалась не соответствующей действительности. Вместо того чтобы бороться вплоть до самопожертвования, значительные массы японских солдат капитулировали перед американцами. (Здесь изображен лагерь для пленных на Лусоне). Однако американские военные историки еще сегодня часто представляют поражение японцев как «борьбу до последнего конца», вероятно, чтобы превознести свои собственные достижения. В феврале 1944 года настал черед Маршалловых островов. Кваджалейн, Энветок и Рой были захвачены. Хотя японские войска и оборонялись здесь упорно, все же, они должны были уступить американским десантным войскам. Также вдоль северного побережья Новой Гвинеи американцы все дальше продвигались вперед. Одновременно они готовили свой десант на Марианские острова, который должен был стать последним шагом перед нападением на Филиппины.

В середине июня они высадились на Сайпане, меньше месяца спустя на Гуаме и Тиниане. Еще в июле, когда эти острова были захвачены, их аэродромы заполнились американскими бомбардировщиками и истребителями, которые готовились для последующих операций.

Японское командование разгадало намерение американцев и попыталось задержать прорыв к Марианским островам, направив туда почти весь еще оставшийся у японцев флот. В июне у Марианских островов произошла морская и воздушная битва, в которой японцы, однако, потеряли три авианосца и примерно 450 самолетов. И авианосный флот, который еще в 1942 году понес существенные потери при Мидуэе, вследствие этого уменьшился еще сильнее.

В середине 1944 года весь юго-восточный фланг японцев находился под серьезной угрозой. Этот фланг состоял только лишь из немногочисленных баз, у которых едва ли была связь друг с другом. Их снабжение становилось все труднее из-за подавляющего перевеса американских военно-морских сил в акваториях между островами. К тому времени американцы обладали уже относительно надежной цепью снабжения с Гавайев через Маршалловы острова

до Сайпана. Из Австралии тоже проходил маршрут снабжения через Соломоновы острова, а также из северной Новой Гвинеи почти до Молуккских островов, и эти коммуникации больше могли не бояться существенных помех со стороны японских военно-морских сил. И все же генерал Макартур хотел абсолютно избежать любого риска для тылового обеспечения, прежде чем он начнет вторжение на Филиппины. Поэтому он также в середине сентября приказал захватить самый северный остров Молуккских островов Моротай. Отсюда дорога до сердца филиппинского архипелага составляла всего лишь примерно 1500 километров. Благодаря этому была приобретена самая удобная исходная позиция для завоевания Филиппин.

В первой половине сентября американская 38-я авианосная ударная группа нанесла первые массивные воздушные удары по целям на филиппинском острове Минданао и на Висайских островах. Пятью неделями позже бомбардировщики той же группы впервые атаковали Лусон, при этом они одновременно нанесли новые серьезные потери японскому флоту в акватории вокруг островов.

Ранним утром 19 октября 1944 года флот американских авианосцев и других крупных надводных боевых кораблей появился перед северо-восточным побережьем филиппинского острова Лейте. На протяжении суток прибрежные территории обстреливались тяжелой корабельной артиллерией, между тем волны американских палубных самолетов снова и снова атаковали обороняющиеся японские войска. Лейте не принадлежал к наиболее сильно укрепленным бастионам японцев, наоборот, на острове находились – в сравнении с размером самого острова – только относительно слабые силы японской армии. Так после двадцатичетырехчасовой бомбардировки и обстрела 600 десантных катеров американцев утром 20 октября смогли довольно беспрепятственно добраться до побережья Лейте. За несколько часов они высадили на сушу 25 000 солдат.

Через два дня после слабого сопротивления японцев был взят город Таклобан, главный город острова. Аэродром сразу же был переоборудован для четырехмоторных бомбардировщиков.

Казалось, как будто бы с захватом прибрежной полосы, а также столицы провинции и ее аэродрома цель наступления для генерала Макартура пока что была достигнута, так как он приказал своим войскам, чтобы они ломали оставшееся японское сопротивление на Лейте по возможности без существенных собственных потерь. Это привело к затягиванию боевых действий, которые затянулись еще на месяцы.

Зато значительно важнее для Макартура была инсценировка одного политико-пропагандистского мероприятия. Из Австралии на самолете срочно был доставлен бывший вице-президент филиппинского «самоуправления» Серхио

Осменья, который два месяца назад, когда президент Кесон умер в эмиграции, занял его место по желанию Макартура.

В еще закоптелом от боев здании аэродрома Таклобан у генерала была короткая беседа с Осменьей. Макартур обратил его внимание на то, что Филиппины, само собой разумеется, подчинялись американским военным законам, и по этой причине полномочия президента были ограничены. Одновременно он потребовал от него указывающие направление политические речи, которые должны были стать основой дальнейшего «сотрудничества» между Соединенными Штатами и Филиппинами.

Фото 47. Серхио Осменья

Осменью проводили в комнату, где он продиктовал свою речь секретарю. После того, как Макартур прочитал и исправил ее, джип отвез теперь «исполняющего обязанности филиппинского президента» к оставшейся исправной радиостанции Таклобана, через микрофоны которой Осменья обратился со своим программным заявлением к тем жителям Филиппин, у которых были радиоприемники. Это были по существу богатые буржуа и гасиендеро, которым удалось спрятать приемник от японцев или купить его во время войны на черном рынке.

Фото 48. Генерал Макартур с Осменей (справа), президентом-преемником Филиппин, на Лейте, вскоре после американской высадки на этом острове. После этого инструктажа Осменья произнес по радио речь, в которой уже отчетливо проявлялась будущая политика США на Филиппинах. Сначала Осменья похвалил достижения американских войск, он выразил свое почтение Макартуру, победителю, который обещал, что вернется, и теперь исполнил это обещание. О многолетней борьбе простого народа против оккупантов он ничего не говорил; о хуках он даже не упомянул.

Будущие общественные отношения на Филиппинах Осменья описал в довольно расплывчатых выражениях. Он ограничился обычными банальностями, которые всегда производят хорошее впечатление при поводах вроде этого: «Жить свободно...», «добиться благосостояния...», «быть одной единой семьей довольных людей...», и так далее.

Зато очень целенаправленно и вплоть до отдельного слова с Макартуром было согласовано то, что Осменья – пусть даже под определенным давлением ситуации – говорил, например, об отношении к тем людям, которые стали коллаборационистами японцев.

- Некоторые чиновники, – так он излагал, – должны были во время оккупации оставаться на своих должностях, чтобы выполнять как минимум необходимую административную работу, которая, естественно, была направлена на то, чтобы по возможности защищать население от мероприятий японских оккупантов. Если бы этих людей не было, то Филиппинам был бы нанесен такой ущерб, который уже нельзя было бы исправить.

Тем самым получили защиту закона все те, кто был пособником японцев во время расхищения страны. Но Осменья коснулся еще одной проблемы, которую Макартур непременно хотел услышать упомянутой в его речи: «Само собой разумеется, ни при каких обстоятельствах отдельным лицам или группам не будет позволено вершить суд в делах коллаборационизма».

Но вопрос о том, кто же должен был вершить суд в этих делах, остался открытым. Крупная буржуазия Манилы и гасиендеро, которые заработали миллионы во время оккупации, также сразу поняли, что пообещал им Осменья.

В Маниле, на маленькой вилле, находившейся в тихом районе, который японские патрули беспокоили так же мало, как и все усиливающиеся воздушные налеты американцев, дон Рикардо Торрена внимательно слушал доносящиеся в эфире слова Осменьи. Вокруг него сидели несколько его близких знакомых, бизнесмены как он, финансисты, владельцы шахт, которые собрались на знаменитый вечер. Когда Осменья закончил, дон Рикардо поднял бокал и провозгласил тост за гостей. Выражение его лица было спокойным. Все случилось именно так, как они хотели.

- Господа, – сказал дон Рикардо, – давайте готовиться к будущему. Оно начинается уже сейчас. Благоразумие наших американских друзей достойно восхищения. Они доверяют нам вместо того, чтобы связываться со сбродом, который сидит там в горах и ждет того, чтобы притащить нас на виселицу.

Он на мгновение подумал о своей дочери. Ну да, это было бы еще трудной проблемой. Но все-таки, основа для процветания бизнеса уже появилась.

К тому времени генерала Макарута уже сфотографировали на пляже Лейте. На нем была его знаменитая фуражка, а в зубах он держал свою трубку из кукурузного початка, как ее обычно курят американские фермеры в южных штатах. С максимальной скоростью были напечатаны миллионы пропагандистских листовок, которые американские самолеты сбрасывали над всем архипелагом. Даже над самыми удаленными джунглями падали целые пачки этих листовок, на которых можно было увидеть сияющего Макарута и надпись: «Я вернулся»!

Тогда же японское командование направило все находящиеся в акватории вокруг островов корабли в залив Лейте. Именно там между 23 и 26 октября состоялось самое большое до сей поры морское сражение.

Японцы намеревались уничтожить американский флот, который был занят десантной операцией на Лейте, чтобы тем самым, с одной стороны, не дать американцам овладеть Филиппинами, а, с другой стороны, покончить с американской стратегией «прыжков с острова на остров», которая была возможна только с большими флотскими соединениями. План не удался. Японский флот – вопреки использованию летчиков-камикадзе – уже не обладал прежней боевой мощью. Он совершил тактические ошибки, которые тоже оказали решающее влияние на ход морского сражения. Наконец, также сказалось и то, что американская военная техника за последние два года добилась резких успехов.

Итак, морское сражение в заливе Лейте закончилось полным поражением японского флота, который вместе с тем окончательно утратил свое стратегическое значение. Японцы потеряли три линкора, четыре авианосца, десять крейсеров и одиннадцать эсминцев. В отличие от них американцы заплатили за свою победу потерей только одного легкого авианосца и двух эскортных авианосцев, а также трех эсминцев.

После этой битвы тяжелые и средние военно-морские силы японцев, но, прежде всего, их палубная авиация в акватории вокруг Филиппин были практически устранены. Это обстоятельство позволило Макартуру провести последние десантные операции. Еще до того, как его войска полностью очистили Лейте от противника, другие соединения захватили остров Самар. Затем они высадились на Миндоро. Макартур использовал оставшиеся недели 1944 года для того, чтобы закрепить достигнутые позиции, усовершенствовать линии снабжения и, прежде всего, подтянуть поближе авиацию сухопутного базирования. Вследствие этого стало возможно постепенно усиливать воздушные бомбардировки северных частей Филиппин. Со следующей десантной операцией генерал подождал до 9 января 1945 года. Целью этого десанта был Лусон.

Высадка происходила на побережье залива Лингаен; ей предшествовал сильный обстрел с моря. На всем Лусоне в это время размещалось примерно 150 000 японцев. Макартур высаживался с 100 000 солдатами. Подразделения хуков, общей численностью почти соответствующие количеству высаживающихся американцев, в то же самое время теперь в бесчисленных местах атаковали японские базы, устраивали засады, нападали на гарнизоны и склады. Они смогли настолько ограничить оборонительные возможности японцев, что американцы смогли почти беспрепятственно продвигаться вперед.

Все больше районов в Центральном Лусоне были освобождены от японцев еще до того, как пришли американцы. Так во всей провинции Лагуна больше не было оккупантов, и хуки, еще прежде чем Макартур обосновался в Лингаене, провели свободные демократические выборы губернатора. Хесус Лава стал губернатором Лагуны.

Такой же процесс происходил в провинциях Пампанга и Нуэва-Эсиха, где Кастро Александрино и Хуан Фелео стали губернаторами после свободных выборов.

Между тем бойцы хуков соединились с подразделением командос американцев и провели их глубоко в еще удерживаемую японцами область, до Кабанатуана. Здесь они освободили сотни американских военнопленных, которые в противном случае были бы убиты японцами.

В начале февраля 1945 года американские войска смогли высадиться в бухте Субик-Бей и близ Насугбу. Из обоих пунктов высадки им с помощью хуков удалось достаточно быстро продвинуться вперед. 4 февраля они стояли перед Манилой, где отряды хуков вели уличные бои. Японцы были полны решимости защищать столицу, в крайнем случае, до последнего солдата. Хосе Лаурель, премьер-министр милостью Японии, а также весь его кабинет, были к этому времени уже доставлены в Токио.

Именно подразделение хуков первым подняло в Маниле американский и филиппинский флаги после продлившихся несколько дней тяжелых боев. Столица превратилась в груды развалин. Тысячи зданий легкой конструкции были буквально сметены прочь непрерывными налетами американской авиации. Пожары испепелили целые городские кварталы.

Фото 49. Американская бомбардировка Манилы. После тяжелых разрушений, которые уже в начале войны нанесли столице японцы, американцы теперь в ходе своего возвращения тоже бомбили территорию города, прежде чем они перешли к наступлению. На фотографии изображен дворец Малаканьянгг в отблеске пожаров. Но жители, которые пережили ужасные времена, выбегали на улицы, чтобы приветствовать освободителей. Освободителями были не только американские войска, которые с улыбками махали руками со своих танков, но и сражавшиеся иногда босиком партизаны, которые маленькими колоннами продвигались по городу, выслеживали последних японцев в их укрытиях, и затем устроили себе заслуженную передышку.

Франсиско Рамос был среди тех, кто сделал привал в парке перед дворцом Малаканьянгг. Он в последние месяцы командовал маленьким отрядом вооруженных рабочих столицы и вышел навстречу американцам, окольными путями, чтобы провести их в город мимо заграждений и патрулей японцев. Командир американского подразделения, которое провел Рамос, молодой майор, отдал приказ обеспечить хуков продовольствием. Он обращался с хуками как с союзниками, и бойцы Рамоса черпали из этого новую уверенность. Вероятно, теперь после победы, все же, удастся прийти к честному сотрудничеству.

Фото 50. Манила в огне и руинах

Фото 51. После отвоевания американцами филиппинская столица оказалась одним из наиболее разрушенных городов мира.

Фото 52. Американские войска во время взятия Манилы. Здесь они переправляются через реку Пасиг. В городе к этому времени отряды хуков уже подавили последние очаги сопротивления японцев.

Несколько американских солдат сидели между хуками на газоне перед дворцом Малакьянгг. Они щедро раздавали сигареты и жевательную резинку, открывали банки с говядиной и передавали по кругу бутылки с пивом. Один из них заинтересовался винтовкой, которую держал Рамос. Это было японское оружие, захваченное при нападении на японский пост.

- Можно мне ее попробовать?

Американец зарядил винтовку, вскинул ее и выстрелил в голубя, который сидел на стене. Он промахнулся.

- Плохое ружье!

Рамос засмеялся. – Оно было достаточно хорошим, чтобы попадать в японцев.

Американец весело протянул ему бутылку с пивом. – На, выпей, эта чертовщина заканчивается. До лета мы выкурим Тодзио, и потом снова начнется мирная жизнь.

Он вытянулся на солнце. Рамос спросил его, откуда он.

- Из Лос-Анджелеса.

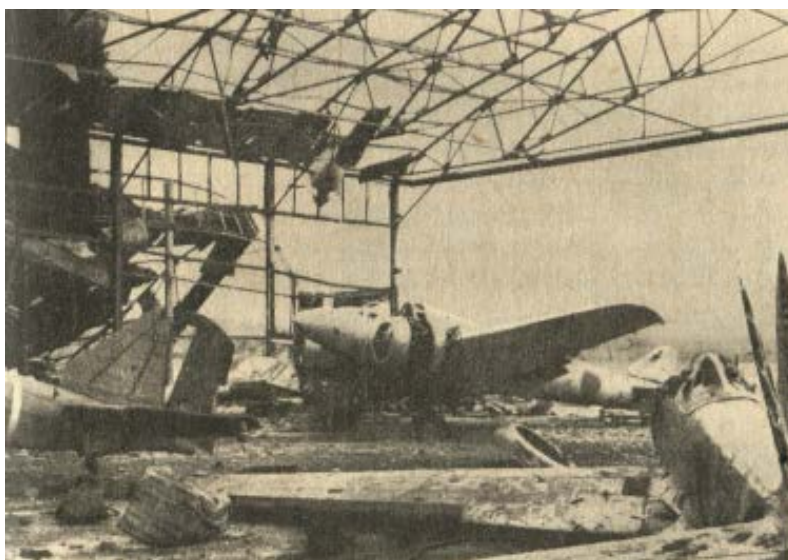
- Красивый город, – заметил Рамос. Американец удивленно взглянул на него.

- Ты его знаешь?

- Я учился у вас.

- И теперь ты здесь с этими крестьянами?

- Это рабочие, – ответил Рамос. Его собеседник кивнул. Ему было все равно. Он высаживался на полудюжине тихоокеанских островов с первым или вторым эшелоном наступающих войск, видел погибших и раненых, сгоревших и умерших с голоду. Теперь вокруг было спокойствие, и все выглядело так, как будто бы жизнь отныне должна была идти более благоразумно. Это настраивало его на веселый лад. Поэтому он также озорно кивнул патрулю военной полиции озорно, который быстро подъехал в джипе. Машина остановилась, из нее вышел сержант, на нем уже были белые перчатки и белая каска. Где только были эти парни, когда мы шлепали по воде на сушу? Ну, ладно, это все закончилось!

Фото 53. Превосходство в авиации было решающей предпосылкой для американского вторжения на Филиппины. Как здесь – на некогда американской авиационной базе Кларк-Филд – японские самолеты часто были уничтожены уже на земле, прежде чем началось вторжение.

- Хуки? – обратился сержант к Рамосу и показал на других вооруженных людей. Прежде чем Рамос смог ответить, американский солдат засмеялся, поднял свою бутылку с пивом и крикнул: – Да, хуки! Подари им нормальную винтовку, это просто позор, что они там носят!

Сержант смерил его взглядом. – Никакого братания, забыл? Проваливайте отсюда, пока мы не перешли на официальный тон, ясно?

Солдат хотел возмутиться, но затем его разум взял верх. Не стоило спорить с военной полицией. Поэтому он только сказал: – Окей, сержант. Я просто поздоровался с бывшим товарищем по учебе. Это же разрешено, или как?

После этого он поднялся и дал знак своим товарищам.

Сержант повернулся к Рамосу. – Вы учились в Штатах?

- Да.

- А теперь? Хук?

- Хук, да, – спокойно ответил Рамос. Сержант задумался. Затем он сказал: – Соберите ваших людей и отведите их к ближайшему посту. Там их зарегистрируют, и соберут их оружие.

Он приложил руку к каске и пошел обратно к джипу. Рамос крикнул ему вслед: – А землевладельцы и их бандиты тоже будут разоружены, сержант?

Американец еще раз повернулся и подчеркнуто сказал: – В тылу американской армии не будет никаких вооруженных штатских. Это приказ. Так что выполняйте его!

Затем он запрыгнул в джип, и тот поехал.

Рамос задумался. Здесь требовалась осторожность.

- Слушайте меня внимательно, – внушал он своим соратникам, – похоже на то, что американцы играют не совсем честно. Поэтому мы сейчас рассеемся. Каждый пусть идет домой или туда, где он может оставаться довольно долго. И пусть каждый возьмет с собой свое оружие, спрячет его, и ведет себя так, как будто он совсем ничего не знает. Ясно?

Когда джип военной полиции немного позже еще раз проехал мимо этого места, от партизан уже не осталось и следа.

Отношение американской армии к хукам уже довольно давно было недвусмысленно определено. Несмотря на это главнокомандующий посчитал необходимым издать более точные директивы непосредственно после высадки. Все чаще бывало так, что подразделения хуков действовали вместе с американскими войсками. Этому нужно было как можно скорее положить конец.

- У нас есть задание разоружить этих людей, рассеять их, и бдительно следить за ними, если они снова соберутся вместе, – объяснял Макартур собравшимся вокруг него уполномоченным по контрразведке. Обсуждение происходило в палатке, на удалении суточного перехода от того места, где высадились американские войска.

Генерал, одетый в свежeweыглаженную тропическую форму, энергичный как всегда, поднял руку, как будто бы он хотел произнести серьезное предупреждение. – Речь идет о мятежных силах, которые могут причинить серьезный вред будущему развитию на Филиппинах. Крестьяне, бунтари, под руководством коммунистов. У нас нет ничего общего с ними. В особых случаях мы

готовы принять их подразделения в новую филиппинскую армию; тем не менее, это лишь камуфляж. Даже если они безусловно подчинятся нашему командованию, они будут распределены по другим воинским частям, их агитаторы будут удалены. Обычный способ – разоружать их и отправлять по домам. Если при этом возникнет сопротивление, то его нужно сломать. Силой оружия, я говорю это определенно и надеюсь, что каждый из присутствующих господ меня понимает.

Капитан Фредерик, который руководил Counter Intelligence Corps – службой военной контрразведки – решительный, всегда по-военному лаконичный молодой человек, выпускник Вест-Пойнта, участник нескольких плаваний на подводных лодках из Австралии на Филиппины, с удивлением слушал сомнения нескольких присутствующих офицеров: все же, борцы хуков были, мол, так сказать, тихими союзниками; на их счету примерно 20 000 убитых японских солдат и офицеров, несколько тысяч сотрудничающих с японцами жандармов и других коллаборационистов. Не существовало ли все же какой-то более элегантной возможности избавиться от них? Например, парад, затем вручение орденов и торжественная сдача оружия с присягой верности новому правительству?

Фредерик поднялся и попросил слова. Макартур нервно кивнул, он хотел, наконец, покончить со всем этим.

- Я не понимаю, почему мы медлим, – говорил Фредерик. – Хуки – это коммунистические войска. Они угрожают интересам США не меньше, чем они угрожали интересам японцев. Одного этого соображения было бы достаточно. Что касается устранения хуков, то никто не требует от нас, чтобы мы проявляли неблагоразумие. Будем ставить этим типам всюду, где мы наталкиваемся на них, ультиматум: сдать оружие и разойтись. Если они откажутся, мы отойдем и предоставим все остальное Constabulary, дальнейшее существование которой мы так или иначе разрешим. Полиция видит в хуках своего смертельного врага. Этим все сказано. Что остается, это парализация руководителей хуков. Мы осуществим для этого специальные мероприятия.

Он сел. Лицо Макартура прояснилось. Фредерик был одним из лучших людей для того, что там предстояло сделать!

- Еще вопросы?

Вопросов больше не было.

Несколько позже один из уполномоченных Фредерика, лейтенант Уилбур («Билл») Литтлфилд, установил контакт с командованием хуков. Он дал знать руководителям освободительного движения, что американское командование ожидает от них, что хуки подчинятся его приказам. Руководители хуков ответили, что они заинтересованы в конференции с американским командованием,

на которой можно было бы обсудить принципиальные точки зрения обеих сторон. Затем Фредерик договорился о встрече с руководством хуков на гасиенде одного из самых богатых людей в Тарлаке. Согласие не было достигнуто, и совещание было перенесено в Каласиао в провинции Пангасинан, где находился штаб 6-й американской армии.

Фото 54. Лейтенант Билл Литтлфилд, 1943.

После очень сдержанного приветствия американские офицеры невозмутимо слушали, когда Луис Тарук говорил о политических целях движения хуков, об их желании играть собственную роль в политической жизни Филиппин после освобождения.

Наконец, полковник Уайт, начальник капитана Фредерика, принял решение: – Господин Тарук, джентльмены, мы – это армия, которая должна установить спокойствие и порядок на Филиппинах. Для этого необходимо устранить всех вооруженных гражданских лиц, которые могли бы помешать нам в этом. Хуки – это как раз такие вооруженные гражданские лица. Поэтому их подразделения должны быть разоружены и распущены, если только они не подчинятся нашему командованию.

Когда один из хуков спросил, не являются ли банды, которые содержат землевладельцы, тоже вооруженными гражданскими лицами, полковник быстро отмахнулся.

- Землевладельцы отвечают перед нами за все действия этих групп. Это совершенно другая ситуация.

- А Constabulary? Она ведь служила японцам! А ее никто не распускает!

Уайт снова ответил: – Constabulary – это законные части охраны порядка нового филиппинского правительства. Кроме того, у нее нет политических целей. Она реорганизуется. Она не представляет для нас опасности.

Согласия достичь не удалось. Руководители хуков покинули и эту встречу, тоже не добившись результатов. Им пришлось осознать, что американцы пришли не как освободители или союзники, а как хозяева.

Эндрю Конвей в течение последних месяцев исполнял обязанности посыльного. В то время как американцы готовились к наступлению на Манилу, он пребывал при 77-м отряде хуков в провинции Булакан. Отсюда он должен был отправиться в Сан-Фернандо, поблизости от которого находилось в данный момент командование хуков. Он должен был передать донесение командира отряда. На обратном пути через к тому времени уже окончательно освобожденную от японцев территорию он встретил группу из примерно тридцати молодых мужчин, которые пришли из Санта-Риты и Сан-Луиса. Они хотели как добровольцы присоединиться к 77-му отряду, действия которого были хорошо известны. Конвей некоторое время отдохнул у этих парней, а затем решил, что пойдет с ними в Малолос, столицу провинции, в которой этот отряд вскоре хотел устроить праздник победы. Ему все равно нужно было туда. Итак, он повел добровольцев, которые по дороге снова и снова расспрашивали его о жизни в освободительной армии.

Придя в Малолос, Конвей попросил их сделать привал на городской окраине, а сам отправился в центр, чтобы посетить там связного.

Он был очень удивлен, когда тот встретил его с очень таинственным видом, сразу же провел его в задний угол своего домика и приказал ему, ради бога, никому не показывать свое оружие и вообще вести себя так, чтобы никто не узнал в нем хука. В городе, как он сказал, находится полковник Карлос Макланг, бывший филиппинский офицер, член USAFFE, который преследует каждого бойца хуков.

- Макланг? – озадаченно спросил Конвей. – Ведь он же во время оккупации работал на японцев! Мне известны сообщения, где сказано, что его группа проводила совместные акции с японскими войсками! Это тот самый Макланг?

- Да, это он. И его следует остерегаться! Американцы даже назначили его губернатором!

Конвей мгновенно понял, что он должен предостеречь свой отряд, потому что он попадет в ловушку, как только войдет в Малолос. Но было уже слишком поздно. Его товарищи только что дошли до центра города.

Поблизости от здания губернатора прозвучали выстрелы. Конвей пошел медленнее, чтобы не бросаться в глаза. Всюду шатались вооруженные полицейские из Constabulary; американцы небрежно прислонились к своим джипам и ждали. На оборванного Конвея, который, по совету связного, был без оружия, они не обращали никакого внимания. Так Конвей еще успел увидеть, как цепь вооруженных до зубов полицейских окружила отряд и, сбив с ног, избивала командира Соля. Бойцов хуков обезоруживали одного за другим, в то время как они снова и снова пытались разъяснить Constabulary, что война, в конце концов, закончилась, и они пришли с мирными намерениями. Перевес полицейских был слишком велик для сопротивления. Конвей побежал к нескольким американским офицерам, которые стояли рядом на краю главной улицы и наблюдали за происходящим. Когда он потребовал от них вмешаться, ответом ему были веселые взгляды.

- Парень! Откуда ты взялся? Ты не знаешь о приказах? Был в плену, или как?

Конвей сконфуженно кивнул. Они приняли его за освобожденного военнопленного, который не имел никакого отношения к хукам, ну, хорошо.

- Но почему же?

Он посмотрел одному из офицеров в глаза. Офицер пожал плечами и отвернулся.

- Но это смелые солдаты!

- Вот именно, – ответил лейтенант. – Они слишком смелые! Почему ты их защищаешь? Они тебе однажды помогли? Забудь об этом, теперь другие времена! Они мне тоже помогли. Это было давно.

Конвею удалось предостеречь ждущих на городской окраине добровольцев. Некоторые находились уже в городе, сами отыскали входивший в город отряд хуков и тут же присоединились к нему. Теперь они тоже находились во власти Constabulary.

- Мы пойдем в Сан-Фернандо, – решил Конвей.

Здесь, похоже, пока нечего было делать. Командованию нужно было срочно сообщить о случившемся. Под защитой темноты он отправился в путь вместе с оставшимися добровольцами.

Он опоздал, чтобы первым сообщить командованию хуков об аресте товарищей. По радио уже было передано сообщение, что полковник Макланг в Малолосе приказал расстрелять банду численностью свыше ста «мародеров». Эти люди якобы выступили с оружием против американцев.

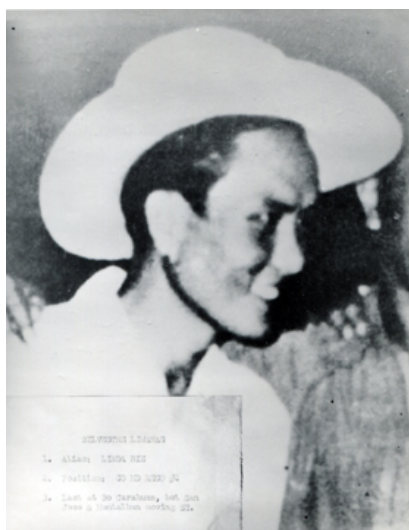
Лишь позже стали известны подробности этой бойни. Полковник Макланг заставил пленников выкопать большую яму в просторном дворе полицейской тюрьмы. Затем они были убиты, один за другим, выстрелами в затылок, и потом яму засыпали.

77-й отряд был одним из лучших подразделений хуков, и все патриоты были крайне возмущены убийством своих товарищей. Но руководство внимательно следило за тем, чтобы нигде не предпринимались поспешные акции. Они все еще надеялись на компромисс с американцами.

Но этой надежде не суждено было сбыться. Командованию поступали все новые сообщения о безжалостном преследовании хуков.

Однажды к командованию явился Линда Биэ, один из наиболее выдающихся командиров отряда; усталый, оборванный, вооруженный только боло. (Линда Биэ – псевдоним. Настоящее имя Сильвестр Ливанаг. – прим. перев.) Его отряд сражался вместе с американским подразделением. Однажды они были окружены и обезоружены. Линда Биэ и один из его соратников были доставлены в тюрьму, где их допрашивали целую неделю. При этом их избивали и требовали от них сообщить, где находятся другие отряды хуков.

Наконец Линда Биэ был доставлен в тюрьму столицы провинции Пампанга, Сан-Фернандо. Американский грузовик, который вез Линду Биэ, приехал в тюрьму ночью. Пока водитель искал охранника, чтобы сдать ему арестованного, тому удалось сбежать.

Фото 55. Сильвестр Ливанаг (Линда Биэ)

Отовсюду поступали сообщения о преследованиях хуков, хотя бои с японцами на островах все еще продолжались. Облавы и розыскные мероприятия капитана Фредерика осуществлялись с растущей интенсивностью. Командование

хуков приказало избегать любых инцидентов и не отвечать оружием. Они старались снова связаться с американцами, чтобы достичь соглашения. Конвей предостерегал от этого, но также и он не знал, что нужно было делать. Он был очень встревожен, когда командование снова приняло решение встретиться с капитаном Фредериком в Сан-Фернандо для переговоров. Однако он добился того, чтобы ему разрешили сопровождать своих товарищей.

Капитан Фредерик появился только тогда, когда на командирах хуков уже были наручники. Патруль американской военной полиции перехватил их перед городом, под ударами затащил в закрытый грузовик, и привез к штабу Фредерика. Там вооруженные полицейские привели арестованных к Фредерику. Тот лаконично сообщил им, что американская армия рассматривает их как организаторов вооруженного заговора против США, поэтому он арестовывает их в соответствии с законами военного времени. В предусмотренное время начнется судебный процесс. После этих слов их снова вывели.

Никто не слушал Конвея. С ним обращались немного мягче, чем с его филиппинскими друзьями, так как он все-таки был американцем, и не было точно известно, не попал ли он, вероятно, в это дело чисто случайно. Но и его отвели в камеру, дверь которой охранял американский солдат.

Мариано Бальгос, один из последних еще находящихся на свободе руководителей хуков, член ЦК компартии Филиппин, в этой критической ситуации взял на себя руководство освободительной армией. По его приказу отряды отошли в лагерь в глубоком лесу и в горах Сьерра-Мадре и пока выжидали. Между тем курьеры заботились о том, чтобы население узнало, как американские союзники поступали с руководителями хуков.

Фото 56. Мариано Бальгос

Во всем Центральном Лусоне поднимались протесты против действий американцев. Повсюду проходили собрания, принимались резолюции, писались

письма протеста. Члены «Свободных Филиппин», уважаемые интеллектуалы столицы, обратились к американцам и потребовали освобождения арестованных руководителей хуков.

Мариано Бальгос проводил умную политику. Он связал свои требования освободить руководителей хуков с утверждением, что хуки чувствуют себя обязанными соблюдать старую филиппинскую конституцию, что они уважают Осмению как законного преемника президента Кесона и выступают за демократическое развитие в стране.

Коммунистическая партия в этой фазе активизировала политическую работу. Это принесло успех. 8 марта в Сан-Фернандо, где руководители хуков все еще содержались в тюрьме, произошла массовая демонстрация, в которой принимали участие десятки тысяч крестьян, пришедшие туда отовсюду. Ни американские танки, ни винтовки Constabulary не смогли сдержать эту мирную армию. Представители американской армии должны были пообещать, что освободят пленников в недалеком будущем. Через неделю они действительно сделали это, так как понимали, что иначе массовое движение нельзя было бы остановить. Алехандрино, Тарук, Лава и все другие пленники, с ними Эндрю Конвей, смогли покинуть тюрьму. Они не стали прятаться в безопасном месте у хороших друзей, а жили легально на глазах Constabulary и американцев. Каждый понимал, что речь теперь шла о том, чтобы совершенно открыто защищать то дело, за которое они боролись. Казалось, что американцев все же можно было принудить к тому, чтобы они прекратили преследования хуков и позволили им участвовать в свободной политической работе.

Мариано Бальгос с авторитетом коммунистической партии сделал следующий шаг, чтобы фундаментально изменить отношение хуков к американцам. Он публично предложил Макартуру предоставить в распоряжение американцам целую дивизию хуков, десять тысяч человек, для окончательного разгрома японцев. Макартур не ответил на это предложение, но в народе оно встретило одобрение. Поэтому генерал напряженно размышлял над тем, какие меры теперь нужно было принять.

Но однажды случай снова свел его с Мануэлем Рохасом, министром в марионеточном правительстве при японской оккупации. Рохас уклонился от вывоза в Японию и спрятался в подполье на Филиппинах. Военная полиция разыскала его и привела его к Макартуру.

Рохас был очень хорошо знаком генералу. Он принадлежал к тем людям, с которыми Макартур ранее часто беседовал, когда речь шла о щекотливых политических вопросах. Оба мужчины, очевидно, снова с первого раза нашли общий язык. О том, что именно они обсуждали между собой, никто никогда не узнает, но, во всяком случае, Макартур сразу присвоил Рохасу звание бригад-

ного генерала и представил его общественности как «освобожденного»; вариант, который озадачил даже президента Осменью. Но Макартур устранил все сомнения, когда публично объявил: «Мануэль Рохас вовсе не был коллаборационистом, наоборот, он при японской оккупации выполнял свою работу в кабинете с однозначного согласия американских властей, так сказать, как наивысший тайный представитель филиппинского сопротивления против Японии. Я только что поручил ему созвать конгресс до июня. Тем временем президент Осменья снова назначит всех правительственных чиновников на их посты. Таким образом, независимое, демократическое развитие Филиппин пойдет своим чередом!»

С помощью этого политического трюка генерал с самого начала гарантировал себе содействие богачей и коллаборационистов, вплоть до самого мелкого палача из Constabulary, для неминуемой борьбы против организованного левого движения в стране.

Полиция и армия были немедленно реорганизованы и перевооружены. Наилучшие посты заняли не борцы сопротивления, а те, кто сотрудничал с японцами. Их нечистая совесть облегчалась: сражайтесь против хуков, тогда вам простят все ваши прежние грехи!

Сам генерал Макартур должен был посвятить себя продолжению войны; Япония еще не была побеждена. Но он мог быть спокоен, что касалось Филиппин: Он предоставил поле прибывшим к тому времени из Соединенных Штатов специалистам по политической манипуляции.

В бесчисленных листовках, плакатах, газетных статьях и других публикациях, через все радиостанции населению внушалось, что в стране есть подрывные коммунистические силы, которые угрожают мирному развитию. Ввиду вызванных войной огромных разрушений прямо-таки национальным долгом якобы было сплотиться вокруг американцев, которые со своей огромной экономической мощностью хотели помочь Филиппинам вновь встать на ноги.

Такая демагогия – особенно среди мелкобуржуазных слоев – оказала определенное воздействие, но все же не принесла ожидаемого результата. Патриотические силы из буржуазии собирались и принимали собственные программы для будущего; «Союз гражданских свобод», например, или «Лига национального освобождения» и «Ассоциация юристов». Вскоре все эти организации объединились в головную организацию, которая координировала их действия, «Демократический альянс».

Коммунистическая партия, которая внезапно столкнулась с массой политических проблем, осознала, что требовалось изменение целей и методов работы. До сих пор она в политической массовой работе концентрировалась почти исключительно на привлечении населения к вооруженной борьбе, теперь же она

должна была заполучить союзников для политической борьбы. На Лусоне, а также в других частях островной страны было организовано новое объединение крестьянства, «Национальный союз крестьян». Скоро оно развилось в сильную и влиятельную организацию. Партия также в решающей мере вдохновила создание нового профсоюза, «Congress of Labour» (Конгресс труда, сокращенно CLO). Вскоре он добился доверия рабочих, тем более что в его руководстве важные посты заняли испытанные участники сопротивления и коммунисты. С «Демократическим альянсом», который скоро принял характер национального фронта, эти организации образовали ядро нового прогрессивного массового движения, которое приобретало все большее значение.

Кадровые работники хуков, на которых все еще охотились американцы и Constabulary, временно отошли в тень, прекратили активную деятельность и избегали каких-либо конфликтов. Многие снова вернулись в свои деревни; тем не менее, оружие они не сдали, так что они в случае крайней необходимости могли обороняться от посягательств на их жизнь. Это вскоре стало необходимым, так как землевладельцы натравливали на них вооруженные группы боевиков, притесняли их жен и детей. Они создавали атмосферу небезопасности. Американские планировщики психологической войны воспользовались этим. Они обвинили хуков в том, что те продолжают борьбу, и потребовали их безусловной капитуляции.

При ближайшем представившемся поводе военная полиция вместе с Constabulary наносила удар. Касто Алехандрино, избранный губернатор Араята, который – как и другие избранные губернаторы из движения хуков – ушел в отставку со своего поста, пока выборы не решат окончательно, кто займет места в администрации, на большом митинге в Араяте произнес речь о перспективах филиппинского народа. Тема его выступления звучала так: «Мир в духе решений Тегеранской конференции». Капитан Фредерик и другие специалисты американской контрразведки слушали эту речь, не меняя выражение лица. Они также позволили многим тысячам горожан сначала уйти домой, прежде чем они внезапно арестовали Алехандрино, так же как Тарука и других. Одновременно отряды военной полиции арестовали всех высокопоставленных кадровых работников хуков, до которых им удалось дотянуться. Таким образом, большинство бывших командиров хуков спустя несколько дней оказались в одном из заранее подготовленных концентрационных лагерей близ Каласио. Это произошло в середине апреля 1945 года.

С командирами хуков обращались очень плохо. Часовые принципиально обращались к ним только «Обезьяны!»; им давали только испорченную еду, и мало воды. Если они жаловались, их избивали. Их волю также пытались сломить, давая им понять, что их могут освободить уже на следующий день, если только они приведут свои подразделения к капитуляции.

За эти месяцы у кадровых руководителей хуков, которых из Каласио перевели в исправительную колонию Ивахиг на острове Палаван, окончательно утвердилось понимание того, что американские союзники позорно обманули хуков. Компромисс больше не был возможен. В этом также ничего не изменило то, что позже вследствие массовых протестов командиры хуков постепенно снова были освобождены.

В середине июня 1945 года «Демократический альянс», в то время самая сильная политическая группировка, публично констатировал, что на Филиппинах есть реакционные политические силы, которые тормозят прогресс и готовы ликвидировать все достигнутые до сих пор демократические права и свободы.

«Демократический альянс» представил программу, в которой выдвинул следующие требования:

1. Абсолютная политическая независимость Филиппин.
2. Гарантия экономической независимости через программу индустриализации.
3. Аграрная реформа, которая включает закупку земель государством. Эти земли затем должны были на благоразумных условиях распределяться среди безземельных крестьян и арендаторов.
4. Признание прав рабочих на заключение коллективных договоров и установление минимального размера заработной платы.
5. Увольнение с высоких государственных постов бывших коллаборационистов и подготовка судебных процессов, которые должны заниматься преступлениями коллаборационистов.
6. Общее укрепление национального единства народа против фашизма и реакции.

Даже если эта программа и не выходила за границы буржуазно-демократических реформ, то она все же быстро стала популярной в народе, тем более что «Демократический альянс» настаивал на том, чтобы политические дискуссии велись демократическим способом, который исключал какое-либо применение насилия, оружия и принуждения.

В августе 1945 года, когда Япония капитулировала, руководство хуков решилось на следующее мероприятие, вызвавшее всеобщее внимание. Оно отдало приказ о самороспуске армии сопротивления, которая видела свою цель в борьбе против японского агрессора. После этого примерно 60 000 бойцов Хукбалахап сдали свое оружие и вернулись в свои родные поселки и города. Там их приветствовали с криками одобрения, так что полицейские

Constabulary не решились выступить против них. Большинство бойцов присоединились к «Лиге ветеранов Хукбалахап», которая поддерживала программу «Демократического альянса».

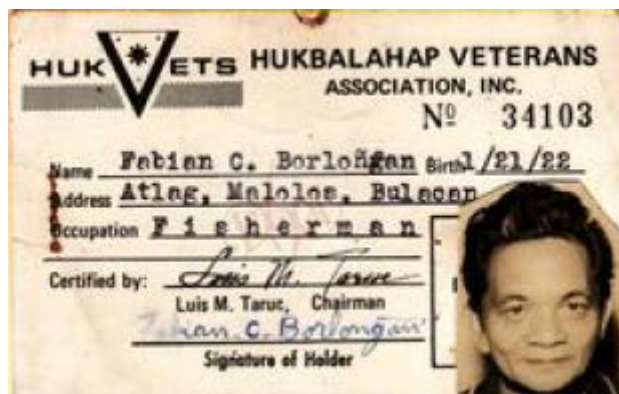
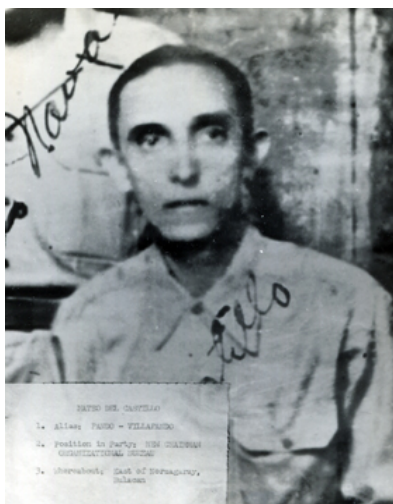

Фото 57. Членский билет ветерана Хукбалахап

Вместе с тем была сорвана большая часть планов, разработанных американскими специалистами по психологической войне, чтобы разрушить революционное движение на Филиппинах. Несколько недель спустя, 23 сентября 1945 года, «Демократический альянс» призвал к большому митингу в Маниле, на котором граждане хотели публично сообщить о своих заботах и нуждах правительству Осмены. Десятки тысяч последовали призыву. Они прибывали не только из Манилы, но даже из самых удаленных местностей Лусона. Иногда крестьяне целыми днями шли пешком, чтобы добраться до столицы. Они несли с собой транспаранты, и когда они собрались перед дворцом Малаканьянгг, то громко скандировали лозунги: «Независимость для Филиппин!», «Долой бывших коллаборационистов из конгресса!», «Правительственные посты для мужчин и женщин, которые сражались за отечество!».

Наряду с другими политиками на митинге выступили также Касто Алехандрино и Мариано Бальгос. Бурно приветствовали собравшиеся и Матео дель Кастильо, председателя нового крестьянского союза. Когда начался митинг, пошел сильный дождь, но никто не стал от него прятаться; люди стояли, промокли, и внимательно слушали выступления ораторов.

Фото 58. Матео дель Кастильо

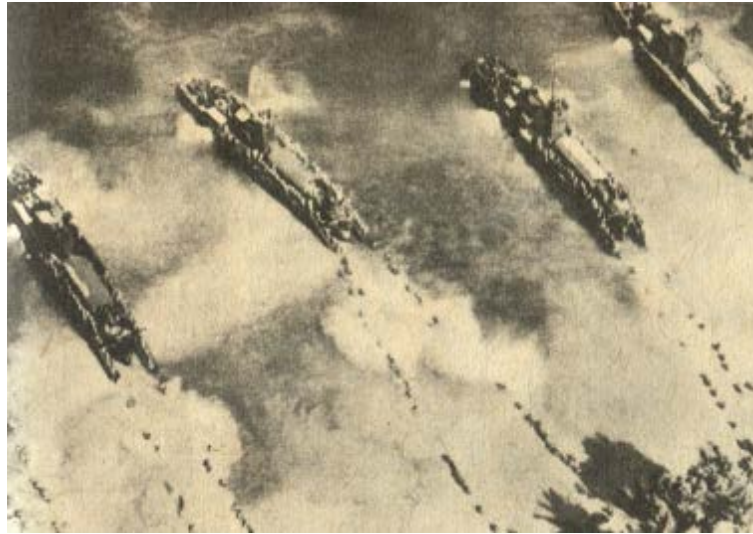
Через три часа манифестация закончилась. К президенту Осменье была направлена делегация с петицией, взывавшая к его демократической позиции. Кроме социальных и политических требований, которые были объявлены демонстрантами уже на их транспарантах, документ также содержал призыв безотлагательно освободить последних несправедливо арестованных руководителей хуков.

Фото 59. Наступление на Лусоне. После того, как американские войска сломили сопротивление японцев на берегу в местах высадки, они смогли почти беспрепятственно пересечь страну. Даже в труднопроходимых лесистых областях они продвигались вперед, не отвлекая существенные силы на боевое охранение. Хуки уже в значительной степени устранили угрозу со стороны японцев. Крупные полицейские силы следили за ходом мероприятия. Они были откомандированы в Манилу отовсюду, но получили категорический приказ не вмешиваться. Были опасения, что их вмешательство могло бы вызвать катастрофу. Американские наблюдатели, среди них Фредерик и его группа, вынуждены были, скрипя зубами, смотреть, как митинг прошел в спокойствии и порядке.

Это мирное мероприятие впервые ясно показало даже американцам, что они недооценили демократические силы, их стремление к независимости и свободе Филиппин.

Фото 60. Американские десантные катера в заливе Лингаен. Высадка происходила почти без помех. Сопротивление японцев было сломлено непрерывными атаками хуков в их тылу еще до того, как высадились американские войска.

Фото 61. Высадка в залив Лингаен. Американские войска за выгрузкой предметов снабжения. После того, как побережье было захвачено, американская армия в большинстве случаев смогла беспрепятственно разворачиваться.

Фото 62. Продвижение американских войск на Лусоне. Американские солдаты двигаются в разомкнутом боевом порядке. Сопротивление японцев ограничивалось немногими центрами.

Конечно, манифестация пройдет, снова начнутся будни, но они больше не будут теми же, что прежде. Здесь для всех стратегических планов США возникла значительная опасность, последствия которой еще нельзя было предугадать. Справиться с хуками было сравнительно легкой задачей. Но как приспособиться к тому, что было здесь продемонстрировано десятками тысяч человек? Политические идеи нельзя подавить силой, во всяком случае, надолго.

Капитан Фредерик оторвался от своих мыслей, когда внезапно перед ним очутилась молодая женщина, мокрая от дождя, но как казалось, очень инициативная. Она улыбнулась ему и представилась: – Я Мария Флорес из газеты «Манила Таймс». Могу я кое о чем спросить вас, капитан?

- Я не даю интервью.

- Только один вопрос. Не скажете ли вы мне, что вы думаете об этой демонстрации? Какие чувства вы испытываете при этом?

Фредерик медлил. С одной стороны, это была молодая женщина, и она, кроме того, была из газеты, которую никак нельзя было бы назвать подрывной, но с другой стороны, для него как американца было бы неумно высказываться о таких событиях.

- Нет, – ответил он, наконец, очень стараясь, чтобы его слова прозвучали вежливо. – Мне не положено говорить об этом. Я солдат и не имею ничего общего с политикой.

Марии очень хотелось сказать ему, что она точно знает, кто он такой, но она воздержалась от этого. Старый главный редактор «Манила Таймс» уже умер, новый снова принял Марию на работу, когда она пришла к нему. В газете кое-что изменилось. Она уже по тактическим причинам должна была поддерживать требования «Демократического альянса».

Фото 63. Десант на Лусоне. В большинстве случаев высадка американских войск была похожа на изображенную здесь. После сильного артиллерийского обстрела японское сопротивление ослабевало, и американцы могли высаживаться из своих десантных катеров на побережье почти так же, как на учениях.

- Жаль, – ответила Мария и уже хотела пойти дальше, но тут она увидела, что человек в штатском, стоявший рядом с Фредериком, приветливо улыбнулся ей. Тоже американец, очевидно. Он был не очень высокого роста, одет несколько небрежно, но по какой-то причине Мария не могла избавиться от подозрения, что он еще недавно должен был носить форму. Она улыбнулась в ответ и спросила: – Вы хотели бы высказаться, сэр?

Тот положил руки на спину. – Почему бы и нет. Я гражданское лицо, как вы видите. Но я не знаю, достаточно ли я важен, чтобы послужить «Манила Таймс» моим мнением.

- Это решает главный редактор, сэр, – располагающим тоном ответила Мария. – Все же я могу узнать ваше имя?

- Эдвард Лансдейл.

Американец не добавил, что он был офицером в OSS, специалистом по ведению психологической войны, и что Азия была его сферой, в которой он планировал еще многое сделать.

- Вы живете в Маниле?

- Я здесь проездом. Но я, вероятно, вернусь, – ответил Лансдейл. – Кстати, я приехал из Малайи. Вам будет интересно узнать, что там похожие политические проблемы как здесь. Наблюдать за всем этим очень интересно.

- И ваше мнение, сэр?

Лансдейл говорил медленно и спокойно, он производил впечатление, как будто бы он разъясняет только теоретически важный для него вопрос.

- То, что здесь происходит, это вдохновленная коммунистами попытка подготовить путч. Мы во многих странах должны иметь дело с этим феноменом. Международный коммунизм стал благодаря этой войне сильнее, чем он был прежде. Он повсюду, где ему это позволяют, пытается получить власть. Но что касается Филиппин, то здесь коммунизм потерпит неудачу. За этой страной стоит Америка. Но нам еще придется много с ним повозиться.

Лансдейл любезно улыбнулся, когда Мария Флорес поблагодарила его. Затем, как только она ушла, он спросил Фредерика: – Мы будем и дальше здесь мокнуть? Или займемся делом?

Фото 64. Эдвард Лансдейл

Они ушли. То, что сказал Лансдейл, было опубликовано в «Манила Таймс», однако главный редактор вычеркнул имя интервьюированного. Причиной этого был телефонный звонок, который он получил вечером в своей частной квартире из американского штаба.

Хотя эта демонстрация не стала сенсационным минутным успехом, она все же оказала впечатление на Осменью и других членов правительства. Через неделю началось освобождение последних бывших руководителей хуков из концентрационного лагеря. Американцы согласились с этим. Одновременно, однако, конгресс назначил следственную комиссию, которая занялась деятельностью «Демократического альянса». Комиссия преследовала цель доказать факт совершения этой организацией преступления, которое называлось «подстрекательство к мятежу».

С этой минуты все собрания и вообще вся работа с общественностью этой политической массовой организации были запрещены. Полицейские силы разгоняли ее членов, где они все же собирались. Американцы предоставили военизированным отрядам Constabulary броневики, чтобы использовать их против демонстрантов «Демократического альянса». В деревнях Лусона снова втайне арестовывали руководящих функционеров рабочих и крестьянских организаций. Без предъявления обвинений.

Покер за власть

Полковник Эдвард Лансдейл после своих первых разведок на Филиппинах сначала снова вернулся в Вашингтон. Мускулистый бывший офицер авиации, который был откомандирован OSS, нашел после возвращения кое-какие перемены. Хотя в кабинетах еще сидели те же сотрудники, но весь аппарат шпионской и разведывательной службы, созданный Биллом Донованом, реорганизовывался; он приспособлялся к новым заданиям, которые вставали перед Соединенными Штатами. Если США хотели и в будущем играть доминирующую роль в мировой политике и не терять своего влияния, тогда они должны были защищаться от все сильнее распространяющейся антиимпериалистической ориентации во всех частях света.

Для стратегов в Вашингтоне международный коммунизм был «главным врагом», с которым они собирались бороться всеми дозволенными и недозволенными средствами. Поэтому для поддержки военных акций, которые были бы необходимы, чтобы утверждать власть, был создан большой центр разведывательной службы, с отделами для саботажа и диверсий, для идеологического проникновения и для многих других областей, вплоть до групп специалистов, которые могли быть направлены для устранения неугодных политиков. Так создавалось ЦРУ, та тайная охватывающая весь мир сеть, которой позже суждено было представлять второе лицо Соединенных Штатов. Генерал Хойт С. Ванденберг, которому в то время было поручено управление этой структурой, принял своего старого знакомого Лансдейла. Оба были знакомы еще по службе в ВВС. Ванденберг тоже служил в военно-воздушных силах, пока новый президент Гарри Трумэн не направил его сюда. Поэтому тон общения, пока они были одни, был самым непринужденным.

Фото 65. Хойт Ванденберг

Ванденберг внимательно слушал, что докладывал ему Лансдейл. Наконец, он кивнул и сказал: – Эд, мы поручили тебе это задание там, потому что ты один из немногих людей, кто знает Азию и сможет поставить себя на место азиатов, попытаться думать так же, как они. То, в чем так срочно нуждается эта лавка, это специализация ее сотрудников. Ты, так сказать, специалист, поэтому приведи дела там на островах в порядок. Эти острова нужны нам в долгосрочной перспективе, и в экономическом, и в военно-стратегическом отношении. Мне не нужно рассказывать тебе, что происходит в Китае, и как это отражается на соседних странах. Ты получишь все, что тебе будет нужно, но как ответную услугу мы ожидаем, что тебе удастся этот трюк: преградить коммунистам путь на Филиппины. Ты справишься?

Лансдейл был осторожен. – С этим можно справиться. Только для этого нужно время. И способные люди. Которых нужно обучить.

- Вот именно! Осменя – слабак. Хотя Рохас и наш человек, но я не считаю его лучшим, кто у нас там есть. Мы должны придерживаться определенных демократических правил игры, ты понимаешь!

- Я понимаю. Мы получим средства для филиппинской армии?

- Конгресс как раз занят обсуждением этого вопроса. Также вопрос кредитов. Это зависит от обстоятельств независимости.

- Естественно, – согласился Лансдейл. – Мы должны будем с этим пока подождать. Но мы должны принимать во всем этом самое деятельное участие, я хотел бы это особо подчеркнуть. Мы имеем дело не только с горсткой мятеж-

ников. Нижние слои населения разочарованы. Они надеялись, что после изгнания японцев многое изменится. Из этого настроения возникают все новые полки мятежников, если ты понимаешь, что я имею в виду. Итак, там есть две основные задачи. Во-первых, нужно кое-что сделать для крестьян, чтобы заткнуть им рот, при этом не обидев людей, на которых мы можем положиться. Во-вторых, мы должны показать, что мы можем ударить железным кулаком. Комбинация этих обоих элементов принесет долгосрочный успех.

Ванденберг уточнил: – Не мы должны ударить, Эд, а филиппинцы! Мы должны беречь наш престиж. Пойми, пожалуйста, эта страна становится независимой, как бы это ни называть. И там мы не сможем просто так вмешиваться в их дела с нашими войсками!

Лансдейл согласился с ним. Конечно, нет. Однако он снова настаивал: – Нам нужны средства для филиппинской армии. Если у нас они будут, то со всем остальным можно будет справиться. Скажи президенту, пусть он воспользуется своим влиянием. От сильной филиппинской армии зависит все. И от того, кто ее обучает.

- Это будешь делать ты, – сообщил ему Ванденберг в деловом тоне. – Ты будешь там официально советником по вопросам обороны. Подыщи себе людей, с которыми ты смог бы определить игру. Как там обстоит дело с министром обороны?

Лансдейл покачал головой. Но затем он сказал только: – Там есть люди, которые во время войны работали под командованием USAFFE, способные и надежные. Я разыщу их.

- Не забывай о психологических предпосылках! – призвал его генерал. Лансдейл улыбнулся. О них он не забудет. Для большинства американцев азиаты полны загадок. Их улыбка, их терпение, их мнимая хитрость. Весь этот вздор!

- Я сыграю им песню, под которую они смогут маршировать, – пообещал он, когда поднимался.

Спустя четыре недели жители провинциального города Сан-Фернандо с удивлением смотрели на американца, который сидел на колодезном срубе на главной улице и играл на губной гармошке. На мужчине была гражданская одежда, мягкая шляпа, и он вообще был больше похож на филиппинца, чем американца. Правда, это касалось лишь его жалкой одежды. Он неторопливо прогулялся по рынку, вытащил пару монет из кармана, купил себе поджаренный початок кукурузы, и грыз его на ходу. Потом он довольно долго наблюдал за петушиным боем, хотя и не делал никаких ставок, и, наконец, уселся у колодца. Дети собрались вокруг него, они удивлялись иностранцу и не очень употребительному здесь инструменту. Он разрешил им сыграть на губной гармошке, и они

радовались звукам, которые они могли извлекать из этого обитого жестью кусочка древесины. Иностранец играл на этом инструменте мастерски, и он даже знал филиппинские песни. Скоро взрослые тоже смотрели на него и слушали его. Среди них был Эндрю Конвей, который на один день задержался в городе, чтобы сделать покупки. Он вернулся на гасиенду «Фелиситас», снова начал разводить свиней, и, наконец, нашел время, чтобы посвятить себя своей маленькой дочери. Он привел многих своих бывших соратников на гасиенду, где они могли работать и зарабатывать. Их оружие, завернутое в смазанный маслом брезент, было хорошо спрятано в яме на ферме.

Конвей довольно долго наблюдал за странным американцем. Что-то было не так с этим человеком. Он не был бродягой, не был он и кем-то из тех американцев, которые в Азии забывали о своей идентичности. Нет, он выглядел умным, если внимательно присмотреться, он играл песни, которые не каждый знал. Его выражение лица было своеобразно полным ожидания, как будто бы он надеялся, что кто-то начнет беседу с ним. С некоторого удаления Конвей увидел, наконец, как мужчина стал постукивать по губной гармошке, чтобы почистить ее, и затем обратился к нескольким стоящим вокруг него людям. К удивлению Конвея он говорил на тагальском языке. Вероятно, он один из тех партизан USAFFE, которые во время войны были здесь в лесу?

Незнакомый музыкант поднялся, указал на уличное кафе и взял с собой филиппинцев, которые окружали его. Американец сдвинул несколько столов, обстоятельно вытащил монеты из карманов, подсчитал их и заказал лимонад для всех. Затем он вытащил из кармана кубик и начал играть в кости с мужчинами. Они участвовали с любопытством; не бывает филиппинца, который не нашел бы время для маленькой игры.

Пока Конвей делал свои покупки, этот странный американец не выходил у него из головы. Когда он через час снова проходил мимо кафе, мужчина все еще сидел там, окруженный филиппинцами, которые внимательно слушали его, пока они продолжали играть в кости. И только теперь, когда Конвей услышал кое-что из их беседы, он понял, что там происходило.

- Это просто бедняги, – как раз говорил музыкант. – Не нужно видеть в них каких-то особенно плохих людей, судьба жестоко обходилась с ними. Но сейчас времена изменились. Мы, американцы, здесь, и мы поможем вам. Мы поможем также крестьянам, разумеется. Но вот только, если они и дальше будут бегать за хуками и играть в коммунистов, тогда Америка просто уйдет, и после этого эта страна станет русской. Коммунизм – это русское изобретение: каждый зарабатывает мало, каждый получает мало еды, каждый может спать с любой женщиной, того, кто идет в церковь, расстреливают, и если кому-то нужен новый костюм, то это решает коммунистическая партия. Только не рассказывайте мне, что вы этого хотите!

Они этого не хотели, и они говорили об этом, когда бросали кости.

- Нужно потребовать от них образумиться, – продолжал музыкант. – Чтобы Соединенные Штаты, наконец, стали доверять филиппинцам и отправили свои корабли со всем тем, в чем нуждаются люди здесь. Одежда, консервы, пиво, игрушки для детей. Да бог знает, что еще! Я не понимаю, как можно, будучи христианином, выступать за то, чтобы еще больше разрушить эту страну, вместо того, чтобы вместе с нами строить ее и принести каждому хоть немножко радости.

Это, казалось, было сказано просто так, но Конвей понимал, что этот человек проверял, как он мог бы получить доступ к сердцам слушателей. Он начал это очень умело. Когда кто-то обратил его внимание на то, что у крестьянских детей нет школ, что у них пухнут животы от голода, и они рады, если получают хоть немного каши, американец кивал с полным пониманием. Да, это нужно изменить. Без винтовок. Оружием можно было бы добиться только обратного.

- Если мы сломаем еще больше, чем уже сломано в этой стране, тогда эти дети умрут, вот в чем дело. Но если мы покончим с мятежами, примемся за работу, разгрузим корабли из Америки, и приведем жизнь в порядок, тогда всем нам будет лучше, также крестьянам и их детям. Другого решения нет.

Когда музыкант собрался закончить игру в кости, и мужчины с ним прощались, Конвей подошел поближе, так что незнакомец заметил его.

- Привет, – сказал он немедленно, – земляк, как кажется!

- Проблемы? – сказал Конвей и указал на филиппинцев, которые медленно удалялись. Музыкант покачал головой, но он поблагодарил Конвея за то, что тот, очевидно, хотел помочь ему. – Нет, нет, я очень разумно побеседовал с ними! Хорошие люди, если с ними правильно обращаться. Вероятно, с ними в их жизни очень редко обращались правильно, да?

- Похоже на то. Выпьем по одной?

Музыкант не отказался. Конвей заказал две бутылки слабого пива, которое продавалось по высокой цене. При этом он объяснил, что он владелец гасиенды, находящейся поблизости. Музыканта это тут же заинтересовало.

- О, это меня радует! Как идут дела? Рис? Сахар?

- Свины, – сказал Конвей.

Музыкант удивленно скривил лицо. – Да вы храбрец! И это выгодно здесь?

- Выгодно.

- Но Соединенные Штаты могут поставлять мясо гораздо дешевле! Упакованное в жестянки, пригодное для хранения на складе, так сказать!

- Ну да, здесь также есть спрос, на который я ориентируюсь. Дешевое мясо, для местных.

- Если они не мусульмане!

Музыкант рассмеялся.

Он разбирается, подумал Конвей. Кто же он?

Незнакомец вел себя очень непринужденно, после того, как он убедился в том, что перед ним сидит настоящий американский фермер, называющийся здесь гасиендеро, человек, который воспользовался шансом жениться на красивой местной женщине, приданое которой состояло из гасиенды. Вместе с тем социальные исходные позиции были для него ясны, речь шла о партнере, с которым можно было говорить. Он так и делал. Он, правда, не сказал Конвею, что его зовут полковник Эдвард Лансдейл, и что он специальный советник по вопросам обороны в Маниле, но все-таки он объяснил, что он знакомился со страной, чтобы понять, как психологически правильно следует обращаться с настроением среди населения.

- Мы должны жить с этими людьми, говорил он. – Вы согласны со мной, земляк? Мы должны научить их, что такое демократия и свобода. Это можно сделать не только дубинкой, для этого нужно еще и тонкое чутье, или вы так не думаете?

Конвей ответил, что он точно такого же мнения. Открытость этого человека поражала его. С другой стороны, он знал о доверчивости своих земляков, если они находили где-нибудь кого-то, кто тоже приехал из Соединенных Штатов. Им почти никогда не приходило на ум, что кто-то другой мог бы думать абсолютно иначе, чем они.

Постепенно они начали говорить о политической ситуации в стране. Незнакомец хотел знать, были ли у Конвея трудности с его сельскохозяйственными рабочими. Он заинтересованно слушал, когда фермер рассказывал ему, как он занимался своим хозяйством, чтобы оно приносило достаточно доходов, чтобы он мог прилично платить своим работникам.

- Вероятно, у вас и с хуками тоже нет проблем? – поинтересовался Лансдейл.

- Абсолютно никаких, – ответил Конвей, и при этих словах он очень постарался не улыбнуться.

Полковник осторожно кивнул. – Да, это так! Дело-то очень простое: людям нужно дать достаточно еды, тогда они забудут весь этот коммунизм! Ну, я думаю, Соединенные Штаты инвестируют сюда кое-что, чтобы этот вопрос мог быть решен.

Они беседовали больше часа, затем они попрощались, пожав друг другу руки. Для Конвея эта беседа была первым серьезным признаком того, что Соединенные Штаты начали дополнять свои первоначальные методы военного подавления новым элементом, а именно долгосрочными и целенаправленными политическими мероприятиями.

(Вопреки широко распространенному заблуждению, Лансдейл не говорил на тагальском языке, как и на вьетнамском или каком-либо ином, кроме родного английского. На Филиппинах в общении с местными ему помогала его филиппинская подруга Пэт Келли, значительно позже ставшая его второй женой. См. Max Boot, *The Road not Taken. Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam*, Liveright Publishing, 2018. – прим. перев.)

Эндрю Конвей не удивился, когда через несколько дней после этой беседы на гасиенде появился отец его жены и завалил их всех подарками. Старик втянул своего зятя в конфиденциальную беседу. Он признался ему, что он видит свою задачу в конгрессе, членом которого он, само собой разумеется, снова был, в том, чтобы убедить занимающих руководящие посты людей, что срочно необходимы фундаментальные аграрные реформы. Кстати, приближались выборы, и они станут, так сказать, стартовым выстрелом для независимости Филиппин. Сейчас нужно было принимать в этом всем самое активное участие как настоящий патриот.

Старый гасиендеро объяснил, что он готов забыть прошлое своего зятя как бывшего хука, если он сблизится с ним политически. Конвей очень хорошо понимал это. Но он вежливо отказался, когда дон Рикардо предложил ему походатайствовать за то, чтобы он был включен в список кандидатов на выборах провинции. Старик воспринял это спокойно, так как он думал, что Конвей отошел от хуков и полностью посвящал себя работе на гасиенде.

Эдвард Лансдейл, который возвратился из своей многодневной поездки в Манилу, не тратил много времени на бесполезные размышления. Он считал, что получил общую картину настроений в стране, и начал раздавать свои рецепты. Сначала он сообщил в Вашингтон: было бы полезно связать предстоящие в 1946 году выборы с обещанием независимости, чтобы нейтрализовать национальные чувства филиппинцев. В этой связи наряду с экономическими интересами, прежде всего, нужно было прояснить вопрос пребывания американских войск на Филиппинах. Базы там уже были: они должны были использоваться и дальше. Кроме того, было необходимо быстро и с предоставлением

значительных средств превратить филиппинскую армию в сильный, боеспособный инструмент, который по существу должен был выполнять преимущественно внутривнутриполитические функции. Хотя хуки не проявляли активности, также коммунисты действовали полностью в рамках демократических правил игры, но эти силы настолько сильны, что окончательный конфликт с ними неизбежен. Шанс разбить эту группировку коммунистов, хуков и буржуа левых взглядов состоял исключительно в том, чтобы с помощью ловкой политической тактики спровоцировать их на вооруженную конфронтацию.

Вашингтон согласился с этими представлениями, он и без того располагал подобными сведениями из других источников.

Лансдейл получил свободу действий для филиппинской армии, полицейских сил и тех политических кругов, которые безоговорочно были на стороне Соединенных Штатов. Молодые филиппинцы, которые либо еще перед войной служили в вооруженных силах США, либо присоединились к группам USAFFE во время оккупации, незаметно собирались в особых лагерях и проходили специальную подготовку. Они не только учились обращаться с новым, технически передовым американским оружием, но в них также ежедневно культивировали антикоммунистические чувства до тех пор, пока не возникла уверенность, что они невосприимчивы к какой-либо агитации хуков или коммунистов. Эти люди образовывали кадры новых филиппинских вооруженных сил.

Далее Лансдейл разработал программу, в соответствии с которой почти в каждой деревне на Лусоне незаметно отбиралось несколько достойных доверия людей, которые были готовы шпионить за своими согражданами. Вначале им платили только умеренно, чтобы их особый статус не бросался в глаза. Но им пообещали, что позже их вознаградят настолько щедро, что им этого хватит на всю жизнь. Так Лансдейл создавал себе сеть из агентов, которая еще должна была оказать ему хорошие услуги.

Постепенно составлялись списки ветеранов движения хуков. Бывшие и нынешние функционеры коммунистической партии, крестьянского союза и профсоюзов регистрировались. За кафе, в которых коммунисты встречались для своих собраний, велось наблюдение. Некоторое количество специально подготовленных антикоммунистов по всей стране были внедрены в коммунистическую партию и другие революционные массовые организации, где они выдавали себя за готовых к борьбе патриотов. Вскоре эта сеть накрыла всю страну. Эдвард Лансдейл действовал тайно, согласно строгим законам конспирации. Он старался не раскрывать свои карты слишком рано. Его час еще не пробил.

Между тем Вашингтон заявил, что независимость будет провозглашена в июле 1946 года. Этот акт должен был укрепить политическое положение на Филип-

пинах в желанном Америке духе. В Маниле американские посредники предложили – выборы президента должны были состояться 23 апреля 1946 года – условия этого шага. В основном они состояли в том, что США сохраняли свои военные базы и могли размещать войска на Филиппинах. Далее с Соединенными Штатами должен был быть заключен договор, который гарантировал их экономические привилегии на долгий срок. В принципе, речь шла о том, чтобы сохранить прежний колониальный статус также после независимости, в то время как импорт из Филиппин в США – по-прежнему преимущественно сырье – ограничивался бы растущими каждый год ввозными пошлинами. Напротив, экспорт США не подлежал ограничениям. Это положение гарантировало американскому монополистическому капиталу беспрепятственное продолжение своего экономического доминирования.

Особый пункт договора предусматривал, чтобы «независимое» филиппинское правительство не имело права предпринимать никаких конституционных мероприятий, которые могли бы ущемить американских граждан и группы в их экономических привилегиях.

Чтобы немного скрыть эти условия и протянуть филиппинцам пряник, Соединенные Штаты объявили о своей готовности помочь стране в ее экономическом восстановлении. Они тут же назвали сумму более чем 600 миллионов долларов.

«Демократический альянс» заявил, что этот договор продолжит колониальную эксплуатацию в другом облачении, но Соединенные Штаты владели поддержкой богатого верхнего слоя на Филиппинах, которые не столько мыслили в национальных категориях, сколько думали о своих собственных преимуществах, которые последовали бы из их будущей роли компрадоров.

Так как президент Осменья с учетом настроений в его националистической партии не был готов исключить «Демократический альянс» из политической жизни страны, Соединенные Штаты быстро решили за несколько месяцев до выборов выдвинуть на первый план Мануэля Рохаса как кандидата в президенты.

Рохас собрал вокруг себя своих старых верных соратников. Частично это были люди, которые во время оккупации – так же, как и он сам – служили японцам, в правительственных учреждениях или в обществе скупки риса ВІВА, которым руководил Рохас. С ними Рохас отделился от националистов и основал свою собственную «либеральную партию». Началось усердное переманивание приверженцев Осменьи. Подкуп, угрозы и обещания постов – все использовалась, чтобы укрепить силы Рохаса. Рохас для своей предвыборной борьбы располагал практически неистощимыми источниками денег. Деньги поступали не только от местной буржуазии, но и в большом объеме непосредственно из Соединенных Штатов.

Осменья, который терял все больше соратников, некоторое время носился с предложением Рохаса пойти на предвыборный союз с ним и позже получить пост вице-президента. Даже генерал Макартур приехал из Токио, чтобы убедить его в преимуществах такого союза. Но, в конце концов, Осменья решил, что для него перспективнее будет сотрудничество с «Демократическим альянсом», который позже сделал его своим кандидатом на президентский пост.

Американские наблюдатели хорошо понимали, что большинство населения поддерживало предвыборную программу «Демократического альянса», так как она защищала национальные интересы более четко, чем программа Рохаса, которая была полностью направлена на «общность интересов» с Соединенными Штатами. Поэтому финансовые круги США в первом полугодии инвестировали все больше средств, чтобы гарантировать победу их кандидата в любом случае. Они не только наполняли его выборный фонд, они наряду с психологическими средствами прибегли также к массивному давлению. Так публикации группы Рохаса все чаще характеризовали «Демократический альянс» как «сторонников Москвы», «предателей родины» и «мятежников». Они обвиняли их в том, что они хотят лишить народ благ американской финансовой помощи.

Эта пропаганда оказала свое воздействие, так как, естественно, простой филиппинец был очень заинтересован в том, чтобы он однажды, наконец, смог жить несколько лучше. Кроме того, американцы демонстративно направили пехотную дивизию в Центральный Лусон, где она должна была гарантировать «поддержание порядка». В действительности она препятствовала предвыборным демонстрациям «Демократического альянса». Всюду, где это только было возможно, американские войска проводили маневры, чтобы намекнуть населению, что можно было «также поступить и по-другому».

Наконец, США передали увеличившейся уже до 160 000 человек филиппинской армии значительное количество нового вооружения и техники, в том числе автоматическое стрелковое оружие самой современной конструкции, самолеты, автомобили и танки. Армия, формально подчиненная вооруженным силам США и воспитанная в антикоммунистическом духе, была надежным союзником группы Рохаса. Более 20 000 отобранных людьми Лансдейла «военных полицейских» также находились в распоряжении для поддержки предвыборной борьбы Рохаса. Они затем также делали это. Всюду, где собирался «Демократический альянс», группы боевиков гасиендеро под защитой солдат набрасывались на собравшихся, они разгоняли и запугивали их. Даже на улицах Манилы появлялись оплаченные банды, которые уничтожали газетные киоски с газетами «Демократического альянса» и избивали прохожих, если те давали понять, что они не были за Рохаса. В конце концов, эта грязная пропаганда, мишенью которой был Осменья, сработала. В ряду поколений его

предков были китайцы. Авторы провокационных расистских листовок воспользовались этим, чтобы назвать его «чуждым нации элементом», который не мог представлять интересы филиппинцев.

В день выборов, 23 апреля 1946 года, из 19 миллионов взрослых жителей на основании установленного в филиппинской конституции образовательного ценза только 2 472 000 человек имели право участвовать в голосовании. Большие части сельского населения, которые были твердыми сторонниками «Демократического альянса», вместе с тем были лишены права голосовать.

Таким образом, Мануэль Рохас тем вечером смог объявить по радио, что он – новый президент. Несмотря на все ухищрения, он получил только 54% голосов; этот факт свидетельствовал о политическом весе «Демократического альянса». Альянс все же победил в целом в 15 провинциях, в том числе в таких оплотах революционного сельского населения как Пампанга, Нуэва-Эсиха, Тарлак, но также и на Себу, и в некоторых из населенных мусульманским меньшинством областях, таких как Сулу и Ланао.

Так что ситуация с большинством во вновь избранном сенате и палате представителей была для Рохаса неблагоприятной, вопреки его победе. Он спешно поручил выборному суду, чтобы тот лишил трех сенаторов и восьмерых депутатов – все из «Демократического альянса», среди них также коммунисты как Алехандрино и Тарук – их полученных демократическим путем мест в парламенте – из-за мнимого предвыборного террора. Больше не было авторитета, который мог бы предотвратить это. Рохас раздул в покорных ему средствах массовой информации такую подлую кампанию против этих людей, что никто не рискнул возразить официально, тем более, что и без того все знали, что Соединенные Штаты стояли за Рохасом.

На пост вице-президента Рохас взял себе Эльпидио Кирино, одного из своих доверенных лиц со времен оккупации. Японцы однажды арестовали его на короткое время из-за запрещенных спекулятивных сделок, а теперь он представил это так, как будто бы это был большой подвиг.

Фото 66. Эльпидио Кирино

Благодаря этому выборному фарсу самые реакционные части гасиендеро и крупной буржуазии захватили политическую власть. И теперь без задержки 4 июля 1946 года произошло провозглашение «независимости».

Не прошло и года, как президент Рохас оплатил первую часть счета, который предъявили ему США. В «Договоре об основах взаимоотношений» были гарантированы военные базы, которые должны были остаться на следующие 99 лет. Речь шла о 22 районах для баз и гарнизонов, таких, например, как военноморская база Кавите в заливе Манилы, Олонгапо в бухте Субик-Бей, Гиуан на острове Самар и еще один объект в архипелаге Сулу. Как военные аэродромы были определены Кларк-Филд, Флоридабланка, Апарри, Пуэрто-Принсеса и Мактан. Бывшие крепости Стотсенберг, Маривелес и Кэмп-Уоллес снова были возвращены Америке. Еще повсюду в стране было создано достаточно много так называемых стрельбищ, полевых аэродромов и складов снабжения. Американские военные круги рассматривали усиление своего военного присутствия на Филиппинах, естественно, с учетом будущих военных операций на Тихом океане, что проявилось позже во время Корейской войны и других операций Соединенных Штатов.

Однако еще существовал «Демократический альянс», существовали коммунистическая партия, крестьянские объединения, профсоюзы, союзы ветеранов хуков, следовательно, обширный очаг революционных идей и действий в сердце управляемого теперь махровыми реакционерами «непотопляемого авианосца». Для США вопрос о надежности был очень важным. Поэтому они ловко распространяли в манильских газетах слоган: «Тот, кто инвестирует, хочет безопасности!»

Вскоре после войны американские монополии начали модернизировать свои предприятия и шахты на островах. Также плантации были относительно быстро приведены снова к новому процветанию. Но инвестиции на Филиппины

все еще не поступали. Одна из крупных капиталистических газет Манилы выразила это открыто: «Нет безопасности для капиталовложений там, где в народе распространено враждебное отношение к американскому капиталу».

Президент Рохас знал, что иллюзии простого народа о «подарке» независимости будут недолговечны. Затем должно было наступить отрезвление. Коммунисты воспользуются им, чтобы продолжить организовывать население для борьбы против иностранного империализма, одновременно, однако, и против местных крупных землевладельцев и капиталистов. Был только один выход: с демократическим движением нужно было бороться военным путем. Для этого его нужно было, наконец, спровоцировать на вооруженное противостояние.

Сначала силам военизированной полиции был отдан приказ навести в деревнях «спокойствие и порядок», которые в то время вовсе не были нарушены. Но в Маниле ситуация была представлена таким образом, как будто бы ветераны движения хуков, крестьянские объединения и другие демократические силы уже собирались для вооруженной борьбы. Рохас разжигал истерию, угрожая, что он наведет порядок «железным кулаком». Он дал своим полицейским силам тайный приказ провоцировать коммунистов на столкновения. Это, правда, не совсем совпадало с замыслами Эдварда Лансдейла, который внимательно следил за происходящим и к тому времени еще не закончил свои приготовления, но Рохас уже нанес удар. Его полицейские нападали на «левые» поселки, прежде всего, в Пампанге, Нуэва-Эсиха, в Пангасинане и Тарлаке. Сотни крестьян были убиты, свыше тысячи функционеров крестьянского союза арестованы.

Фото 67. Репортер «Ассошиэйтед Пресс» Спенсер Дэвис (слева), Эдвард Лансдейл (в центре) и майор филиппинской армии Наполеон Валериано (справа) с пленными хуками, 18 июля 1947 года. Фотография из книги Макса Бута «The Road not Taken. Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam». К этому времени Хуан Тесос поселился в Гапане, небольшом городке в провинции Нуэва-Эсиха. Он женился на девушке, с которой познакомился среди хуков, и после роспуска отрядов хуков переехал с нею в дом родителей. Отец Росалины, жены Хуана,

был жестянщиком и работал в коммунальном управлении, занимаясь ремонтом городского водопровода. Ему удалось замолвить словечко за Хуана. Бывшего хука приняли в группу шахтеров, которые занимались удлинением водопроводной линии. Эта работа обеспечивала молодой паре средства к существованию.

Росалина стирала для более богатых семей городка. В тот момент, когда Рохас приступил к своей политике «железного кулака», они оба думали о ребенке. Заработок не был высок, но он прокормил бы их и ребенка.

Когда подразделение военных полицейских вторглось в Гапан, Хуан Тесос работал за городом. Когда он вечером вернулся, коллеги рассказали ему, что полицейский гарнизон получил подкрепление. Сначала Тесос уделил этому сообщению мало внимания. Люди уже привыкли к тому, что полиция бряцала оружием. Все же жизнь стала сравнительно мирной.

Тем не менее, новые полицейские прибыли с ясным намерением. В Гапане имелись не только бывшие борцы движения хуков, которые входили в союз ветеранов, но и коммунисты, офис крестьянского союза, а также несколько жителей, о которых через осведомителей стало известно, что они раньше тайно служили хукам в качестве связных.

Через один день после своего прибытия люди в форме приступили к охоте. Организация информаторов полковника Лансдейла выполнила всю работу: полицейские знали все о так называемых мятежниках. Они знали не только их имена, но и место их жительства и место работы. За несколько часов почти все были собраны с разных концов. Жандармы загнали их во двор тюрьмы, так как в камерах не хватало места. Они приказали им сесть там и объявили им, что они нарушили спокойствие и порядок и поэтому им предъявлено обвинение.

Также Хуан Тесос был среди них; его забрали с работы. Тесть, который немедленно узнал об этом, не размышлял долго. Он побежал домой и предупредил свою дочь. Сначала семья спряталась у родственников на окраине городка и выжидала. Полицейские обыскали также дом родителей Росалины и, когда они не нашли там кого искали, рассердившись, разбили всю мебель в доме. Затем они двинулись дальше.

Во двор тюрьмы приводили все больше арестованных. К вечеру полицейские застрелили нескольких из них, которые якобы оказали сопротивление при аресте. Хуану Тесосу и другим приказали выкопать яму на краю двора, чтобы закопать их.

В это время Хуан увидел Росалину. Она спряталась вне двора, между развалин бывшего японского укрепления. Часовой, который охранял пленников, сонно прислонился к дереву. Тюремный двор был окружен стеной, но она была несколько лет назад, когда подразделение хуков освобождало арестованных там товарищей, частично разрушена и до сегодняшнего дня не отремонтирована.

Хуан Тесос взвешивал шансы для побега. К его ужасу он увидел, что Росалина снаружи помахала ему винтовкой. Он вспомнил, что они закопали все свое оружие, еще тогда, во время роспуска их отряда, недалеко от этого места. Росалина показала ему боло, несколько револьверов и еще винтовки, которые она за это время выкопала и притащила сюда между руин. Тесос жестом показал ей, что он понял. Когда она показала на садящееся солнце, он кивнул. Но затем он должен был снова повернуться к яме, так как часовой зажег сигарету и осматривался по сторонам.

Когда они закончили копать яму, они должны были сбросить туда расстрелянных и засыпать их землей. Тесос заметил одному из жандармов, которые наблюдали за этим, что он голоден. Полицейский ударил его прикладом винтовки в спину.

- Зачем вам есть? Ваше время все равно истекло! А умереть можно и с пустым брюхом!

Другая группа арестованных уже копала следующую яму. Когда стемнело, полицейские притащили переносные фонари, с помощью которых они освещали двор. Но свет их не проникал далеко, и Тесосу удалось в благоприятное мгновение проскользнуть в перетянутую только простой проволокой дыру в стене. Он подождал несколько секунд, но, очевидно, никто за ним не следил.

Хуан быстро обнял жену. Она сунула ему в руку винтовку, заряженную и поставленную на предохранитель. Затем она указала на остальное оружие, которое она тоже зарядила.

Еще три других пленника, с которыми Тесос говорил раньше, смогли незаметно убежать через брешь в стене. Они разорвали проволоку, преграда была устранена. Затем они подождали, пока жандармов не позвали есть. Только двое из них остались на дворе с ручным пулеметом. Тесос посоветовался с другими сбежавшими. Чтобы спасти товарищей, действовать нужно было быстро. Тогда они прибегли к старому приему, который хуки применяли при нападениях на японские посты. Пока большая часть полицейских сидели в здании тюрьмы за едой, снаружи внезапно прозвучали выстрелы. Оба жандарма у пулемета были сразу убиты. Двое пленников схватили пулемет и исчезли с ним в темноте, в то время как остальные сначала ускользнули через дыру в стене тюремного двора и затем получили от Росалины оружие. Каждому из мужчин было ясно, что на карту была поставлена их жизнь, значит, нужно было защищаться. Когда первые жандармы выбежали из здания, они попали под огонь пулемета, у которого лежали два бывших хука. Они сразу отступили и выключили свет в здании. Когда через полчаса они решились на новую вылазку с сильной стрельбой и дикими криками, пленники давно исчезли, как будто бы ночь поглотила их.

Тесос, его жена и примерно две дюжины мужчин двигались на север к Сан-Исидро по густому лесу. По дороге они совещались о том, что нужно делать.

- У нас не остается выбора, – сказал Тесос. – «железный кулак» хочет уничтожить нас. Значит, мы должны бороться, или они перестреляют нас как куропаток. Я предлагаю, чтобы мы сначала двинулись к Араяту. Это долгий путь, но мы знаем эти места. Мы свяжемся с другими товарищами и посмотрим, что делать дальше.

Мужчины согласились. Короткая мирная жизнь, кажется, миновала окончательно. Борьба начиналась снова. Против другого врага.

Президент Рохас по прошествии некоторого времени понял, что его акция «Железный кулак» не добьется решающего успеха, пока преследуемые оказывают сопротивление. Поэтому он издал закон, который карал за владение огнестрельным оружием десятью годами тюрьмы, и устанавливал срок, до которого все оружие должно было быть сдано.

В августе, когда этот ультиматум истекал, представители ветеранов движения Хук и крестьянского союза Лусона заявили о своей готовности к переговорам с президентом Рохасом о сдаче оружия, но только при условии, что частные армии землевладельцев и городские банды боевиков тоже будут разоружены, а полиция прекратит все преследования бывших участников сопротивления.

Луис Тарук, бывший командир хуков, 12 августа 1946 года прибыл в Манилу для переговоров. Рохас пытался убедить Тарука отречься от своей оппозиционной деятельности. Но Тарук настаивал на решении вопроса об оружии. В ответ на это Хосе Сулуэта, министр обороны, предложил, чтобы ветераны хуков со всей страны собрались в одном месте и сдали свое оружие. Намерение окружить их после этого и арестовать, было очевидным. Тарук отверг это наглое требование и предложил, чтобы отдельные подразделения хуков – при условии, что также банды гасиендеро будут разоружены – сдадут свое оружие на соответственно определенных ими местах, и чтобы за этим процессом наблюдали члены совместной комиссии правительства и ветеранов Хукбалахап.

Фото 68. Хосе Сулуэта

Рохас для виду согласился с этим и попросил Тарука, чтобы тот проконсультировался о процедуре этого с ветеранами хуков. 24 августа он должен был снова явиться к нему, тогда было бы достигнуто окончательное решение. Когда Тарук покидал город, агенты тайной полиции следовали за ним. Вообще в это время уже следили за каждым функционером коммунистической партии и бывшим хуком. Несмотря на это Тарук твердо решил довести это дело до решения. Он посоветовался с командирами отрядов, и они после длительного, возбужденного спора решили принять предложение Тарука.

С этой новостью Тарук снова отправился в Манилу. Недалеко от города друзья предостерегли его, что Рохас планирует арестовать его и других бывших командиров хуков. Тарук медлил. Тут он получил известие, что несколько часов назад Хуан Фелео, бывший видный командир хуков и важный функционер компартии, был застрелен военными полицейскими просто на улице в деревне Балуарте в провинции Нуэва-Эсиха. Его труп уволокли прочь, чтобы скрыть все следы преступления.

После этого Тарук решил больше не идти в Манилу. Вместо этого он написал Рохасу письмо, в котором он взывал к честности президента и настоятельно предлагал ему, чтобы он вопреки всему пошел на компромисс. Но теперь Рохас уже использовал армию с танками и минометами. Она опустошала целые деревни. В Центральном Лусоне всего за несколько недель от этого пострадали 87 деревень, из которых преимущественно организованное в крестьянский союз население вынуждено было сломя голову бежать в леса, чтобы просто спасти свою жизнь.

Одновременно правительство Рохаса развязало безудержную клеветническую кампанию против всех левых сил, особенно против бывших членов антияпонского сопротивления. Тщательно составленные задолго до того с помощью

американцев списки были опубликованы. Судебные процессы проводились против все большего числа людей, так как они якобы подрывали спокойствие и порядок в стране уже с 1941 года.

Реакционная пресса отлично сумела свалить вину за репрессии на левых. Мол, люди всюду радовались миру, только коммунисты постоянно мешали ему. Радиостанции ежедневно подстрекали население. «Убивайте каждого, кто отказывается в повиновении правительству!» – «Убивайте мятежников, если вы хотите, наконец, жить в мире!»

У хуков не было никакого другого выбора, они удалялись в леса и болота, снова организовывали свои отряды, которые они распустили, веря в мир. Их штаб опять обосновался на горе Араят. Командование пока выжидало, так как отряды были слабы, и все еще существовала надежда на достижение соглашения с правительством. Кроме того, не было ясных директив политбюро коммунистической партии.

В руководстве компартии ситуация была сложной. Там осознавали, что буржуазные стратеги антикоммунизма своими маневрами ловко завели революционное движение в опасную оборонительную позицию. Несколько ведущих функционеров безотлагательно требовали начать вооруженную борьбу против предательского правительства и его закулисных американских хозяев. Другие, в свою очередь, призывали к сдержанности и осмотрительности и настаивали на продолжении легальной партийной работы. Единодушия быстро добиться не удавалось.

Относительно короткий период легальности, во время которого, кроме того, еще продолжались хитроумные преследования со стороны полиции, был недостаточен для того, чтобы настолько укрепить партию политически и организационно, чтобы она могла представлять опасность для опытного противника. Также во внутренней структуре партии с начала войны мало что изменилось; ее главная сила все еще состояла из крестьянства Центрального Лусона. Кроме того, заново созданные отряды хуков действовали, по существу, на свой страх и риск. Дисциплина и организация были слабы, при всей героической готовности отдельных бойцов пожертвовать собой ради революционного дела. Труднее всего было усовершенствовать связь между отрядами так, чтобы можно было обеспечить скоординированные действия. Хотя и существовала партийная газета, но она не выходила за пределы Манилы. Таким образом, если политбюро и принимало правильные решения в Маниле, то от этого было мало пользы: они очень поздно доходили до масс или даже не доходили вовсе.

Братья Хесус и Хосе Лава, Мариано Бальгос, Федерико Макланг, Рамон Эспириту, Касто Алехандрино и другие члены политбюро коммунистической партии вели самоотверженную работу, чтобы вывести партию и движение хуков из состояния политической обороны. Но им приходилось иметь дело с ловким

противником, который располагал всеми только мыслимыми средствами демагогического влияния на массы. Только в феврале 1947 года политбюро партии пришло к единому мнению о продолжении борьбы.

Фото 69. Рамон Эспириту

Фото 70. Федерико Макланг

Хуки опубликовали предложение к администрации Roxasa закончить вооруженные столкновения. Они высказались за демократическое решение назревших проблем.

Это обращение даже в буржуазных кругах Манилы вызвало значительный интерес и нашло поддержку. Много людей считали, что с хуками обращались безответственно, что их ввели в заблуждение и напрасно их преследуют. «Демократический альянс» требовал от Roxasa занять определенную позицию относительно предложения хуков. Roxas выбрал типичный для него выход.

В конце марта 1947 года представители всех отрядов хуков встретились на Арайте, чтобы с митингом отпраздновать пятилетие основания антияпонского движения сопротивления. Осведомители сообщили полиции об этом. Рохас увидел шанс, которого ждал. В строжайшей секретности он сконцентрировал вокруг этого района несколько тысяч полицейских, приказал подтянуть артиллерию и минометы и обстрелять место, где проходил митинг. Свыше двухсот делегатов различных подразделений хуков были окружены, к тому же почти все руководящие военные кадры. Но атака захлебнулась. Хуки отчаянно сопротивлялись. Даже когда полиция подожгла подлесок, она не смогла изменить ход боя. Хуки вырвались из окружения.

Между тем в политической жизни столицы происходили важные изменения. Осменья, все еще руководитель «Демократического альянса», капитулировал перед США и перед Рохасом. Вместе с тем в «Демократическом альянсе» начался процесс распада, за что Рохас быстро отблагодарил Осменью, назначив его членом своего государственного совета. Другие политики «Демократического альянса» тоже капитулировали перед бесчисленными открытыми и скрытыми репрессиями и публично объявили, что у них нет ничего общего с коммунизмом. Развал демократического единого фронта, который компартия не смогла задержать, позволил Рохасу отказаться от любых переговоров с хуками. Через год после неудачного нападения на Араят, 6 марта 1948 года, правительство объявило хуков и Национальный крестьянский союз вне закона и запретило их. Одновременно комитет конгресса начал расследовать деятельность коммунистической партии и профсоюзов на предмет «антифилиппинской позиции».

Волна Холодной войны захлестнула Филиппины. Из каждого коммуниста в средствах массовой информации делали врага государства, подстрекателя и нарушителя спокойствия.

И тут внезапно, через один месяц после официального запрета хуков и крестьянского союза, президент Рохас умер. Его хватил удар именно в тот момент, когда он произносил громкую речь на американской авиационной базе Кларк-Филд в провинции Пампанга, в которой уверял США, что филиппинский народ безусловно будет верным союзником США в каждой войне, которую Соединенные Штаты планируют вести. Со смертью этого фанатичного антикоммуниста еще раз открылась возможность решить жгучие политические и социальные проблемы мирными, демократическими средствами. По решению центрального комитета коммунистической партии отряды хуков официально предложили Кирино, преемнику Рохаса, перемирие, после чего должны были последовать переговоры об окончании гражданской войны. Кирино хотя и пошел на это, однако одновременно он назначил на должность командира военизированной полиции Гильермо Франсиско, человека, который уже занимал этот пост при японской оккупации. Все же хуки придерживались прекращения огня, и Кирино вынужден был принять их представителей в Маниле.

Фото 71. Гильермо Франсиско

За день до того у Кирино состоялась беседа с полковником Эдвардом Лансдейлом. Американец неторопливо прогулялся пешком к дворцу и, показав свои документы, вошел внутрь в полном душевном спокойствии.

Когда он сидел напротив Кирино, он производил впечатление человека, который пришел не для того, чтобы давать указания, а который скорее хотел вести лишь информационную беседу. Кирино раскрыл ему, что для успокоения населения он готов заявить кое-что, что, пожалуйста, не следовало бы неправильно понимать в Соединенных Штатах. Так он хотел бы покритиковать заключенный в 1946 году неравноправный торговый договор, провести проверку американских военных баз, и, прежде всего, пообещать крестьянам более справедливое распределение земли. В какой-то мере как ответная услуга хуки – при гарантии амнистии – должны были зарегистрироваться и сложить оружие. Лансдейл выслушал это с интересом. То, что планировал Кирино, соответствовало тому, что следовало сделать, чтобы еще больше уменьшить симпатии населения к хукам. В этом отношении это правильно. Но Лансдейл сделал еще одно дополнительное предложение, которое он раньше обосновал подробно.

- Мы теперь можем, – объяснял он, – фундаментально изменить позицию хуков одним искусным ходом. Мистер Рохас объявил хуков и крестьянский союз вне закона. Хорошо. Было бы очень эффективно, если бы новый президент отменил это решение, официально, по всей форме. Это свидетельствовало бы о мудрости нового президента и его готовности к примирению. Затем он может публично объявить амнистию для хуков. Хукам было бы тяжело отказаться, так как они в душе отдают себе отчет, что у их последующей вооруженной борьбы очень мало шансов. Но если они согласятся, то они психологически окажутся у нас в ловушке: амнистированные в глазах граждан – это люди, которые виновны в каком-то преступлении! Я уверен, что хуки – безразлично,

согласятся они с вашим предложением или нет – лишатся доверия у населения. И со всем остальным тогда можно будет легко справиться.

Они еще долго беседовали о всех «за» и «против» этой идеи, наконец, Кирино принял ее.

Кирино отменил даже осуществленное Рохасом лишение высокопоставленных руководителей хуков их депутатских мандатов, которые те получили на выборах 1946 года. Он предложил им вернуться в Манилу и занять свои депутатские места в конгрессе. Одновременно он не предпринимал ничего, чтобы покончить с проходящими по всей стране полицейскими акциями против хуков. Он также остерегался потребовать от гасиендеро роспуска их «отрядов самообороны».

Тем самым Кирино поставил хуков в очень сложное положение. Значительные части общественности считали это предложение разумным и даже великодушным; желание спокойствия и порядка в стране, стремление к спокойной восстановительной работе было сильным. Напротив, положение хуков было абсолютно другим: борьба против них безжалостно продолжалась. Поэтому просто не было возможно согласиться на «амнистию» Кирино; это означало бы верную смерть. Поэтому они выжидали. Правительство должно было сначала выполнить свое обещание. Однако вместе с тем Кирино получил шанс 15 августа 1947 года нанести окончательный удар. Он издал декрет, в котором заявил, что последний срок для сдачи оружия истек, и с этой минуты каждый хук, который еще находится под ружьем, объявляется вне закона.

С тяжелым сердцем политбюро коммунистической партии решилось принять вызов.

Чтобы, как минимум, частично уменьшить тот эффект, который демагогия Кирино оказывала на население, коммунистическая партия 29 августа еще раз провела большой митинг на площади Миранды в Маниле. На нем планировалось зачитать послание хуков.

Франсиско Рамос, который в политбюро вместе с другими готовил этот митинг, прочитал текст, подписанный Луисом Таруком. Факты были представлены так, какими они были на самом деле, и они доказывали вину правительства в срыве попыток соглашения.

- Я публично оглашу заявление, – предложил свои услуги Рамос. – Что вы об этом думаете?

Его отговорили от этого. Удивительным образом у Рамоса пока еще не было проблем с полицией. Так бывало, что эти органы кого-то упускали из виду. Это, естественно, открывало ему также на будущее легальные возможности,

которые нельзя было недооценивать. Поэтому было бы неумно теперь выделяться на публике.

- Ладно, – сказал Рамос. – Что же тогда мне остается делать? Могу ли я уйти в сельскую местность, вступить в какой-нибудь отряд?

Товарищи отговорили его также от этого. Судя по тому, как обстояли дела, в Маниле в недалеком будущем понадобятся надежные кадры, о которых не знает полиция. И в новых условиях тоже нужно было далее расширять связи с рабочими манильских предприятий.

Поэтому Рамос только в качестве слушателя стоял на площади Миранды, в то время как представитель партии оглашал воззвание. Рядом с ним стояла Мария Флорес.

Когда они оба после митинга сидели вместе в книжной лавке, Мария почувствовала, насколько печален был Рамос. Он производил впечатление человека, утратившего надежду, и он действительно ее утратил.

- Что же будет дальше? – спросила Мария.

После долгой паузы Рамос ответил: – Речь идет о жизни и смерти, Мария. И у нас на руках с самого начала худшие карты. Правительство выиграло игру в покер за власть. Не нужно быть пораженцем, чтобы осознать это.

- Но хуки, конечно, будут умно драться, Пако! У них есть опыт партизанской войны.

- Да, да, – сказал он устало. – Они мужественны, как люди в отчаянном положении. Что им еще остается? Все же, от отчаяния и мужества отдельного бойца долгая дорога до способности довести революционную борьбу до победы вооруженным путем. А у них ведь почти ничего нет. Несколько винтовок, да. Никакого современного оружия. И теперь они уже голодают! Как же они должны победить?

- Ты думаешь, население не встанет на их сторону?

- Я в этом сомневаюсь. Впрочем, не только я один. Союз между хуками и рабочими находится все еще в самой начальной стадии. И, собственно, у хуков также есть только Центральный Лусон, как раньше. К тому же общая картина складывается не в пользу хуков. В «Демократическом альянсе», как ты сама знаешь, едва ли кто-то решится выступить в поддержку коммунистов. Мы остались совсем одни. И можем ли мы победить в одиночку, перед лицом этого противника?

Мария запротестовала: – Но что же хуки должны были бы делать? Сдаться на милость или немилость Кирино? Сложить оружие, позволить себя зарегистрировать и запереть в лагерях?

- Я этого не знаю, – ответил Рамос. – Я не могу предложить никакого другого решения, и это, вероятно, хуже всего. Многие из нас настроены скептически, что касается будущего нашей борьбы, но никто не знает альтернативу. Мы должны бороться, хотя мы боимся, что не сможем победить в этой борьбе. Я только надеюсь, что никакая другая партия в какой-то другой стране никогда не окажется в подобном положении!

Восемь недель спустя, 17 октября 1948 года, коммунистическая партия была запрещена. Она перешла на нелегальное положение.

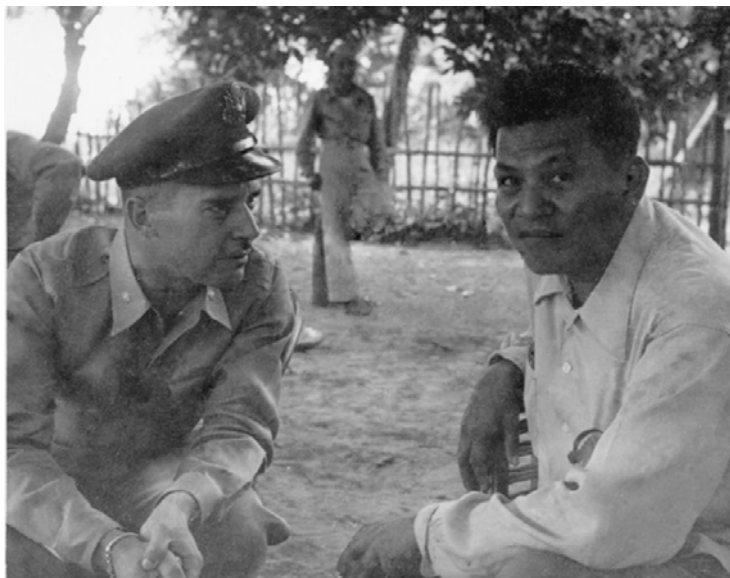
По всему Лусону свирепствовала полиция, проводившая облавы. Хуки заново создавали в деревнях сеть своих агентов. Хукам не хватало боеприпасов и оружия. Они владели несколькими пулеметами, но не могли стрелять из них, так как это были японские модели, к которым давно закончились патроны. Ручных гранат и мин не было вообще. Даже если хукам удавалось захватить некоторое количество их как трофеи, никто не осмеливался их использовать, так как не умели обращаться с ними. Кроме того, не хватало и провианта. Но также отсутствовали подготовленные командиры. Срочно организовывались школы. Пропагандисты приступили к работе. Они перетаскивали бумагу и множительные машины в джунгли и горы и составляли призывы к народу.

К тому времени интенсифицировался «крестовый поход» Америки против коммунизма. В Китай приходило судно за судном с вооружением и прочими предметами снабжения, чтобы спасти Чан Кайши. Одновременно во всей Юго-Восточной Азии усиливались вооруженные восстания против старых колонизаторов и их преемников. Всякий раз, когда до хуков доходили вести об этой борьбе, они черпали из этого новое мужество: они были не одни!

Но чем больше революционное движение распространялось в этой части мира, тем важнее становились для Соединенных Штатов базы на Филиппинах.

Полковник Лансдейл отыскал человека, который интересовал его все больше: Рамона Магсайсая. Перед вторжением японцев Магсайсай занимал руководящую должность в концерне одного филиппинского миллионера, затем он был помощником и переводчиком у полковника Меррилла, шефа USAFFE в западном Лусоне. Американцы после возвращения на короткое время назначили его военным комендантом провинции Самбалес, позже он стал директором управления только что основанной гражданской авиакомпании Филиппин. Как старый знакомый Рохаса он получил место в палате представителей. Сегодня он был председателем влиятельного военного комитета. Из-за этой своей функ-

ции он должен был постоянно сотрудничать с американскими военными советниками. Вот так Лансдейл и обратил внимание на него. Магсайсай ненавидел коммунистов. Почему, это он, пожалуй, и сам не мог сказать. Классовый инстинкт? Вероятно. Неважно. Зато для полковника важны были организационные способности этого рослого мужчины с диким взглядом, человека, который также получил хорошую военную подготовку.

Фото 72. Эдвард Лансдейл и Рамон Магсайсай

- Хуки взяли себе новое имя, – сообщил ему Лансдейл в беседе. – Теперь они называются «Хукбонг Магпапалайя нг Байян». Сокращенно ХМБ. Армия национального освобождения. Что вы об этом думаете?

Магсайсай, который сидел напротив американца с засученными рукавами рубашки, слегка скривил лицо.

- Мы освободим их, мистер Лансдейл. От их голов. Дайте сигнал и средства, а все остальное предоставьте мне!

Конец

Баррио назывался Багабан. Он находился в Булакане, к западу от гор Сьерра-Мадре, в плодородной долине, которую разделили между собой два гасиендеро. Когда-то Багабан был только поселением сельскохозяйственных рабочих, теперь его называли деревней. Для людей от этого мало что изменилось. Большинство работали, как и до войны, на полях гасиендеро, несколько семей арендовали землю и мучились теперь с арендной платой. Самая большая часть их урожаев уходила землевладельцам, а того, что оставалось, не хватало, чтобы прокормить семью. Поэтому мужчинам приходилось еще наниматься на случайные работы. Баррио как тысячи других на Лусоне, не беднее, не богаче.

Гасиендеро жили не здесь, где у них была земля, а в Маниле и предоставили ведение хозяйства управляющим. Натренированные надсмотрщики, с парой дюжин ленивых громил, которые шатались вокруг административного здания, пока не получали приказ погнать кого-то на работу, конфисковать урожай, так как арендатор не внес плату. А также, чтобы при случае избить кого-то, кто слишком громко говорил, что он член крестьянского союза.

Полицейские появились в деревне в первой половине дня. Они приехали с юга, по новой построенной армейскими саперами автодороге. Грузовик с дюжиной мужчин и складывающейся будкой, в которой едва мог стоять во весь рост один человек, причем узкая смотровая щель позволяла ему смотреть наружу.

Перед канцелярией мэра они остановились. Здесь их приветствовали четыре жандарма, которые уже много месяцев несли свою службу в Багабане. Командир группы, сильный мужчина, у которого на поясе висел американский револьвер, а на форменной рубашке была пришита нашивка с именем Сотеро, сначала осмотрел местность, пока его люди немного поели в полицейском участке.

Там, ощутимо близко, на востоке лежала Сьерра, тот длинный хребет, который проходит почти через весь Лусон. Его склоны были крутыми, плохо доступными, густо заросшими. В горах имелось несколько старых троп, которые проходили с севера на юг, но кто их знал! Подъем был бы тяжел, во всяком случае. Хорошо, мы пока обойдемся без гор, сказал сам себе Сотеро. То, что нужно сделать, можно будет сделать и в самом баррио.

Дорога проходила через деревню, но на ней почти не было движения. Построили ее по указанию американцев. Люди говорили, что она служит по существу стратегическим целям. Пока она выглядела практически заброшенной. Только из-за того, что она была заасфальтирована, на ней еще не проросла трава.

Положение баррио не было идеальным, это капитан Сотеро заметил сразу, но здесь, вероятно, едва ли возникнут трудности. Хижины терялись на востоке в густом кустарнике, который рос у подножия Сьерры. За этой местностью трудно было следить, и оттуда также могли проникнуть чужаки. Ну, расставим там дозоры. В западном направлении, напротив, открывалась равнина. Любого, кто убежал бы по дороге, на север или юг, можно будет так же легко увидеть, как и того, кто попробовал бы бежать в сторону равнины.

Когда Сотеро вернулся в полицейский участок, он тоже выделил себе время для обеда, затем он с одним из местных полицейских прошелся по спискам. Вероятно, они были правильны, но все же нужно было проверить это на деле.

- Восемнадцать человек, – заметил он полицейскому. – Это все?

- Может быть еще несколько, – согласился жандарм.

Сотеро не стал тратить время на предположения. Он бросил взгляд на свои часы и принял решение: – Ставьте будку. В шестнадцать часов все население должно собраться перед участком.

Местный полицейский удалился, чтобы отправить своих людей. В это время люди Сотеро выгружали будку. Через час шеф местных жандармов лично привел молодого человека, который был самым важным лицом для запланированной акции.

Его лицо нельзя было разглядеть, тем не менее, на вид ему можно было дать примерно двадцать лет. Соломенная шляпа сидела на нем так, что в крайнем случае можно было увидеть еще поврежденные зубы на нижней челюсти, но эта примета была у многих.

Когда молодой человек стоял перед Сотеро, то подал ему руку и вежливо приветствовал его. – Я надеюсь, мы сможем быстро разобраться с этим делом.

Молодой человек хотел знать: – Вы после этого заберете меня с собой в Манилу?

- Если вы этого хотите, – ответил Сотеро неопределенно, – у нас нет противоположных указаний.

- Я хотел бы убраться отсюда, когда это закончится!

Сотеро насторожился. – Вас узнали?

- Каждый в баррио знает меня. Люди могут догадаться, что это значит, если я окажусь единственным человеком, который не должен будет подходить к будке.

Проблематично, подумал Сотеро. Мы приезжаем в Багабан, чтобы покончить с пособниками ХМБ, находим также человека, который может показать нам каждого из них, но он, кажется, не особо доверяет той безопасности, которую мы создаем. Очень проблематично.

- Вы можете поступить в полицию, – предложил он ему. – Здесь в деревне.

Молодой человек повторил: – Я хочу в Манилу!

- Хорошо.

Сотеро не стал его дальше уговаривать. – Мы возьмем вас с собой.

В шестнадцать часов полицейские согнали жителей баррио на площадь перед полицейским участком. Никто не сопротивлялся; они застали людей врасплох во время работы на полях и привели их сюда под вооруженной охраной. Другая группа прошла по хижинам, собрала женщины и стариков с разных концов. Более молодые женщины несли своих детей. Дело шло к вечеру, но нигде не были зажжены очаги, люди были голодны. Они знали, что их ожидало, но они надеялись, что человек в будке со смотровой щелью был только безвредным хвостуном. Они ошибались. Молодой человек принадлежал к тем осведомителям, которых полковник Лансдейл уже давно отобрал и обучил. Он уже приблизительно два года прожил в Багабанае, знал всех, и видел многое из того, что происходило между жителями и членами ХМБ, лагерь которых был на удалении всего нескольких часов от Багабана в Сьерре. За то, что он делал теперь, он должен был получить большую награду, участок земли в местности по своему выбору и деньги.

Кроме того, он был уверен в защите со стороны властей. И если бы он захотел, он мог бы даже поступить в армию, там бы он пользовался привилегиями при продвижении по службе.

- Начинайте! – скомандовал Сотеро.

Один из полицейских выстрелил в воздух. Бормотание на площади затихло. Люди боязливо смотрели на будку.

- Я приехал с моими людьми, – кричал капитан Сотеро, – чтобы избавить ваш баррио от проблем с хуками. Нам не нужно долго рассказывать вам о том, что они пособники Москвы и занимаются здесь делом международного коммунизма. Они преступники, и мы боремся с ними. Но среди вас есть те, кто тайно сотрудничает с ними. Мы накажем их сегодня. После этого здесь воцарится спокойствие, и вы сможете спокойно трудиться. Мы нашли человека, который знает тайных союзников хуков. Он стоит там в этой будке. Теперь выстройтесь в очередь и медленно проходите, на расстоянии в десять метров, мимо этой будки. Вперед!

На площади было совершенно тихо. Можно было слышать шаги мужчин и женщин, которые двигались мимо будки.

- Она дает хукам рис! – крикнул голос из кабины.

Полицейские Сотеро схватили молодую женщину и отвели ее в сторону.

Через некоторое время голос из будки снова зазвучал: – Он тайный связной хуков, организует снабжение для них и занимается пропагандой!

Пожилого мужчину, ноги которого были темно-коричневыми от мокрой земли на полях, где он работал всего час назад, схватили и отвели. Он крикнул:

«Свинья!» в сторону будки. Полицейские несколько раз ударили его прикладом, затем поставили его рядом с молодой женщиной.

В это время разведчик ХМБ, который спустился с Сьерра-Мадре и приближался к баррио, заметил, что на краю деревни стояли часовые. Он бросился на землю, перезарядил винтовку и осторожно подполз ближе. Ему удалось незамеченным проскользнуть между двумя часовыми и подобраться ближе к площади. Он сразу понял, что здесь происходило. На мгновение он задумался, не должен ли он атаковать. Он вполне мог бы убить этого капитана метким выстрелом, затем тут воцарилась бы неразбериха. Но он решил, что не будет этого делать.

Полицейские обнаружили бы его, и ничего не получилось бы. Нет, он должен был как можно скорее вернуться в отряд. Чтобы помощь здесь не опоздала, товарищи должны были напасть немедленно. Так же осторожно, как он добрался сюда, он снова заскользил назад через кустарник на краю баррио, исчез в подлеске, прополз несколько сотен метров, пока не добрался до тропы, по которой он побежал.

В восемнадцать часов капитан Сотеро в Багабане приказал связать старого крестьянина, о котором осведомитель сказал, что он связной ХМБ, и поставить его на колени. Жители должны были на это смотреть. Один из полицейских Сотеро принес из грузовика японский самурайский меч и проверил его остроту большим пальцем. То, что он должен был сделать здесь, он явно делал не в первый раз. Затем Сотеро обратился к жителям баррио: – Этот мужчина умрет на ваших глазах, чтобы вы все видели, что произойдет в будущем с каждым, кто свяжется с ХМБ. К другим пособникам хуков из вашего баррио мы проявим милосердие; они будут расстреляны. Но его голова, – он указал на связанного, – будет находиться на жерди здесь посреди деревни точно три дня, чтобы вы смогли хорошенько поразмышлять над его судьбой.

Он дал знак полицейскому с самурайским мечом; тот размахнулся и ударил.

Несколько позже жандармы выстроили девять следующих жителей у стены полицейского участка и застрелили их. Сотеро отпустил крестьян, приказав им немедленно похоронить мертвецов. Потом полицейские прогнали людей с площади. Молодого человека вывели из будки и привели в участок. Уже стемнело, никто не мог узнать его. Но он был уверен, что в деревне едва ли был кто-то, кто не знал, кем он был.

Капитан Сотеро решил, что его отряд должен на ночь остаться в Багабане. Завтра утром они поедут в следующую, расположенную севернее деревню. Суетливое время, думал Сотеро, по всей стране разъезжают сотни таких групп. Он приказал шефу местной полиции, чтобы тот позаботился о трапезе. Через

два часа полицейские сидели вместе, ели и пили. Четыре проживающих в деревне жандарма несли службу на постах вокруг баррио. Посреди площади перед участком на длинную жердь была насажена голова убитого связника ХМБ, под нею горел огонь, который зловеще освещал лицо мертвеца.

Четыре жандарма умерли примерно в то же время, когда капитан Сотеро послал водителя к машине, чтобы принести оттуда несколько бутылок красного вина. Они умерли беззвучно, так как партизаны ХМБ убили их ножом. Затем отряд проник в баррио.

Полицейские не считались с возможностью того, что их часовых кто-то сможет снять. Они чувствовали себя в безопасности. Бойцы ХМБ воспользовались своим шансом и атаковали так быстро, что полицейские не смогли организовать эффективное сопротивление. Когда наступила тишина, из полицейских никто не остался в живых. Капитан Сотеро, который попытался сбежать на грузовике, лежал под обломками машины. Постепенно жители стали собираться на площади. Они приходили нерешительно. Хотя они с облегчением приветствовали бойцов ХМБ, но не проявляли настоящей радости. С одной стороны, судьба убитых угнетала людей, с другой стороны, они знали, что отряд ХМБ снова уйдет, приедут новые полицейские, и все начнется сначала.

Голову крестьянина сняли с жерди и похоронили. После этого командир отряда обратился к жителям. Он говорил, что простой народ теперь стоит перед решением: либо позволить полицейским правительства поставить себя на колени, либо поддержать ХМБ. Другой альтернативы не существует. Он призвал молодых людей уходить в горы и служить свободе. Некоторые решились на это. В эту ночь еще нельзя было предсказать, будет ли в недалеком будущем в Багабана заново создана нелегальная организация ХМБ. К утру бойцы снова покинули деревню. В вихре событий никто не заметил, что осведомитель смог незаметно ускользнуть.

После мошеннического маневра Кирино с амнистией вооруженная борьба значительно обострилась, особенно на Лусоне. В 1949 году самые ожесточенные бои происходили в Сьерра-Мадре и в примыкающих к ней районах. Здесь, в недоступных горах, у ХМБ были ее самые важные базы. Правительственные войска, состоящие преимущественно из полицейских, снова и снова атаковали местности, в которых они предполагали лагеря ХМБ, но, несмотря на использование самолетов и артиллерии, у них пока были лишь скромные успехи. Позже борьба распространилась также на другие участки острова. Вооруженное сопротивление ХМБ против правительства находило еще сильную поддержку у крестьянства, и поэтому правительству не удавалось разбить ХМБ быстро. Наоборот. Постепенно целые провинции острова Лусон уже больше практически не управлялись из Манилы. Гасиендеро спешно убегали в столицу и предоставляли стычки с разозленными крестьянами своим управляющим и их вооруженным бандам.

В самой Маниле и в других городах оказывали свое воздействие связи, которые к тому времени уже существовали между ХМБ и организованным рабочим движением. CLO, Конгресс труда, самый сильный профсоюз, выступал на стороне ХМБ и организовывал забастовки и демонстрации, в которых наряду с социальными требованиями все чаще можно было встретить такие лозунги как «Долой американский империализм!» или «Рабочие и крестьяне, объединяйтесь для борьбы против иностранного капитала и его местных пособников».

ХМБ вообще прилагала большие усилия, чтобы преодолеть некоторые из ее основных слабостей. Большое значение придавалось воспитательной работе и учебной работе. В джунглях организовывались школы, в которых передавали политические и военные знания. Кадровые работники посылались в удаленные провинции, чтобы разжигать борьбу также там. Даже на остальные острова архипелага ехали уполномоченные командования ХМБ, чтобы всюду, где это казалось возможным, создавать фундамент для последующих вооруженных акций.

Коммунистическая партия была вынуждена снова посвящать всю свою деятельность усилению вооруженной борьбы. Из-за этого в ней все больше пренебрегали другими, еще возможными легальными формами сопротивления. Первые успехи, казалось, сначала подтверждали правильность выбранного здесь пути. Однако многие ведущие функционеры не учли того, что наряду со всеми другими неблагоприятными факторами островное положение Филиппин с самого начала ограничивало победу. Также они упустили из виду, что возможности приобретения оружия и боеприпасов из-за границы были ограничены. ХМБ все еще владела лишь легким ручным огнестрельным оружием, у нее совсем не было минометов, практически не было пулеметов, не было ручных гранат. Все, что вообще удавалось раздобыть, нужно было окольными путями с большим трудом доставить в горы и леса. Таким образом, партизанским отрядам, которые порознь часто еще применяли тактику нападений времен войны с японцами, противостояли мощные полицейские силы с отличным оружием; на заднем плане ждала еще не использованная филиппинская армия, а за ней стоял весь военно-технический потенциал США.

У ХМБ были также значительные трудности с приобретением продуктов. Только с тем, что можно было тайно принести из деревень, эту проблему нельзя было решить. Так как освобожденных областей не было, а также не существовало перспективы удержать освобожденные области в борьбе против правительственных сил на более долгое время, ХМБ прибегла к частичному решению. Она формировала специальные подразделения, которые в труднодоступных горных и лесистых местностях старательно обрабатывали землю и возделывали там рис и другие культуры. Но также и эта база снабжения была недостаточна.

В коммунистической партии в это время рассчитывали на поддерживающие акции со стороны населения. Общественная ситуация продолжала ухудшаться, в первую очередь в деревне. По мнению руководства ХМБ и партии неизбежно должно было случиться так, что большинство народа встанет на сторону движения. Вместе с тем можно было бы преодолеть неблагоприятные факторы. В руководстве исходили из настроения, которое по всей стране было вызвано предусмотренными на осень 1949 года президентскими выборами.

Кандидатом от либералов был Кирино, политика которого вызывала споры даже в буржуазных кругах. Против него выступала партия националистов, которая к тому времени приняла в свои ряды еще больше бывших известных коллаборационистов. Но теперь случилось кое-что, чего революционные силы не ожидали. В то время как они в своей пропагандистской работе снова и снова напоминали о том, какие позиции занимали при японской оккупации такие политики как Лаурель или Ректо, те спекулировали на забывчивости граждан и их готовности к примирению. Их спекуляция сработала. Упрек в коллаборационизме больше не был так эффективен.

Так Хосе Лаурелю, ведущему кандидату националистов, удалось получить значительное количество голосов, тем более что он довольно демагогически выступал против договоров с американцами, требовал мероприятий для защиты экономической самостоятельности Филиппин и выступал за вообще абсолютно другую крестьянскую политику. Он даже дошел до того, что стал защитником Национального крестьянского союза, запрещенного Кирино. Его посредники уговаривали американцев, чтобы те поддержали его. Но лобби Кирино в Соединенных Штатах было сильнее.

Американские воинские части на островах были – в испытанной манере – приведены в состоянии повышенной готовности. Полиция в деревнях принуждала людей, иногда открыто, чтобы они голосовали за Кирино. Использовались все трюки, которые знает буржуазный механизм обмана на «свободных выборах»: от продажи за самую высокую цену избирательных бюллетеней до прерывания выборов, когда в избирательном пункте набралось достаточное количество голосов за Кирино. Манипуляции были настолько очевидны, что даже американские наблюдатели, как репортеры «Нью-Йорк Таймс», должны были публично признать, что Кирино выиграл выборы с помощью грубых фальсификаций.

Серхио Осменя, глава националистов, в знак протеста против фальсификаций результатов выборов подал в отставку с должности члена государственного совета. Возмущение националистов местами даже выливалось в вооруженные акции. Но все это ничего не изменило в факте президентства Кирино, и он, кто знал о поддержке американцев, был твердо намерен сломить сопротивление своих противников. При этом от него не ускользнуло, что возмущение манипуляциями на выборах косвенно помогало ХМБ. И так, он снова направил основное внимание на эту вооруженную организацию сопротивления,

назвал ее единственной помехой здоровому развитию, в конечном счете, также причиной того, что США все еще не приступили к осуществлению своей программы помощи, которая принесла бы «бедным благосостояние, а богатым прибыль». Кирино представил в равной степени как простую, так и демагогическую альтернативу: помогите мне ликвидировать вооруженных левых, тогда будет рай для всех. Или же бросьте меня на произвол судьбы, тогда Соединенные Штаты отвернутся от Филиппин, и ХМБ ликвидирует буржуазию и введет коммунизм!

В конце 1949 года политбюро коммунистической партии и наивысшие командиры ХМБ встретились на хорошо спрятанной базе в Сьерра-Мадре.

Хижины были построены крепко и хорошо замаскированы, они прижимались к засаженному густым лесом склону. Дозорные наблюдали за всеми ведущими сюда тропами. В воздухе порой можно было услышать жужжание самолета-разведчика, но пока эти машины тщетно пытались что-то найти под непроницаемым ковром крон могущественных деревьев.

Касто Алехандрино вместе с Луисом Таруком прибыл на место встречи.

Они приветствовали Димасаланга, Альфредо Сауло, братьев Хосе и Хесуса Лаву, которые уже были здесь. Затем они принялись за скромную трапезу, которая была приготовлена поварами лагеря: немного риса, дикие овощи и даже немного мяса из захваченных у противника консервов.

Постепенно прибывали также манильские участники совещания. Предстояло принять далеко идущие решения о будущей стратегии. Когда, наконец, все уселись вместе, было уже темно. В большой хижине, которая обычно служила помещением для учебных занятий, горел масляный светильник. Его света едва хватало, чтобы узнать друг друга.

Касто Алехандрино молча слушал, как один из товарищей из Манилы рассказывал о всеобщем возмущении из-за фальсификации результатов выборов Кирино. Он также молчал, когда тот же оратор из газетных сообщений давал картину о положении в Китае, где Чан Кайши был вынужден уступить давлению революционных войск и искать убежище на острове Тайвань. Это все, так считал этот товарищ, являлось блестящими предпосылками для того, чтобы также на Филиппинах удалось добиться быстрой победы народных сил. Население, говорил он, стоит на стороне революции, американцы в настоящее время потерпели поражение в Китае и не оправятся так быстро от этого шока. Вместе с тем наступило время для решительных действий.

Оратор встретил одобрение. Все же, имелось также несколько командиров, которые были настроены скептически. Алехандрино чувствовал, как все взгляды были направлены на него, когда он, наконец, сказал: – Товарищи, не

стоит ли нам посмотреть на наше положение более трезво? Какими вооруженными силами располагает Кирино, вы знаете. Сколько американских солдат с танками, пушками и самолетами стоят за Кирино, это вам тоже известно. В вооруженных силах, как и в Constabulary, нет явлений распада. Наоборот. Они вооружены так же исключительно хорошо, как войска Чан Кайши, но они не деморализованы как те, скорее они похожи на легавых собак, которых пустили по нашему следу.

- Ты боишься, Касто?

Вопрос прозвучал из полумрака. Алехандрино знал спрашивающего. Он не хотел оскорблять его, поэтому он лишь серьезно сказал: – Парень, тебе следовало бы знать, что я не боюсь никого, пока я могу пошевелить хотя бы одним пальцем. Но в моем отряде у более ста человек нет ни одной винтовки. У того, у кого она есть, у того всего лишь двадцать патронов. Тебе уже когда-нибудь приходилось нападать на броневик с боло?

Когда никто ничего не сказал, Алехандрино ворчливо продолжал: – Один из моих людей недавно сделал это. Он разбил на броневике фары, и в то время как он пытался изрезать колеса, они из машины бросили на него пять ручных гранат. Ты знаешь, что это значит: пять гранат для одного человека! Если бы у нас была бы только одна единственная граната, мы подбили бы ею этот броневик! Но у нас не было ни одной. Я описываю вам это, чтобы вы задумались. У нас есть гнев и мужество. Но у врага есть оружие. Вот такая ситуация. Мы должны исходить из этого, а не из рассуждений о том, что удалось китайцам.

Он остановился, как будто бы он боялся сказать что-то, о чем здесь говорить не стоило. Его глаза сузились; он засунул руку в карман, достал табак и кукурузный лист и скрутил сигарету.

Димасаланг предложил добыть оружие и боеприпасы в нескольких больших акциях с нападением на склады. Но на это нельзя было решиться. Склады слишком хорошо охранялись, при нападениях на них были бы катастрофические потери. Обсуждалась также китайская тактика – создавать освобожденные области, в которых производилось оружие и боеприпасы. Собравшиеся согласились с тем, что нужно будет из всех сил взять курс на эту тактику. С помощью таких областей можно было бы в значительной степени также решить проблемы снабжения. Участники разложили карту, и обсуждали удобные местности в горах, в которых можно было создать базы снабжения.

Хосе Лава не был против освобожденных областей, но он напомнил о том, что решающие действия китайской народно-освободительной армии развились лишь после того, как Советская армия освободила Маньчжурию, промышленное сердце Китая.

- Не будем забывать, что мы живем на острове, – предостерегал он. – Вокруг нас нет дружественного соседа, который мог бы помочь нам. Мы можем достичь только того, что мы сами можем сделать.

Тарук, худой, неразговорчивый главнокомандующий, тихо сказал: – Мои люди голодают. Наши запасы израсходованы. Из трех колонн носильщиков, которые приносят нам из деревень продукты, две были перехвачены. Нельзя недооценивать Constabulary. Это опытные люди. Они располагают многочисленными информаторами, и у них есть рации. Вследствие этого они могут молниеносно обмениваться своими наблюдениями и мгновенно направлять свой отряд в то место, где в это время движется одна из наших колонн со снабжением. Около моей базы разбили лагерь несколько сотен стариков, которые убежали к нам из деревень. Мы не можем прогнать их, но они – это риск для нас. И они тоже голодают.

- Товарищи, – призвал один из тех, кто прибыл из Манилы. – Может, мы лучше обратимся к настоящим заданиям вместо того, чтобы жаловаться здесь на ежедневные трудности?

Алехандрино вспыхнул: – Здесь никто не жалуется! И эти ежедневные трудности определяют то, какие из настоящих заданий мы можем решить!

- Да, я понимаю ваши сомнения. Но есть ли другое решение, кроме борьбы? Такого решения нет, разве только, если сдаться. Вы хотите этого? Итак – давайте соберемся с мужеством и будем сражаться!

Алехандрино сердито посмотрел на говорившего. – Я повторяю: мы не жалуемся, мы думаем над тем, есть ли у нас сила, чтобы победить!

Тарук положил ему руку на плечо. – Не горячись, Касто, мы все здесь немного возбуждены.

Манилец сдал назад. – Никто не упрекает вас, товарищи. Вот только – мы должны довести до конца борьбу, к которой нас призывает народ. Ситуация тяжела, но признаки указывают на нашу победу. Народ готов к бою, мы должны возглавить его. Вся Азия пробуждается, так что мы должны занять наше место. Давайте сначала проголосуем: мы сражаемся или же сдадимся как трусы? Кто за борьбу?

В наступившей тишине Хесус Лава сомневающимся тоном произнес: – Но можно ли представлять альтернативу так просто? Разве для коммунистов не существует много разных видов борьбы? Почему мы говорим только о вооруженной борьбе?

Он не получил ответа. Даже Алехандрино опустил голову. Никто не должен был когда-нибудь обвинить его в том, что он, мол, продемонстрировал трусость. Тарук пристально смотрел в огонь масляного светильника. Димасаланг качал головой и ворчал: – Я никогда в жизни не уклонялся от борьбы!

Несколько позже участники собрания пришли к выводу, что ситуация в стране требует усиления вооруженной борьбы и приближает победу, делая ее достижимой. Хосе Лава, Алехандрино и другие настаивали на обсуждении мероприятий, которые должны были сделать ХМБ более боеспособной. Так еще много часов обсуждались отдельные вопросы, делались и отвергались предложения, обдумывались методы. Наконец, они разошлись после того, как принципиально высказались за то, чтобы остановить практически все еще возможные легальные акции в пользу военных действий. Вооруженную силу ХМБ нужно было постоянно демонстрировать населению, чтобы растормозить его. За приобретение оружия, боеприпасов и продуктов должны были отвечать сами командиры отрядов.

Касто Алехандрино после совещания проспал несколько часов, затем он отправился в путь. Тарук, с которым он еще раз встретился, серьезно спросил его: – Касто, скажи мне честно, мы сможем с этим справиться?

У Алехандрино больше не было желания говорить об этом, даже с Таруком. Поэтому, прощаясь с ним, он только сказал: – Большинство приняло это решение, мы должны его исполнять. Я сам лучше умру, чем дам повод обозвать меня трусом.

После этих слов он ушел, тяжело ступая. Он считал решение поставить при данных обстоятельствах все на одну лишь вооруженную борьбу, ошибочным. По его мнению, в стране было возмущение, но не было никакой революционной ситуации. Он также не верил, что большинство жителей городов присоединятся к ХМБ только потому, что та будет размахивать своими винтовками. Он также был настроен скептически из-за продуктов, и он ломал себе голову, откуда он мог бы добыть боеприпасы. Все же, признавался он сам себе, я не проголосовал против этой странной оценки ситуации. Никто не проголосовал против, ни Тарук, ни Лава, ни Сауло, ни Димасаланг. Почему нет? Ну, кто же захочет выглядеть трусом, нерешительным человеком в решающее мгновение?

Алехандрино не был единственным, у которого в конце 1949 года были сильные сомнения из-за этого решения с серьезными последствиями. В действительности руководство коммунистической партии и командиры ХМБ пришли к ошибочной оценке положения, к недооценке противника и к переоценке своих собственных возможностей, и это предвещало чрезвычайно опасные последствия.

Тем не менее, начались первые успехи. Крестьянское население Лусона поддерживало ХМБ по мере своих возможностей. В отряды партизан массово стремились добровольцы, так что у учебных центров возникли большие трудности.

Теперь ХМБ организовалась в шесть региональных командований, в каждое из которых входило по несколько рот. Кроме того, каждое командование создавало себе собственную сеть снабжения и разведывательную сеть. В целом ХМБ вскоре насчитывала примерно десять тысяч бойцов. В деревнях она располагала приблизительно в пять раз большим количеством связных и помощников. Однако ХМБ не смогла извлечь пользу из этого массового прихода готовых к борьбе мужчин и женщин. Задача, которую она поставила перед собой, уже превосходила реальные возможности движения.

Все же Лусон полностью попал в вихрь новой вооруженной борьбы. Внезапно полицейские участки больше не чувствовали себя в безопасности. На группы жандармов, которые осмеливались выйти на дороги, нападали. Карательные экспедиции, вроде экспедиции капитана Сотеро, не доходили до места назначения. На гасиенды особенно жестоких землевладельцев нападали, прогоняли управляющих и передавали собственность арендаторам. «Лусон объят пламенем!» – так звучал крупный заголовок в «Манила Таймс».

Несколько городов, в том числе Сан-Пабло и Сан-Рафаэль, в марте 1950 года на короткое время были захвачены отрядами партизан, прогнавшими полицию. Также в провинциях Пангасинан и Лагуна активно действовали подразделения ХМБ. Они захватывали оружие, проводили военно-полевые суды над палачами крестьян и оставляли на всех стенах призывы бороться вместе с ХМБ против системы эксплуататоров.

В Соединенных Штатах государственный секретарь Дин Раск спешно организовал в министерстве иностранных дел комиссию по подавлению ХМБ. Еще в апреле филиппинская армия получила еще больше оружия, прежде всего, однако, истребители, которые были пригодны для борьбы с наземными целями на бреющем полете. Кирино ввел чрезвычайное положение на Лусоне. В Маниле с наступлением темноты господствовал комендантский час; также днем патрули контролировали жителей и искали подозреваемых. Летом Кирино посчитал себя вынужденным скромно напомнить Соединенным Штатам об отправке войск.

Новые специалисты прибывали в Манилу. Они усиливали аппарат, который выстроил Эдвард Лансдейл. Правительственная комиссия из США на месте знакомилась с тем, что происходило в стране. Она сообщила Трумэну, что ХМБ расширяет свою сферу активности из Центрального Лусона на север, а также на крайний юг острова.

Наряду с этим группы партизан уже действовали также на других островах, в первую очередь на Миндоро.

Трумэн вызвал к себе Лансдейла для доклада. К этому времени началась «акция в Корее». С последней недели июня там возник театр военных действий, на котором Соединенные Штаты предприняли попытку расширить свои позиции на азиатском материке. С учетом этого, стало еще более необходимо обеспечить прочную безопасность Филиппин как глубокого тыла. Полковник Лансдейл смог сообщить президенту и руководству ЦРУ, что с его стороны уже приняты все меры, чтобы окончательно перейти в наступление. Однако – и в этом Лансдейл был абсолютно согласен с только что вернувшейся из Манилы специальной комиссией – необходимо было сразу же начать финансовую и другую помощь Филиппинам, чтобы в нужный момент дать тамошнему населению первое представление обо всем том, что оно должно ожидать, если оно больше не будет поддерживать ХМБ. Президент согласился.

Так начался приток долларов, военного снаряжения, жевательной резинки и кока-колы, сухого молока и яичного порошка, сливочного мороженого и сигарет «Кэмел» одновременно с решающим наступлением, которое Эдвард Лансдейл начал вместе с филиппинской армией.

Полковник в хорошем настроении вышел из специального самолета, который вернул его в Манилу. Первый его визит был к Кирино, с которым он беседовал целый час. Сразу же после этого внезапно был сменил министр обороны: Рамон Магсайсай занял этот пост. Ему не требовалось входить в курс дела. Все, что он собирался делать, он уже много месяцев снова и снова обсуждал с Лансдейлом и его специалистами. Существовали обширные планы, которые как по звонку начали реализовываться.

Фото 73. Рамон Магсайсай в свою бытность министром обороны Филиппин лично контролировал операции против хуков. Фотография из американского журнала «Life».

Первый удар Магсайса был направлен против высшего руководства революционного движения. Центральный комитет коммунистической партии находился в Маниле. Хотя и на нелегальном положении, его члены пренебрегали элементарными правилами конспирации. Магсайс умело воспользовался шансом, который представился ему. Один из членов ЦК получил приказ отправиться на удаленный остров и организовать там сопротивление. Очевидно, это задание показалось ему слишком трудным, или же он предпочел более комфортную жизнь в Маниле, во всяком случае, он воспротивился приказу. Из-за этого он был исключен из партии.

Фото 74. Министр обороны Магсайс со своим телохранителем. Как доверенное лицо американской разведки он – во взаимодействии с Эдвардом Лансдейлом – сыграл решающую роль в борьбе против хуков. Он разрабатывал тактические планы, по которым вооруженная и идеологически обработанная американцами филиппинская послевоенная армия разгромила революционное движение. Магсайс, узнав об этом, приказал привести этого человека к себе. Он предложил ему огромную сумму денег и абсолютное сохранение его поступка в тайне. Несколько позже список с именами и адресами всех членов центрального комитета лежал на письменном столе Магсайса. Однако Магсайс придумал для маскировки еще одну историю, которая должна была оказать сильное воздействие на общественное мнение. Согласно этой истории, внук национального героя Хосе Рисаля, тоже член коммунистической партии, якобы совершил измену. С одной стороны, эта история, которая сразу же была распространена газетами и радио, отвлекала от настоящего предателя, с другой стороны, она ловко создала психологическую дифференциацию между борьбой Рисаля и целями ХМБ, на что «клюнули» много людей. Лансдейл был в восторге, когда читал газеты. Все же в лице Магсайса он подобрал правильного человека!

Новый министр обороны сразу же включил военизированную полицию в состав армии, руководящие кадры которой в это время уже без исключения состояли из обученных антикоммунистов. В отличие от полицейских сил в армии царил самая строгая дисциплина. Коррупция наказывалась без снисхождения. Таким образом, она представляла собой опасный инструмент власти, не в последнюю очередь также благодаря своему современному вооружению и многочисленным американским инструкторам, которые работали в отдельных воинских частях. Магсайс назначил денежные премии за каждого убитого или плененного члена ХМБ. Для важных командиров они составляли до 150

000 песо. Перебежчикам из ХМБ он обещал участок земли, а также деньги и уверял их, что они не подвергнутся репрессиям, если они вернуться к мирному труду.

Фото 75. Эдвард Лансдейл и Рамон Магсайсай в октябре 1952 года. На заднем плане командно-штабной броневик М-20 американского производства.

В противоположность прежним обещаниям различных президентов провести земельную реформу, Магсайсай не допускал сомнений в том, что он сдержит свое слово. Он не боялся говорить об этом публично, хотя Кирино слушал это без удовольствия.

18 октября 1950 года в жилища всех установленных членов центрального комитета ворвались военные патрули и арестовали товарищей. Вечером 105 видных коммунистов, среди них все политбюро, включая нового генерального секретаря Хосе Лаву, были уже в тюрьме. Вместе с тем партия осталась без руководства, и ХМБ, у которой и без того уже были значительные трудности со связью, должна была теперь действовать полностью на свой страх и риск.

Касто Алехандрино, Луис Тарук и несколько других опытных командиров несли полную ответственность за ХМБ, как политическую, так и военную. Но они в своих лагерях в джунглях и в Сьерра-Мадре были изолированы от внешнего мира. Снабжение становилось все труднее, и количества оружия все еще не хватало, чтобы, по крайней мере, обеспечить всех бойцов винтовками. Так в апогее вооруженного народного движения внезапно возникло чрезвычайно критическое положение. Магсайсай требовал капитуляции. Ведущие командиры настаивали на продолжении борьбы. Выражение «сражаться до последнего человека» теперь еще чаще можно было услышать в горах и в джунглях.

Но там все еще верили, что масса населения стоит на стороне ХМБ, поэтому противник не сможет победить.

Кроме того, был расчет и на то, что американцы из-за своей войны в Корее утратят интерес к Филиппинам. Но руководство ХМБ недооценило американские намерения, так же, как оно переоценило и готовность населения к борьбе.

Жестокие «чистки» Магсайся только на короткое время разожгли новый дух сопротивления, после этого они запугивали население. То обстоятельство, что ХМБ под этим мощным натиском хорошо обученной армии не могла временно отступить, уклониться от ударов и перегруппироваться – что было обусловлено островным характером Лусона – начало сказываться. Прежде всего, однако, проявились последствия потери почти всех руководящих партийных кадров. Таким образом, военные решения становились все более субъективными. Борьба ХМБ, которая началась в обороне и только в ее апогее на некоторое время вызвала впечатление, будто она наступательная, несмотря на временные успехи, с каждым месяцем все больше превращалась в самооборону отдельных отрядов, за которыми целенаправленно охотилась армия Магсайся.

Рамон Магсайсай сконцентрировал свои последующие акции сначала на центре революционного крестьянского движения в провинциях Пампанга, Тарлак и Самбалес. Ночами моторизованные подразделения появлялись в деревнях, сгоняли людей, и задерживали на основании заранее тщательно составленных списков доверенных лиц ХМБ, а также жен и детей партизан. Если первых сразу же расстреливали, то членов семей доставляли в специальные лагеря и распространяли их имена на листовках, которые сбрасывались над базами ХМБ. Деморализующий эффект не заставил себя ждать.

Там, где оказывалось сопротивление, армия сразу использовала артиллерию и напалм. Сжигались целые деревни. Вдоль труднопроходимых лесистых и горных областей широкие полосы земли обрабатывались химикатами, чтобы сделать землю там бесплодной. Это должно было лишить ХМБ любой возможности получать оттуда продукты. Погибших в боях бойцов хуков преимущественно обезглавливали, а их головы на жердях выставляли напоказ.

Действенным, однако, был также приказ Магсайся войскам, за соблюдением которого должен был строго следить каждый офицер: перебежчиков немедленно кормили. Их приводили в казармы, где медики занимались их лечением. Из-за этого в населении скоро возникло мнение, что нужно только дистанцироваться от ХМБ, и армия будет вести себя очень дружелюбно.

Спрятавшиеся в горах и лесах бойцы не имели никаких пропагандистских возможностей, чтобы разоблачить подоплеку этой тактики. Хотя они и выпускали

на примитивных копировальных машинах листовки, и курьеры с риском для жизни приносили их в деревни, их воздействие оставалось незначительным.

Теперь солдаты Магсайся брали все больше пленных. Их привозили в Миндоро. Здесь их ставили перед площадью нерасчищенной под пашню земли и объясняли им: – Пройди тысячу шагов прямо, потом поверни направо, снова пройди тысячу шагов, затем еще раз поверни направо, и когда ты пройдешь еще тысячу шагов, то вся земля в этом четырехугольнике принадлежит тебе!

Газетные репортеры фотографировали бывших борцов ХМБ, которые теперь начинали «новую жизнь». Самолеты сбрасывали над джунглями сотни тысяч листовок с этими снимками. Это тоже увенчалось успехом. В ХМБ все больше проявлялись проблемы с дисциплиной. Нагрузка на сражающихся стала невыносимой. В отношении оружия они уступали противнику, их укрытия благодаря интенсивной авиаразведке в большинстве случаев стали известны врагу. Их безжалостно бомбили. Лазаретов практически не было. В большинстве отрядов не было даже обученных санитаров. К этому добавился голод. Из деревень на краю контролировавшихся ХМБ территорий почти не поступали продукты. Люди из этих деревень были либо переселены, либо они боялись военных патрулей. Поля, которые сами партизаны возделывали в горах, поставляли недостаточное количество продовольствия. К этому добавлялись трудности с транспортом. Расстояния между отрядами были велики, каждый фунт риса нужно было тащить на спине на сотни километров.

И все же ХМБ не прекращала борьбы. С точки зрения военного руководства была только одна альтернатива: капитуляция, и никто из командиров не хотел брать на себя это решение. Такие опытные борцы как Алехандрино, Тарук, Сауло и Димасаланг предпринимали все, что было в их силах, чтобы сдерживать массивный натиск противника, уклоняться от него и наносить ответные удары. Однако их поле для маневра все больше сужалось, и связи между отрядами разрывались.

Летом 1951 года газета «Манила Таймс» опубликовала поданные как сенсация сообщения о бойцах ХМБ, которые сдались войскам Магсайся. Мария Флорес сильно волновалась, когда встретила Франсиско Рамосом. Она считала, что эти сообщения фальшивка, и что все, что было вложено в уста перебежчикам, было придумано психологами.

Рамос вовсе не отвергал эту возможность. Но за последние месяцы он стал еще задумчивее. Он потерял связь с партийным руководством. Он все еще нелегально работал среди рабочих, прежде всего в Тондо, и пытался привлечь их к акциям солидарности в поддержку ХМБ. Но он уже мог предвидеть, что ему это не удастся. Правительство запретило большой профсоюз CLO и аре-

ставало его руководителей. Вместе с тем профсоюзная деятельность стала невозможной. Не нужно ли было ему тоже уйти в Сьерра-Мадре? Это казалось ему не очень рациональным, хотя это и было бы героическим решением.

- Значит, капитуляция? – Мария озадаченно взглянула на него.

Рамос покачал головой.

- Нет. Об этом не может быть и речи. Ты никогда не найдешь меня среди тех, кто сдается. Но я думаю, что сейчас как раз самое время серьезно задать самим себе вопрос, как мы должны вести борьбу дальше. Нашей целью не может быть просто вместе пойти на смерть! Мы должны вспомнить о нашем истинном задании, а именно, об изменении общественных отношений. Этого нельзя достичь тем, что мы все с расстегнутыми рубашками встанем перед стволами винтовок Магсайся

- Отказаться от борьбы? Но это будет воспринято как капитуляция, – сказала Мария.

Как же она права, подумал он. Но разве мы не должны сохранить кадры для следующего этапа борьбы? Революция не заканчивается с поражением в одной битве или в одной кампании. Возможно, она с этого только начинается.

- Кое-что не выходит у меня из головы, – сказал он. – Мне только хотелось бы, чтобы я мог посоветоваться с товарищами. С теми, например, которых арестовали в Маниле. Иногда я боюсь додумывать до конца ту или иную мысль, ввиду тех жертв, которые приносятся в горах. Но ни один путь не ведет мимо правды, Мария. Только если придерживаться фактов, можно проводить разумную политику. А иллюзии приводят к поражениям.

Такие мысли появлялись также у других коммунистов. Даже в тюрьмах они обсуждали, что было сделано неправильно, как можно было сделать это лучше. Постепенно дорого оплаченный опыт многих лет легальной и нелегальной борьбы начал преобразовываться в новое качество политического мышления. Трезвые соображения брали верх. Революционную концепцию следовало продумать по-новому. Она не могла исходить из каких-нибудь предположительных или реальных условий в других странах, а только из конкретной ситуации в собственной стране. И, вероятно, нужно было, наконец, присоединиться к международному коммунистическому движению. Вооруженную борьбу больше нельзя было выиграть. Теперь самым важным было не дать революции зайти в тупик, а перевести ее в следующую фазу. Очевидно, революционному движению на Филиппинах предстоял еще долгий эволюционный путь, пока оно не станет достаточно сильным в политическом и организационном отношении, чтобы решать крупномасштабные задачи, такие как фундаментальное изменение общественного строя и устранение американского империализма.

В феврале 1951 года в лагере ХМБ в южной части Сьерра-Мадре было избрано новое политбюро. Коммунистическая партия не могла оставаться без руководства. Хесус Лава, младший брат арестованного в Маниле генерального секретаря, Касто Алехандрино и другие борцы встретились там.

Но противник не только знал этот лагерь, он также знал о том, что там происходило. Поэтому значительная часть вооруженных сил Магсайса сгруппировалась вокруг Сьерры, затем специальные группы проникли в горы. Сильные, отдохнувшие солдаты, исключительно хорошо вооруженные и оснащенные, с прочной обувью, с рациями и собаками-ищейками. Голодные, страдающие от недостатка оружия и боеприпасов бойцы ХМБ не могли задержать их; лагерь нужно было покинуть как можно скорее.

Между тем кольцо вокруг них сжималось. На всех проходах стояли патрули, самолеты беспрерывно сбрасывали бомбы, и артиллерия стреляла день и ночь.

Вновь избранное руководство коммунистической партии, которая отождествляла себя с ХМБ, не думало о капитуляции. Хесус Лава, новый генеральный секретарь, после длительного совещания с другими товарищами выдвинул лозунг спасти жизнь бойцов. Члены подразделений ХМБ в Сьерра-Мадре ежедневно получали в качестве пищи лишь одну миску каши, которая была приготовлена из диких овощей, трав и сердцевины различных деревьев. Никто не знал, как долго еще можно будет продержаться на этом.

Отряды разделялись на меньшие группы, которые с большой вероятностью легко проскользнули бы через линии противника. Бойцы уходили на юг и на север, в поисках новых лагерей, мест, в которых они могли бы отдохнуть, восстановить свои силы, и затем постепенно вернуться к легальному положению.

Несколько позже появился слух, будто бы Луис Тарук предложил капитуляцию. Никто ничего не знал точно. Постепенно сопротивление стихало. Весной 1952 года армии удалось атаковать лагерь, в котором находилось большое количество кадровых бойцов ХМБ. Но к этому моменту борьба уже закончилась, за исключением лишь мелких локальных боев.

Гасиенда Эндрю Конвея на протяжении двух лет была оцеплена полицейскими, после того, как осведомитель выдал, что этот гасиендеро поставлял ХМБ рис и мясо, создал, так сказать, базу снабжения для них.

Теперь они ушли. Снова приехал тесть и взывал к Конвею, чтобы тот, наконец, окончательно и публично порвал с коммунистами, у которых больше не было даже самого незначительного шанса на Филиппинах. Конвей ничего не отвечал. Он хотел подождать. Время само вынесет свой приговор.

Франсиско Рамос женился на Марии, и книжная лавка постепенно стала местом встречи тех, которые выжили и снова собирались вместе.

Хуан Тесос исчез из колонны пленных, которых солдаты гнали ночью. Он смог разыскать свою жену и затем вместе с нею вернулся на Батаан, в свою родную деревню. Первой песней, которой они оба научили своего мальчика, когда он подрос, была старая боевая песня хуков «Анг Бандила Пунит-Пунит» («Разорванное знамя»).

Большинство командиров ХМБ погибли в боях.

Алехандрино, Хесус Лава, Федерико Макланг и другие, кто остался в живых, были сначала приговорены к смерти военными трибуналами Магсайся, но позже после массовых протестов во всем мире они были помилованы, и казнь им заменили долговременным тюремным заключением, так же, как и Хосе Лаве и остальным арестованным в 1950 году руководящим кадрам коммунистической партии.

Фото 76. Танки против хижин. «Акции умиротворения» Магсайся были чрезвычайно жестокими. Если становилось известно, что в какой-то деревне было организованное сопротивление хуков, войска окружали эту деревню и расстреливали хижины.

Борьба с неравными шансами заканчивалась. Движения Хук больше не существовало, не было уже и ХМБ, хотя террористы и бандиты из люмпен-пролетариата позже нередко присваивали себе имя хуков. С коммунистической партией и благородной традицией хуков это не имело ничего общего.

Должно было пройти еще около двадцати лет, пока организованному рабочему движению и его партии на Филиппинах снова не удалось высказываться легально. За это время страна все больше попадала в зависимость от США. Но опыт войн в Корее и Вьетнаме, а также усилившееся также среди буржуазии недовольство «союзником», который содержал на Филиппинах обе свои самые

большие зарубежные военные базы, привели в союзе с растущими экономическими и социальными противоречиями к тому, что, наконец, и коммунисты тоже смогли сделать шаги к новым действиям. Развитие, в которое, в конечном счете, движение хуков своими неисчислимыми жертвами внесло свой вклад. И это, вопреки их неудаче, делает их исторические деяния незабываемыми.

Приложение. Рог буйвола и боло

Краткий очерк исторического развития Филиппин от истоков до преддверия Второй мировой войны

В перерывах между петушиными боями рассказчики историй на рынках Лусона иногда так повествуют о появлении более 7000 филиппинских островов. Когда-то давным-давно восседающие высоко над морем боги стали спорить между собой, они хватали своими длинными руками скалистые глыбы с суши и бросались ими друг в друга. Скалы падали посреди Тихого океана, и так там образовалась путаница островков, сначала суровых и необитаемых, пока морские птицы не уронили над ними первые зернышки семян, из которых проросли травы и деревья. Со временем, наконец, на каменных глыбах, которые гнев богов бросил в море, возник рай.

У ученых, естественно, есть другое представление об изменениях, которые совершались в течение тысячелетий на поверхности Земли. По их мнению, примерно 25 000 лет назад Филиппины были сухопутным мостом к азиатскому материку, который позже постепенно заполнялся водой и превращался в острова. По этому мосту, вероятно, на сегодняшние Филиппины пришли их самые первые жители, маленькие как пигмеи негритосы (негрито). Они оставались первыми поселенцами там на многие тысячелетия, пока с южных тихоокеанских островов не прибыли на своих мореходных каноэ папуасы и тоже поселились там. Еще позже, примерно в то же время, когда возникла легенда о Христе, мореплаватели-малайцы попали на острова. Также для них на архипелаге было достаточно места. В десятом столетии нашей эры началось сильное переселение китайцев, после того как уже задолго до этого китайские купцы из процветающих поселений на Жемчужной реке (Чжуцзян) развивали торговые связи с филиппинскими приморскими городами. Также японцы вели торговлю с островами, которые они называли Тукхара. Арабские купцы принесли в страну мусульманство. Хотя население островов не обладало единой религией – часть следовала анимистическим представлениям, в то время как другие почитали Будду или Вишну, в зависимости от того, из каких мест они приехали – ислам смог распространиться только в самой южной части.

На островах Лусон и Себу возникли первые раннефеодальные малые государства; все же, они не были долговечны. Но, очевидно, отсутствие единого государства не препятствовало экономическому процветанию филиппинских островов. В позднее написанном Хосе Рисалем описании того времени говорится:

«Рудники, места промывки золота, ткани из шелка и ситца, судостроение, фермы, домашняя птица и скот, винокурни и оружейные кузницы, добыча жемчуга, обработка шкур и кож, меновая торговля и еще много других занятий подобного рода можно встретить повсюду. С учетом эпохи и свойств островов царит оживленная жизнь».

Райское состояние продолжалось до наступления эпохи великих географических открытий, которая в то же время была эпохой колониальных захватов. Шестнадцатый век внезапно вырвал идиллические острова из их внутреннего спокойствия. Испания и Португалия, обе морские державы, которые боролись за мировое господство, старались захватить для себя богатства Тихого океана.

Фернан (Фернандо) де Магеллан, урожденный португалец, состоявший на службе испанской короны, в 1519 году отплыл с пятью каравеллами из южного испанского порта, прошел вдоль западного побережья Южной Америки с намерением добраться этим маршрутом до Тихого океана. Проплывая мимо Огненной Земли, он нашел пролив, которому позже суждено было носить его имя. Во время своего путешествия он открыл Марианские острова и Гуам, и через полгода после его отплытия филиппинский остров Себу лежал перед ним на горизонте.

Сначала туземцы дружелюбно приветствовали чужеземцев. Но очень скоро они обнаружили, что новые гости приехали не для того, чтобы поселиться здесь или вести мирную торговлю. Вооруженные земляки Магеллана, которые размахивали крестом в миссионерском рвении и требовали от удивленных островитян дань чужой, европейской державе, к своему удивлению вынуждены были констатировать, что «нецивилизованные дикари» вовсе не хотят так просто подчиняться их желаниям. Так дело дошло до борьбы, которая закончилась для испанцев, хотя они были оснащены более современным оружием, большими потерями. При этом сам Магеллан, который выступил в поход против короля Лапу-Лапу, властителя на острове Мактан, перед Себу, был убит.

После того, как испанцы, наконец, поняли, что они ничего не смогут добиться здесь, по крайней мере, в настоящий момент, единственному из пяти кораблей удалось, наконец, вернуться на европейскую родину. Таким образом, они осуществили первое кругосветное плавание, значительное достижение в истории мореплавания, они обнаружили пролив у Огненной Земли, но их первоначальное намерение приобрести новую колонию в широтах Тихого океана не увенчалось успехом.

Все же испанцы не сдавались. Хотя им понадобилось еще больше сорока лет, до тех пор, пока они смогли окончательно обосноваться на Филиппинах, но когда они в 1565 году с сильным флотом подошли к Себу и Лусону, они были гораздо лучше подготовлены к своему предприятию. За это время современ-

ное огнестрельное оружие добилось значительного прогресса. Лопес де Легаспи, конкистадор под крестом, который возглавлял новый десант, не только снабдил своих солдат мушкетами, он также привез с собой пушки на лафетах, зажигательные ядра и картечь которых причинили огромные опустошения на суше.

Сначала был захвачен Себу, через несколько лет испанцы также твердо держали в своей власти Лусон и распространяли свою сферу власти на остальные острова архипелага. Залив Манилы, это место оживленной торговли, обрамленное широкими пляжами с пальмами, за которыми – всегда укутанная дымкой – поднимается гора Маривелес, окончательно стал владением Испании, после того как здесь так долго обитали китайские, японские, индийские и арабские купцы. То обстоятельство, что на островах не существовало единого государства, облегчило колонизаторам их задачу.

Они решали ее, однако, не только силой оружия. Уже при подготовке экспедиции Легаспи церковь сыграла существенную роль. Знаменитые своим миссионерским рвением – и отнюдь не свободные от политических и меркантильных аспектов – ордена иезуитов, августинцев, францисканцев и доминиканцев были – как уже при предшествовавших похожих предприятиях – также на этот раз духовными инициаторами испанского колониализма. Крест и меч, икона богородицы и мушкет вместе проникали на архипелаг. Там, где не справлялся монах со своими попытками обращения в христианство, там конкистадор рубил своим мечом. Там, где было полезнее обходиться без ударов меча и мушкетных пуль, там размахивал крестом миссионер. Этот неблагочестивый альянс был характерной чертой испанской власти на островах, которые очень скоро в честь испанского короля Филиппа II получили название Филиппины.

Островное население удивительно слабо сопротивлялось попыткам обратить его в христианство. Причины этого не в последнюю очередь состояли в том, что в стране существовала пестрая смесь самых различных религиозных верований, но все они не укоренились очень глубоко в духовной жизни жителей. И так испанцы за сравнительно короткое время превратили Филиппины в первую католическую страну Юго-Восточной Азии. Она осталась там единственной вплоть до сегодняшнего дня.

Лишь Минданао, острова Сулу и другие территории на юге и юго-западе архипелага, на которых еще перед прибытием испанцев уже твердо закрепился ислам, успешно боролись против католических попыток проникновения.

Чтобы, с одной стороны, упрочить свое господство в стране и, с другой стороны, заманить жаждущих получить землю колонистов в большем количестве из Испании в Филиппины, очень быстро была введена система, которая предвещала колонизаторам с крестом максимальные шансы прибыли. Так поселенцы с Иберийского полуострова получили право в выделенном им районе

сбирать дань в форме барщины и оброка натуральными продуктами. В качестве ответной услуги их обязывали обучить своих подданных основам христианского учения. Это со временем привело к формированию крепостничества.

Эта система дала духовенству, которое претендовало на монополию в деле распространения христианского учения, неповторимый шанс наряду с прибыльными позициями в торговле присвоить себе также самую большую часть пригодной для возделывания земли. Монастыри католических орденов стали самыми большими землевладельцами на захваченных островах.

Почти двумя десятилетиями позже, по тогдашним оценкам, уже половина жителей находилась в полуфеодальной зависимости от церкви. Варварские методы, с помощью которых благочестивые монахи требовали работать на себя и собирали оброк из продуктов, их неумное желание получить все больше земли, их бессовестная жажда собственности постепенно настроили широкие круги населения против католической церкви. Часто сопротивление принимало отчаянные формы. Вот только сначала оно оставалось безрезультатным ввиду мощной военной силы, которая стояла за монастырями. Хотя сопротивление не прекращалось, но оно на довольно долгое время искало себе другие каналы. Возникали секты, братства и тайные организации. Хотя они в своих программах почти без исключения выступали против креста, все же, их корни лежали в социальной области. Так что Филиппины ни в коем случае не были для испанцев «спокойной колонией».

Хозяева островов должны были бороться не только против внешних угроз, которые исходили, например, от целых флотов китайских пиратов или позже от голландцев, которые стремились отобрать у Португалии ее азиатские владения, и при этом они иногда также вступали в конфликт с испанцами. Конкистадоры также чувствовали, что среди населения накапливалось все больше «горючего материала», который однажды мог бы стать серьезной угрозой для их прибыльных владений.

Тем не менее, история писала свои буквы медленно. Почти три с половиной столетия Филиппины играли важную роль в рамках испанской колониальной системы, особенно по той причине, что они благодаря своему географическому положению служили соединительной точкой на длинном морском пути между азиатским материком и испанскими владениями в Америке. Почти все товары, которые должны были отправляться морем из Азии в Испанию, двигались из китайских портов через Манилу в Акапулько, в то время самый важный порт испанской колонии Мексики. Там их перегружали на суда, идущие в Испанию.

В обратном направлении испанцы отправляли огромное количество награбленного в Мексике серебра через Манилу в азиатские порты, где это серебро

служило для уплаты шелка, пряностей и других вожделенных в Европе товаров. Из-за этой ключевой позиции, которую заняли Филиппины в испанской торговле, в колонии, особенно в Маниле, развивался слой местных перекупщиков, купцов и разного рода торговых служащих, условия жизни которых выглядели гораздо благоприятнее, чем у эксплуатируемого монастырями и землевладельцами сельского населения.

Но этот привилегированный и обогатившийся верхний слой скоро потребовал, чтобы экономическая эксплуатация Филиппин не была больше предоставлена одним только испанцам, а хотел сам занять решающие и самые прибыльные позиции. Националистические идеи получали все большее влияние. Вместе с социальным протестом сельского населения они создавали первые предпосылки для будущих политических и экономических изменений.

Все-таки это продлилось до начала девятнадцатого столетия, прежде чем решающие духовные влияния оказали свое воздействие на национальное самосознание на островах. Они большей частью исходили из Южной Америки, где Симон Боливар возглавил движение за независимость против испанского колониального господства, но они приходили также из самой испанской метрополии, которая в то время переживала свою первую буржуазную революцию и провозгласила конституцию с четко выраженными гражданскими правами.

Колониальным властям и духовенству на Филиппинах еще удавалось ограничивать воздействия этих мощных процессов преобразований. Но уже отчетливо формировались силы, которые должны были надолго воспрепятствовать испанцам хозяйничать по своему усмотрению в этой их колонии. Возросший к тому времени слой интеллигенции, так же как купцы и торговцы, стремились к радикальным изменениям. В крестьянстве колонии у этих привилегированных слоев был надежный союзник, если нужно было выступить против испанско-клерикальной эксплуатации отечества.

После нескольких еще жестоко подавленных испанцами мятежей в середине девятнадцатого века восстание филиппинских вспомогательных войск в испанском гарнизоне Кавите в январе 1872 года дало заметный сигнал для национально-освободительной борьбы. Хотя это восстание также было подавлено, и многие из его участников были казнены с помощью гарроты, но вместе с тем стало очевидно, что для национальной революции больше не было никакого другого пути, нежели всеобъемлющее вооруженное повстанческое движение.

Последнее десятилетие девятнадцатого века уже увидело это движение в полном размахе. К его духовным первопроходцам принадлежал, на первом месте, врач и писатель Хосе Рисаль, много путешествовавший, получивший философское образование человек, который с большой выразительностью описал путь страданий своего народа в своих двух романах «Noli me tangere» («Не прикасайся ко мне») и «El Filibusterismo» («Флибустьеры»). Он не только заложил

этим фундамент современной филиппинской национальной литературы, посвятившей себя идее освобождения, но Хосе Рисаль также собрал вокруг себя единомышленников и основал «Филиппинскую лигу» («Liga Filipina»), первое организованное объединение филиппинских патриотов.

Фото 77. Хосе Рисаль

Все же, в то время как Рисаль и его единомышленники еще убаюкивали себя верой в то, что испанские хозяева будут готовы к уступкам, с помощью которых можно было бы достичь упразднения бесчеловечного колониального режима мирным путем, деятельность другого человека уже характеризовалась убежденностью в том, что только радикальная революционная борьба сможет действительно коренным образом изменить ситуацию.

Андрес Бонифасио, сын моряка из квартала бедноты Тондо в Маниле, скопления трущоб, в то же самое время собрал вокруг себя воинственных единомышленников, которые, как и он, были воодушевлены идеями Французской революции. С ними он создал тайный союз «Катипунан» (Высочайший и досточтимый союз сынов родины), революционно-демократический элемент антииспанского освободительного движения.

Андрес Бонифасио, который был одним из учредителей «Liga Filipina» Рисаля, расстался с ним, так как у него сложилось глубокое убеждение, что выбранный Рисалем и большинством других видных членов лиги путь не мог привести к цели. Сам Рисаль, пожалуй, тоже постепенно осознал иллюзорность выбранного им пути к свободе, но уже больше не мог переступить через себя. Так «Катипунан» стал движущей силой борьбы против испанских колонизаторов и в то же время революционным массовым движением, которое хотело добиться подлинных демократических изменений в жизни народа.

Фото 78. Андрес Бонифасио

Самоучка Бонифасио, который настойчиво работал над совершенствованием своего образования, был одаренным агитатором. Неумоимо он объезжал всю страну и призывал в баррио крестьян и сельскохозяйственных рабочих к сопротивлению. Скоро у «Катипунана» были тысячи приверженцев, и все больше людей из нижних слоев населения стекались к нему. Они смогли преодолеть безразличие, и их прежняя покорность судьбе быстро превращалась в решимость и мужество. «Катипунан» настаивал на активных действиях. Ему еще не хватало оружия, не было и достаточно денег, чтобы покупать оружие за границей. Но крестьяне в баррио точили свои тяжелые ножи боло, изготавливали и другое примитивное оружие, и они были полны решимости не ждать помощи от сверхъестественных сил.

Испанцы очень быстро поняли, что для них возникла серьезная опасность. Всеми средствами они пытались подавить нарастающее народное движение. Они выслеживали его руководителей и внедряли шпионов в нелегально работающую организацию. Но «Катипунану» поначалу удавалось оставить испанцев с носом. Только осенью 1896 года колониальные власти смогли в определенной мере проникнуть в движение. Им удалось идентифицировать несколько сот его членов, которые были немедленно арестованы. Но это отнюдь не сломало хребет «Катипунану», как утверждали испанцы, опьяненные успехом.

Андрес Бонифасио и остальные руководители «Катипунана» осознали, что решение больше нельзя откладывать. Через несколько дней после облавы испанцев они собрали больше тысячи приверженцев организации поблизости от одной деревни к северо-востоку от Манилы. На этом всеобщем собрании Бонифасио открыто рассказал о сложившемся положении и задал присутствующим серьезный вопрос, были ли они за или против немедленного восстания.

Они были за восстание.

Скоро начались первые бои. Повстанцы атаковали склады оружия, они собирались в отряды и в кровопролитной борьбе отражали атаки спешно посланных испанцами в провинции войск. Тот, кто не мог захватить винтовку у противника, сражался боло, бамбуковой палкой или голыми руками. Победы чередовались с поражениями. Но решающим было то, что испанское колониальное господство на Филиппинах отныне вынуждено было всерьез бороться за свое существование.

Тем не менее, в «Катипунане», который сражался уже во многих местах страны, скоро начались внутренние трения, которые в определенном смысле стали определяющими для последующего пути освободительного движения. Эмилио Агинальдо, некогда мэр маленького города Кавите, игравший ключевую роль в повстанческом движении, отвергал, прежде всего, социальные цели Бонифасио, и ему удалось приобрести гораздо большее влияние.

Стремления Агинальдо, в принципе, сводились к тому, чтобы сдерживать народное движение в интересах землевладельцев и усилившейся к тому времени буржуазии. Власть в стране, после того, как она была отвоевана у испанцев, должна была перейти не к народу, к чему стремился Бонифасио, а к новому верхнему слою, который смог развиваться под гегемонией испанцев. Дискуссии вокруг выбора направления тянулись долго. Агинальдо вел их с замечательной ловкостью и с талантом к обману и интригам. Так, наконец, в 1897 году дело дошло до устранения революционера Бонифасио и до его расстрела людьми Агинальдо.

Фото 79. Эмилио Агинальдо

Несколькими месяцами позже, в октябре того же года, Агинальдо смог созвать временное национальное собрание, которое заседало в одном маленьком городке провинции Пампанга. Здесь делегаты приняли первую конституцию, в которой провозглашалось отделение Филиппин от Испании и создание независимого государства, Филиппинской республики. Несколько позже, однако,

испанцам удалось еще раз задержать развитие. Агинальдо, который уже раньше через посредников вел переговоры с ними, под впечатлением военных неудач заявил о своей готовности прекратить борьбу. У требований, которые он в этой связи выставил испанцам, больше не было характера компромисса, они были капитуляцией. Агинальдо уехал в эмиграцию в Гонконг. Испанцы ликовали. Но радость их не продолжалась долго, так как многие командиры повстанцев не последовали указаниям капитуляции и продолжали борьбу на свой страх и риск. Испанцы попытались вести политику, которая состояла из уступок и репрессий. Все же, им не удалось погасить огонь восстания полностью.

Между тем решающие изменения происходили также в других частях испанской колониальной империи. На Кубе в начале 1895 года вспыхнуло народное восстание под руководством Хосе Марти. В соседней стране, Соединенных Штатах Америки, за этими событиями следили с большим интересом. Американский внутренний рынок уже давно был недостаточен для сбыта быстро развивающейся американской промышленности, стремление к экспансии становилось все сильнее. Лежащие буквально перед собственной входной дверью испанские колонии предлагали свои услуги как рынки так же, как они, с другой стороны, своими ресурсами побуждали к аннексии.

В апреле 1898 года конгресс в Вашингтоне одобрил объявление войны Испании. Но одной Кубы было недостаточно для Соединенных Штатов. Американские экономические эксперты давно думали об экономической ценности Филиппин, а военные видели стратегическое значение островов. Только что объявленная война предоставляла возможность одновременно присоединить и Филиппины. Итак, всего через несколько дней после объявления войны Испании, американский флот появился в заливе Манилы и сначала уничтожил стоящие там на якоре устаревшие корабли испанцев. Но вместе с тем сами острова еще далеко не были захвачены. Находящихся на американских кораблях солдат было недостаточно для высадки и успешной борьбы против испанских войск. Поэтому Вашингтон через своих посредников в Гонконге хотел склонить эмигрировавшего Агинальдо вернуться на острова, чтобы при американской поддержке снова организовать там восстание против испанцев. Агинальдо откликнулся на это приглашение.

Уже в июне, через два месяца после уничтожения американцами испанского флота, Агинальдо провозгласил независимость Филиппинской республики, и был объявлен президентом. К этому времени повстанцы стояли перед Манилой, которую американцы до сих пор не смогли взять, и в остальной стране испанцы все больше теряли почву под ногами. Теперь в Соединенных Штатах поняли, что наступил наилучший момент, чтобы отправить собственный большой контингент войск, прежде чем Агинальдо и его временное правительство окончательно смогут захватить и укрепить власть. Тысячи спешно обученных

американских солдат в течение нескольких недель высадились на побережье Лусона.

Испанцы поняли, что проиграли. В ходе переговоров с американцами они достигли соглашения, что они не должны были капитулировать перед повстанцами. Американский адмирал Джордж Дьюи категорически потребовал от Агинальдо, чтобы повстанцы сначала отступили из местности вокруг Манилы, где были зажаты остатки испанской армии, чтобы предоставить взятие города американским войскам. Агинальдо ничего больше не оставалось, кроме как согласиться, хотя многие из его командиров критиковали это решение так же жестко, как в свое время его капитуляцию перед испанцами.

Фото 80. Джордж Дьюи

В середине августа, наконец, американские войска перешли в наступление на Манилу. Еще раньше с испанцами была достигнута тайная договоренность о том, что они будут обороняться слабо, чтобы избежать ненужных потерь, и чтобы не создалось впечатление слишком быстрой капитуляции. Несколько часов позже белые флаги развевались над Манилой. 333 года испанского колониального господства на Филиппинах подошли к концу, но вместе с тем эра колониализма для страны еще не закончилась.

Соединенные Штаты твердо решили не отпустить на свободу острова, экономическое, политическое и стратегическое значение которых они прекрасно осознавали, а присоединять их к своей собственной империи. Для публики они скрывали свои истинные намерения за заявлениями, что они, мол, останутся на Филиппинах лишь для того, чтобы содействовать цивилизации, воспитанию народа и обучению его искусству управления. Международно-правовые сомнения, которые появлялись тут и там, они отвергали с помощью утверждения, что у филиппинского населения отсутствуют какие-либо способности образо-

вать самостоятельное правительство. Метод, к которому американский империализм будет позже еще часто прибегать, чтобы защищать свои интересы за счет других народов.

Еще примерно одно десятилетие продолжалось сопротивление народа против новых колонизаторов. Агинальдо смирился и ушел в отставку. Наконец, вооруженная борьба стихла, после того, как генералы вроде Артура Макартура превратили «акции умиротворения» в стиле массовых убийств беззащитных граждан в господствующую форму дискуссии с борцами за независимость.

Впоследствии колониализм США принес Филиппинам модифицированную форму перенятых у испанцев полуфеодальных отношений. Внутренний рынок заполнялся американскими товарами массового производства, в то время как каждое собственное экономическое развитие, которое не подчинялось потребностям американского рынка, подавлялось. Абсолютно неизменными оставались социальные отношения в деревне, где режим гасиендеро, которых местные жители называли касиками, развивался далее и все более увеличивал обнищание сельскохозяйственных рабочих, арендаторов и бедных крестьян.

Оборотной стороной этой политики эксплуатации была применяемая новыми колонизаторами тактика уступок местной верхушке, направленная на то, чтобы привлечь эти круги на сторону американцев. Привилегии самого различного вида, возможности получить образование, даже разрешение на создание дружественных Америке политических партий служили для того, чтобы взрастить потенциал зависимых от американцев людей, которые в долгосрочной перспективе обещали стать надежными защитниками американских интересов.

Так американцы даже по закону передали самую большую часть земель, еще находившихся в собственности испанских католических орденов, в собственность филиппинских крупных землевладельцев. Эти и другие мероприятия не промахнулись мимо своей цели. Они создали острые классовые противоречия в стране и постепенно сделали местную буржуазию полностью зависимой от ее американских хозяев. Вознаграждение для них состояло в том, что отныне при подавлении и эксплуатации собственного народа им было позволено прикарманить себе определенную долю получаемой от этой эксплуатации прибыли – пусть даже и скромную, но все равно чрезвычайно выгодную.

Но уже скоро обнаружилось, что глубоко укоренившуюся в народе мысль о независимости не могли задушить также новые господа. Не прошло и десяти лет, как на островах снова стали заметны мощные силы, которые стремились к изменениям навязанного американцами колониального статуса.

Уильям Тафт, первый американский губернатор на Филиппинах, проводил политику, которая должна была ввести жителей в заблуждение, чтобы те думали,

будто бы они не были колониальными подданными в обычном смысле. С помощью различных манипуляций, которые могли вызвать впечатление, что филиппинские граждане якобы все больше и больше участвовали в самоуправлении страны, сторонников независимости пытались лишить их самого сильного аргумента. Так американцы сначала заменили военную администрацию в новой колонии формально гражданским управлением. Они позволили местным в большей степени участвовать в управлении, чем это делали испанцы, но все же это не оказывало влияния на административные решения. Наконец, они даже согласились с образованием таких политических партий, которые провозглашали националистические цели. И с 1907 года они делегировали двух филиппинских представителей в конгресс в Вашингтон, само собой разумеется, без права голоса и без самой незначительной возможности изменить что-либо в мероприятиях, которые осуществлялись в отношении Филиппин.

Между тем островное государство переживало что-то вроде экономического подъема. Причиной его были стремления американцев сделать новую колонию как можно быстрее доходным объектом эксплуатации и, с другой стороны, емким рынком американских потребительских товаров. Инфраструктура страны также должна была сильно развиваться для этого. Производство местных культур, перенятое у испанцев, увеличивалось. Транспорт и связь развивались, строились дороги, возникали железнодорожные линии, судоходство возрастало. Вследствие этого процветания даже стало возможно выделять из высоких сверхприбылей необходимые средства на школы. Ситуация в здравоохранении, которому прежде не уделяли внимания, улучшалась. Поэтому многие посетители, которые в первом десятилетии двадцатого столетия побывали на Филиппинах, говорили о процветающей стране, пользовавшейся «благами американской цивилизации и техники».

Газета «Манила Таймс» еще перед Первой мировой войной отмечала, что Филиппины были страной с самым большим количеством автомобилей во всей Юго-Восточной Азии.

Самые большие политические партии, «Federalista» (федералисты) и «Nacionalista» (националисты), мало отличались друг от друга в своих основных воззрениях. В то время как «федералисты» полностью принимали политический авторитет США и откладывали на потом вопрос о национальной независимости, среди «националистов», которые получили большинство на первых всеобщих выборах в 1907 году, первоначально существовало ядро политических руководителей, которые сильнее добивались независимости. Но с годами также в этой партии все большее влияние приобретали зависимые от американцев или преданные им слои буржуазии. Они боялись народного движения, которое должно было, в конечном счете, обернуться также против них, людей, извлекающих пользу из колониальной системы, и поэтому делали ставку на долгосрочный компромисс с Соединенными Штатами. Они хоть и от-

правили несколько «миссий независимости» в Вашингтон, но в остальном беспрекословно мирились с тем, что эти миссии возвращались, не добившись результатов.

Правительство США хотело – хотя ее президент по любому поводу разглагольствовал о праве народов на самоопределение – «в достаточной степени убедиться в том, что Филиппины способны занять свое место среди независимых наций». Таким простым было это дело: до тех пор, пока Соединенные Штаты отрицали это убеждение, независимость оставалась иллюзией.

Непосредственно перед вступлением Соединенных Штатов в Первую мировую войну американский президент Вудро Вильсон снова торжественно повторил свое обещание предоставить Филиппинам независимость, «как только там может быть создано стабильное правительство».

Так как это было бы немедленно возможно, заявление Вильсона, пожалуй, нужно было бы рассматривать скорее с перспективы привлечь филиппинских солдат как пушечное мясо для американского экспедиционного корпуса. Таким образом значительное количество филиппинцев погибло на полях сражений Первой мировой войны, и финансовые взносы, которые колония должна была платить для поддержки американцев, достигли значительного размера.

После Первой мировой войны колониальная эксплуатация на Филиппинах обострилась. Крупная промышленность Америки вследствие этого добилась, среди прочего, монопольного в мировом масштабе положения в производстве копры, манильской пеньки, тростникового сахара, хромита и других продуктов. Наводнение островов низкокачественными американскими товарами потребления, прежде всего, дешевыми хлопчатобумажными тканями, консервами, молочными продуктами, мылом и сигаретами продолжало усиливаться. Вскоре добыча золота также начала играть важную роль. Филиппины стали настоящим эльдорадо для инвесторов и спекулянтов всякого рода. Но они по-прежнему оставались в своем внутреннем состоянии отсталым поставщиком сырья для Соединенных Штатов. Собственная обрабатывающая индустрия ограничивалась немногочисленными и, кроме того, лишь небольшими предприятиями. Самая большая часть работающего населения, более 70%, работала в сельском хозяйстве, феодальный характер которого уже в достаточной мере проявлялся в том, что более 50% пригодной для возделывания и подходящей для орошения земли находились в руках крупных землевладельцев.

По этой причине новые беспорядки начались именно в сельской местности на островах, прежде всего, на Лусоне. Отдельные акции крестьян против необузданной жадности их господ, протест арендаторов против слишком высоких оброков, забастовки сельскохозяйственных рабочих против варварских методов эксплуатации сменяли друг друга. В баррио, особенно на плодородном острове Лусон, возникло революционное крестьянское движение, которое постепенно

приобретало организационные формы, пригодные для того, чтобы добиться от крупных землевладельцев и правительства в Маниле удовлетворения минимальных социальных требований.

Рабочий класс, сконцентрированный в немногочисленных больших городах, прежде всего, столице, оставался пока слабым в количественном отношении вследствие незначительного промышленного развития, и его политическая ориентация прогрессировала медленно и с большим трудом. Трудящиеся слои были почти лишены каких-либо возможностей получить образование. Тем не менее, колониальные чиновники Америки осознавали опасность, которая исходила от пролетаризированного сельского населения; они видели, прежде всего, ее политический вес, который мог получиться в будущем из взаимодействия с пролетариатом городов. Слишком часто уже рог буйвола, традиционный сигнал которого призывал к борьбе против социальной несправедливости, раздавался в баррио, иногда призывая только к общественному протесту, иногда, однако, и к отчаянному штурму гасиенды какого-нибудь из самых злых эксплуататоров. К рогу буйвола тогда присоединялся боло, оружие крестьян. Нередко во время таких акций речь для землевладельца шла о жизни и смерти.

Сначала колониальная администрация во взаимном согласии с гасиендеро противостояла таким действиям с массивным использованием Constabulary, специальной военизированной полиции, которая полностью защищала интересы землевладельцев.

Все чаще также самим землевладельцам молчаливо давалось разрешение содержать собственные вооруженные группы боевиков, которых при необходимости можно было направить против крестьян. Но рог буйвола и нож боло в той решающей фазе формирования революционного крестьянского движения не оставались единственным оружием. К ним присоединялись гудки фабрик в городах, которые призывали рабочих к солидарным действиям.

С победой Октябрьской революции в России революционные идеи и теории все сильнее распространялись также в Азии, особенно в колониях крупных империалистических держав. Хотя рабочий класс, который один только мог определять направление революционной борьбы, на Филиппинах все еще был относительно слабым, но в нем уже выделялись те силы, которые смогли бы вместе с бедным крестьянством и аграрным пролетариатом добиться в долгосрочной перспективе обширных социальных и политических изменений. Самым важным шагом на этом пути было основание коммунистической партии в 1930 году.

Америка делала ставку на филиппинский верхний слой. Она дала ему право получать долю прибыли от эксплуатации, давала высшее образование его детям, и надеялась таким образом, что приобретет себе стабильного союзника для будущих конфликтов. Сначала эта тактика оправдывалась. Но также и

среди местной буржуазии и новой интеллигенции не замирало желание независимости, хотя оно часто возникало не столько по патриотическим мотивам, а скорее из того холодного расчета, что прибыли, которые в настоящее время еще получали американские монополии, в случае независимости целиком и полностью доставались бы им. Это развитие принуждало американцев к использованию осторожной тактики.

Снова и снова уверялось, что Соединенные Штаты вполне готовы предоставить Филиппинам статус независимой страны, осталось только лишь создать несколько необходимых для этого предпосылок. В принципе, это была тактика затягивания, которая достигла своего временного апогея в том, что Соединенные Штаты при президенте Франклине Д. Рузвельте в 1935 году дали Филиппинам «статус Содружества», который официально интерпретировался как что-то вроде автономии, хотя этот статус ни в малейшей степени не затрагивал экономические или политические привилегии США.

Все-таки филиппинское население смогло выбрать парламент, который принял конституцию. Она в своих основных чертах копировала американскую конституцию. Мануэль Кесон, полностью послушный Америке представитель богатой буржуазии из партии «Nacionalistas», был выбран первым президентом страны, которая и дальше сохраняла статус вотчины США, и в которой классовые противоречия все сильнее обострялись, в то время как мир находился накануне Второй мировой войны.

* * *

При исследовании многих обстоятельств, в которых я должен был разобраться перед написанием этой книги, мне очень помог Хосе Лава, бывший генеральный секретарь коммунистической партии Филиппин и ветеран движения хуков.

Здесь я хочу выразить ему мою благодарность.

Автор

Список иллюстраций

Фото 1. Фрэнсис Сэйр	7
Фото 2. Мануэль Кесон	8
Фото 3. Дуглас Макартур с его знаменитой трубкой из кукурузного початка.....	13
Фото 4. Командный пункт Макартура в одном из глубоких туннелей на острове Коррехидор во время битвы за Батаан. На заднем плане (в центре) Макартур, который в то время еще осуществлял командование.	13
Фото 5. Джордж Грюнерт	14
Фото 6. Педро Абад Сантос	17
Фото 7. Хосе Лава (справа), который в момент его ареста в октябре 1950 года был генеральным секретарем коммунистической партии Филиппин, здесь изображен после его освобождения из заключения, двадцатью годами позже. Рядом с ним его брат Хесус.	29
Фото 8. Крисанто Эванхелиста	29
Фото 9. Касто Алехандрино	43
Фото 10. Льюис Хайд Бреретон.....	46
Фото 11. Большие потери японцы понесли в боях на полуострове Батаан. Здесь им противостояли – в рядах американской армии – филиппинские солдаты, которые ожесточенно защищали каждую пядь земли, хотя потеря островов уже была заранее запланирована американским командованием.	51
Фото 12. Томас Чарльз Харт	54
Фото 13. Масахару Хомма	57
Фото 14. Руины Коррехидора, старой испанской крепости, которую американцы защищали как последний бастион на Филиппинах. На заднем плане холм Малита с входом в последний командный пункт, из которого генерал Макартур тайком покинул островную крепость и был ночью вывезен на подводной лодке.....	60
Фото 15. Японские танки входят в Манилу.	61
Фото 16. Доктор Хосе Фабелла	64
Фото 17. Бениньо (Бенигно) Акино	64
Фото 18. Сотеро Хулау Балуйот (Балуйут)	64
Фото 19. Теофило Сисон	65
Фото 20. Хосе Лаурель	66
Фото 21. Хорхе Варгас.....	66
Фото 22. Джонатан Уэйнрайт.....	69
Фото 23. Генералу Уэйнрайту, посредственному командиру, выпал неблагоприятный жребий после ухода Макартура защищать Коррехидор до последнего, и после этого попасть в японский плен.	70

Фото 24. Фелипа Кулала, рисунок художника Доса Гарсии	76
Фото 25. Луис Тарук.....	82
Фото 26. Хосе де Леон (Димасаланг).....	87
Фото 27. Шестого мая 1942 года остатки армии США в Коррехидоре капитулировали. Приблизительно в это время хуки уже активно действовали во всем Центральном Лусоне.....	89
Фото 28. Томоюки Ямасита.....	90
Фото 29. Манила под японской оккупацией. Город сильно разрушен. На фотографии изображен район Армета. (3 – отель «Манила», в котором разместилась японская тайная полиция Кэмпэйтэй; 5 – статуя Хосе Рисаля в парке Лунета.)	96
Фото 30. Висенте Лопес Мадригаль.....	97
Фото 31. Клэр Филлипс.....	100
Фото 32. Мануэль Рохас.....	105
Фото 33. Песо USAFFE, командования американских войск на Дальнем Востоке. Одно из средств платежа, которые американские военные органы нелегально ввозили на Филиппины во время японской оккупации. Оно служило важной психологической цели. Песо должно было возвестить, что США сохраняли свои притязания на власть на Филиппины, и не были под впечатлением от народного движения.	122
Фото 34. Луис Тарук среди хуков.....	123
Фото 35. Роберт Лэпхэм (третий слева) и его «лусонские партизаны» (Luzon Guerrilla Armed Forces, LGAF).	126
Фото 36. Летающая лодка РВУ («Каталина») американцев доставляет на Филиппины из Австралии обученных агентов OSS. Во время таких тайных высадок войска хуков нередко защищали американцев от сюрпризов со стороны японцев.	129
Фото 37. Хуки выходят из джунглей. Так же, как здесь, они во многих местах выходили к высадившимся американцам, чтобы приветствовать их. Они делали это, думая, что встречают союзников. В большинстве случаев их разоружали и отправляли в лагеря. «Союзники» не были готовы даже разговаривать с ними.	129
Фото 38. Командиры американских партизан на Филиппинах. Роберт Лэпхэм, Эдвин Рэмси, Джайлс Меррилл, Алвин Фаретта, Джон Бун, Рэй Хант, Бернард Андерсон. Манила, апрель 1945 г.	130
Фото 39. Амадо Эрнандес.....	130
Фото 40. Уильям Донован.....	131
Фото 41. Кортни Уитни.....	131
Фото 42. Хосе П. Лаурель занял пост президента Филиппин милостью Японии. Фотография изображает его на инаугурации в Маниле 14 октября 1943 года.	133
Фото 43. Кларо М. Ректо	134

Фото 44. Конвои и посты из двух часовых на дальности прямой видимости друг от друга, это было единственной возможностью для японцев во время их оккупации поддерживать свое транспортное сообщение, по крайней мере, на самых важных дорогах в тех регионах Центрального Лусона, где действовали хуки. Как только японцы теряли бдительность, партизаны наносили удар. 137

Фото 45. Фотография, которая обошла весь мир: Макартур выполняет свое обещание и возвращается. Генерал, который одновременно был одним из самых больших землевладельцев на Филиппинах, позволил сфотографировать себя во внушительной позе, чтобы с самого начала не возникло сомнений о том, что острова снова стали американской колонией. Однажды у командира отряда хуков поблизости от городка Лубао на западе провинции Пампанга появился американский солдат, который назвался Джонсоном, и сказал, что он командует маленькой группой американских солдат, отставших от своих частей. Он просил группу бойцов хуков прибыть в их лагерь, чтобы там договориться о совместных действиях против японцев. 142

Фото 46. Легенда о харакири японских солдат в реальности оказалась не соответствующей действительности. Вместо того чтобы бороться вплоть до самопожертвования, значительные массы японских солдат капитулировали перед американцами. (Здесь изображен лагерь для пленных на Лусоне). Однако американские военные историки еще сегодня часто представляют поражение японцев как «борьбу до последнего конца», вероятно, чтобы превознести свои собственные достижения. В феврале 1944 года настал черед Маршалловых островов. Кваджалейн, Энветок и Рой были захвачены. Хотя японские войска и оборонялись здесь упорно, все же, они должны были уступить американским десантным войскам. Также вдоль северного побережья Новой Гвинеи американцы все дальше продвигались вперед. Одновременно они готовили свой десант на Марианские острова, который должен был стать последним шагом перед нападением на Филиппины. 146

Фото 47. Серхио Осменья..... 148

Фото 48. Генерал Макартур с Осменьей (справа), президентом-преемником Филиппин, на Лейте, вскоре после американской высадки на этом острове. После этого инструктажа Осменья произнес по радио речь, в которой уже отчетливо проявлялась будущая политика США на Филиппинах. Сначала Осменья похвалил достижения американских войск, он выразил свое почтение Макартуру, победителю, который обещал, что вернется, и теперь исполнил это обещание. О многолетней борьбе простого народа против оккупантов он ничего не говорил; о хуках он даже не упомянул..... 149

Фото 49. Американская бомбардировка Манилы. После тяжелых разрушений, которые уже в начале войны нанесли столице японцы, американцы теперь в ходе своего возвращения тоже бомбили территорию города, прежде чем они перешли к наступлению. На фотографии изображен дворец Малакьянгг в отблеске пожаров. Но жители, которые пережили ужасные времена, выбегали на улицы, чтобы приветствовать освободителей. Освободителями были не только американские войска, которые с улыбками махали руками со своих танков, но и сражавшиеся иногда босиком партизаны, которые маленькими колоннами продвигались по городу, выслеживали последних японцев в их укрытиях, и затем устроили себе заслуженную передышку. 152

Фото 50. Манила в огне и руинах	153
Фото 51. После отвоевания американцами филиппинская столица оказалась одним из наиболее разрушенных городов мира.	153
Фото 52. Американские войска во время взятия Манилы. Здесь они переправляются через реку Пасиг. В городе к этому времени отряды хуков уже подавили последние очаги сопротивления японцев.	154
Фото 53. Превосходство в авиации было решающей предпосылкой для американского вторжения на Филиппины. Как здесь – на некогда американской авиационной базе Кларк-Филд – японские самолеты часто были уничтожены уже на земле, прежде чем началось вторжение.	155
Фото 54. Лейтенант Билл Литтлфилд, 1943.....	158
Фото 55. Сильвестр Ливанаг (Линда Биэ)	161
Фото 56. Мариано Бальгос	162
Фото 57. Членский билет ветерана Хукбалахап.....	167
Фото 58. Матео дель Кастильо	168
Фото 59. Наступление на Лусоне. После того, как американские войска сломали сопротивление японцев на берегу в местах высадки, они смогли почти беспрепятственно пересечь страну. Даже в труднопроходимых лесистых областях они продвигались вперед, не отвлекая существенные силы на боевое охранение. Хуки уже в значительной степени устранили угрозу со стороны японцев. Крупные полицейские силы следили за ходом мероприятия. Они были откомандированы в Манилу отовсюду, но получили категорический приказ не вмешиваться. Были опасения, что их вмешательство могло бы вызвать катастрофу. Американские наблюдатели, среди них Фредерик и его группа, вынуждены были, скрипя зубами, смотреть, как митинг прошел в спокойствии и порядке.	168
Фото 60. Американские десантные катера в заливе Лингаен. Высадка происходила почти без помех. Сопротивление японцев было сломлено непрерывными атаками хуков в их тылу еще до того, как высадились американские войска.	169
Фото 61. Высадка в залив Лингаен. Американские войска за выгрузкой предметов снабжения. После того, как побережье было захвачено, американская армия в большинстве случаев смогла беспрепятственно развертываться.	169
Фото 62. Продвижение американских войск на Лусоне. Американские солдаты двигаются в разомкнутом боевом порядке. Сопротивление японцев ограничивалось немногими центрами.	170
Фото 63. Десант на Лусоне. В большинстве случаев высадка американских войск была похожа на изображенную здесь. После сильного артиллерийского обстрела японское сопротивление ослабевало, и американцы могли высаживаться из своих десантных катеров на побережье почти так же, как на учениях.	171
Фото 64. Эдвард Лансдейл	172

Фото 65. Хойт Ванденберг.....	174
Фото 66. Эльпидио Кирино.....	184
Фото 67. Репортер «Ассошиэйтед Пресс» Спенсер Дэвис (слева), Эдвард Лансдейл (в центре) и майор филиппинской армии Наполеон Валериано (справа) с пленными хуками, 18 июля 1947 года. Фотография из книги Макса Бута «The Road not Taken. Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam».К этому времени Хуан Тесос поселился в Гапане, небольшом городке в провинции Нуэва-Эсиха. Он женился на девушке, с которой познакомился среди хуков, и после роспуска отрядов хуков переехал с нею в дом родителей. Отец Росалины, жены Хуана, был жестянщиком и работал в коммунальном управлении, занимаясь ремонтом городского водопровода. Ему удалось замолвить словечко за Хуана. Бывшего хука приняли в группу шахтеров, которые занимались удлинением водопроводной линии. Эта работа обеспечивала молодой паре средства к существованию.	185
Фото 68. Хосе Сулуэта	189
Фото 69. Рамон Эспириту	191
Фото 70. Федерико Макланг	191
Фото 71. Гильермо Франсиско	193
Фото 72. Эдвард Лансдейл и Рамон Магсайсай.....	197
Фото 73. Рамон Магсайсай в свою бытность министром обороны Филиппин лично контролировал операции против хуков. Фотография из американского журнала «Life».	210
Фото 74. Министр обороны Магсайсай со своим телохранителем. Как доверенное лицо американской разведки он – во взаимодействии с Эдвардом Лансдейлом – сыграл решающую роль в борьбе против хуков. Он разрабатывал тактические планы, по которым вооруженная и идеологически обработанная американцами филиппинская послевоенная армия разгромила революционное движение.Магсайсай, узнав об этом, приказал привести этого человека к себе. Он предложил ему огромную сумму денег и абсолютное сохранение его поступка в тайне. Несколько позже список с именами и адресами всех членов центрального комитета лежал на письменном столе Магсайсая. Однако Магсайсай придумал для маскировки еще одну историю, которая должна была оказать сильное воздействие на общественное мнение. Согласно этой истории, внук национального героя Хосе Рисаля, тоже член коммунистической партии, якобы совершил измену. С одной стороны, эта история, которая сразу же была распространена газетами и радио, отвлекала от настоящего предателя, с другой стороны, она ловко создала психологическую дифференциацию между борьбой Рисаля и целями ХМБ, на что «клюнули» много людей. Лансдейл был в восторге, когда читал газеты. Все же в лице Магсайсая он подобрал правильного человека!.....	211
Фото 75. Эдвард Лансдейл и Рамон Магсайсай в октябре 1952 года. На заднем плане командно-штабной броневик М-20 американского производства.	212
Фото 76. Танки против хижин. «Акции умиротворения» Магсайсая были чрезвычайно жестокими. Если становилось известно, что в какой-то деревне было организованное сопротивление хуков, войска окружали эту деревню и расстреливали хижины.....	217

Фото 77. Хосе Рисаль.....	223
Фото 78. Андрес Бонифасио	224
Фото 79. Эмилио Агинальдо	225
Фото 80. Джордж Дьюи.....	227

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).